

Шесть предметов старины

Необходимое пояснение

С Валерием Мизайловым aka Дзен-террористом я познакомился в интернете случайно. Не помню, на что именно я у него наткнулся в самом начале, но с удовольствием разместил у себя несколько рассказов: «[Мелодия вечного счастья](#)», «[Где сидит фазан?](#)», «[Шахматист](#)», «[Мастер Смерть](#)»... Понравились [истории про Широчку](#), книга для нечтения «[Дневник дзен-террориста](#)».

Валерий действительно хорошо пишет (по крайней мере — мне нравится), метко подмечает несуразности нашего мира, и мне нравится его несколько сюрреалистический стиль. Как-то, после написания его произведения «[Цирцея. Варианты ответа](#)» мы пообщались в виде писем на заданную тему, получился интересный опыт — выражение мировоззрения через иную систему: «[Сатанизм в терминах Цирцеи](#)».

Затем как-то попытались сделать литературную игру в виде писем на определенную тему — но тут, честно говоря, тема была натужной, поэтому незначит: «[Переписка](#)» (можно не тратить время на прочтение).

Тем временем общались в блогах, знакомились, во многом разделяя воззрения по поводу современного социума. Что касается литературы, то я подметил у Валерия недостаток в написании больших форм: если афоризмы ему удаются блестяще, небольшие притчи и рассказы — тоже на уровне, то повести интересно читать, но они как-то резко обрываются, и получается ощущение «Что это было, Бэрримор?!». Про что это, собственно говоря, было написано?

Во время обсуждения этой темы и Дзен-террорист и высказал предложение: мол, мы уже писали по очереди переписку, а давай попробуем повесть так написать? Конец я оставляю тебе, чтобы сам придумывал и не жаловался, а я начну. Я согласился — хотя я и знаю, что на писателя не тяну, но иногда хочется пографоманить. Договоренность была проста: пишем главы по очереди, при этом какого-либо специального согласования «о чем» нет — в начале мы даже не знали, описываем ли одного героя или же двух разных.

Начало пошло задорно, но потом начались сложности. Дело в том, что я могу легко отделять деловые отношения от дружеских или использовать осознанную глупость вида «ты начальник — я дурак», но категорически не приемлю разделение «что человек делает» и «что человек из себя представляет». Если человек делает то, что я считаю неприемлемым, пусть лишь в виде высказывания позиции, то иметь с ним какие-либо дела я буду лишь в формате «точное ТЗ и предоплата 50% минимум». О какой-либо общей деятельности для удовольствия речь не идет — становится противно общаться.

Если склероз не подводит, то начали мы эту эпопею где-то под конец 2005 года, и после хорошего, бодрого старта начались сбои — у Михайлова в блоге пошли посты «за либерализм» и т.п.

Мы два раза прерывались на обсуждение — см. [«Переписка на тему национализма»](#) и [«Переписка на тему социализма»](#) (кто там более прав — решайте сами). Оба раза я с трудом собирался с силами, чтобы «списать» упорное игнорирование элементарного и глупость в логике, характерную для верующих, а также либероидную фетишизацию «свободы для» — ну интересно же читать! И писать тоже — но паузы бывали и по полгода. Причем как-то даже обидно было: только забуду про что-нибудь эдакое, как Валерий у себя в ЖЖ напишет нечто настолько либероидное, что сразу пропадает желание писать вместе общую книгу. Мол, *это вот* — и у меня в соавторах?!

Даже возникла мысль попросить не писать некоторые темы, быстро закончить книгу, а дальше — пусть будет что будет.

Но в июне 2010 я все же не выдержал, когда Валерий [заявил](#), что-де «от олигархов кроме пользы никакого вреда». Для лучшего понимания — вот его позиция [подробнее](#):

«1.1. Везде, где основная масса людей живет хорошо, делами заправляют именно олигархи или их ставленники.

1.2. Главная цель олигархов — увеличение капитала, а капитал — это не яхты с икрой, а заводы, отели и пароходы. То есть рабочие места и условия для сбыта продукции — потребительский рай. И в отличие от поставленных партией чиновников, они заинтересованы именно в росте капитала, а не в похвале начальника и возможности урвать что-то для себя. Да и в олигархи они выбились потому, что сдали экзамен на конкурентоспособность именно в ведении дел, а не в лизании жопы какому-нибудь "дорогому и любимому"».

После *такого* — общаться смысла нет в принципе, как из-за оголтелой либероидной позиции, так и вследствие уровня аргументации. Вот с лета прошлого года заготовка и валялась, и доделать в читабельный вид я нашел время лишь сейчас.

Техническое примечание: у нас были полностью согласованы 15 глав. Текст я не правил. А вот далее у меня сохранились заготовки на дальнейшие главы вплоть до 19-й, которые я доделал и выкладываю — соответственно, парных глав от Валерия нет. И дописал конец, разумеется.

Касательно копирайта. Официально сообщаю, что, во-первых, Валерий возмущался тем, что-де недоработано, а я собрался выкладывать, и во-вторых, мне эти возмущения безразличны. Копирайт я сохраняю, в авторах присутствует. Его текст не изменен (несколько запятых и т.п. не в счет), незадолго до прекращения общения он как раз делал «откат», заявив, что мы оба что-то начали халтурить, оставляем хорошие 15 глав, остальное удаляем — то, что он решил удалить, я удалил. Ну и разве может быть **дзен-террорист** копирастом? Если Валерий захочет дописать главы альтернативно (не учитывая мои после 15-й), то имеет полное право. Может, даже уже написал — я не слежу за теми, с кем прекратил общение.

Warrax, 11/02/2012



Картина «Бармаглот» © лорд Гарвальс aka sabretooth-666, с разрешения автора.
<http://sabretooth-666.livejournal.com/>

Писатель!

*Твори так, чтобы каждое твое слово
повышало кармические надои домохозяек!*

Август к.

БАРМАГЛОТ 1

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

О, бойся Бармаглота, сын!
Он так свиреп и дик,
А в глуше рымит исполин —
Злопастный Брандашмыг!

Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум,
В глущебу путь его лежит
Под дерево Тумтум.

Он стал под дерево и ждет,
И вдруг граахнул гром —
Летит ужасный Бармаглот
И пылкает огнем!

Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы — стригает меч,
Ува! Ува! И голова
Барабардает с плеч!

О светозарный мальчик мой!
Ты победил в бою!
О храброславленный герой,
Хвалу тебе пою!

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Бармаглот... Кто бы мог подумать, что это детское стихотворение из совсем не детской книжки станет для меня путеводной картой, тем более что я никогда не был ни суеверным, ни религиозным, ни мистически настроенным человеком. Нет, разговоры на эти темы, как и на многие другие, я всегда умел поддерживать. Когда берешь за массаж столько, сколько беру я, надо уметь массировать не только тело, но и мозги клиента, особенно если клиент — скучающая богатая сука, приходящая к тебе просто от нечего делать. Иногда... Нет, не иногда приходят и такие, которые хотят от тебя особых услуг, но эти у меня не задерживаются. Я не делаю этого с клиентами.

У меня был свой собственный дом, который мне нравился, была машина, была работа. Четыре часа в день — этого вполне хватало — было свободное время, были девочки... У меня была спокойная размеренная жизнь, о которой я и мечтал.

И что же?

Ни с того, ни с сего, во мне возникает совершенно параноидальное, ничем не спровоцированное стремление бросить все это и отправляться на поиски хрен знает чего! Я совершенно не понимаю, что, а главное для чего я это делаю? И что я должен искать?

Ключевое слово БАРМАГЛОТ.

Бармаглот снился мне каждую ночь. Вернее, снился его замок, похожий на буржуйский отель в местах скопления туристов времен готической архитектуры. Я бежал за ним по бесконечно длинным коридорам, форма и расположение которых нарушало все известные мне законы природы, я гнался за ним изо всех сил, но кроме шагов и издевательского смеха...

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил в почтовом ящике рекламный буклет с изображением... ЗАМКА БАРМАГЛОТА. Оказывается, эта сволочь преспокойно обитает в отеле «Раксис», расположенном на берегу Карибского моря, «на райском острове Толеро, где сохранилась атмосфера прошлых веков».

Путевка стоила всех моих сбережений, за исключением движимого и недвижимого имущества в лице дома и автомобиля. Квалифицированный психиатр стоил не меньше.

Я выбрал курорт.

В аэропорту меня встречал шестидесятилетний (на вид) карапуз. Он был мне по грудь. Судя по всему, он не знал английский примерно так же, как и я, что не помешало нам прекрасно обо всем договориться. Звали мою путеводную звезду Александр. Меня...

Возле аэропорта нас уже ждал конный экипаж. Я ничего не понимаю в повозках, поэтому как называлась эта штука... «Раксис» находился в каких-то ста метрах, но конная прогулка входила в стоимость путевки. По крайней мере, я так это понял.

Как оказалось, конные экипажи были здесь неотъемлемой частью духа былых веков. Здесь не было автомобилей, не было электричества, не было телефонов... Не было ничего того, что появилось в 20 веке. Правда, повсюду была магия. Так, например, ночью я мог пользоваться свечой, а мог «волшебным образом» включить или отключить волшебный фонарь. В магической комнате был аппарат для переговоров на расстоянии и Око Дракона, принимающее все спутниковые каналы. Правда, не было вездесущих пепси и

коки, зато была масса натуральных напитков.

Обстановка на острове действительно была райской. Здесь можно было ходить в чем угодно и даже без ничего. Любовь разрешалась с 14 лет, причем не обязательно за деньги. Трава была убойной и дешевой и тоже совсем легальной. Ее можно было курить где угодно и когда угодно. Рай.

Я купался в море, ел сладости, курил траву, любил, загорал... в общем, в полной мере наслаждался розыскной работой. На преодоление языкового барьера ушло не больше недели. Здесь все говорили на чудовищной лишенной всякой грамматики смеси слов, которая здесь почему-то называлась английским. Если же нужного слова не было в словаре, достаточно было показать на интересующий предмет пальцем.

Думаю, не надо объяснять, насколько я был рад, что не обратился за эти же деньги к психиатру. Благодаря здоровому образу жизни на свежем воздухе, я практически успокоился, но вечерами, после сытного ужина, я все же прогуливался по острову, напевая тихонько себе под нос «Наша служба и опасна и трудна». Так я искал Бармаглота. И, на свою голову, нашел.

За пять дней до возвращения домой я наткнулся на вывеску: «BARMAGLOT». Обозвав себя последними словами за то, что сунулся в эту часть острова, я вошел внутрь. Это был «Магический салон»: оздоровительный комплекс, бордель, бар, комната предсказателя и прочая ерунда.

Не знаю для чего, я предложил свои услуги.

— Массажист? — спросила меня хозяйка заведения, красивая женщина лет сорока. — Здесь работают только лучшие специалисты со всего мира.

— Я понимаю, — сказал я, несмотря на то, что это был откровенный чёс.

— И вы хотите сказать, что подходите под это определение.

— По крайней мере, на путевку я заработал своими руками.

— Ладно. Сделай массаж Йоу.

— Йоу, так Йоу, — согласился я, хотя совершенно не понимал, о каком виде массажа шла речь.

— Йоу! — позвала она.

— Я весь внимание, — в кабинете словно из-под земли появился азиат неопределенного возраста.

— Этот господин сейчас сделает тебе массаж.

— Как скажете.

— Как, кстати, вас зовут?

— Ка, — для чего-то ответил я.

The lab 01

— Удостоверение.

— Вот...

— Удостоверение.

— А у вас в руках что?

— Ваш паспорт.

Ах да, удостоверение... Я зарылся в сумку, судорожно вспоминая, куда засунул бумажку, которую мне выдали перед отправкой сюда — плохо пропечатанная типографика с еще более неразборчивой печатью и закорючкой вместо подписи. Ага, вот оно — засунуто в один из кармашков ежедневника...

— Так бы сразу и сказали.

— Я так сразу и сказал, — лицо встречающего сделало бы честь любому самураю, несмотря на европейскую внешность.

Неожиданно для себя я смутился. Давно забытое ощущение.

— Багаж — на транспортер, тебе — налево на медосмотр.

— С каких пор мы на «ты»?! — возмущение было наигранным, но я не видел другого выхода, чтобы выразить эмоции от столь бесцеремонного обращения.

— Ровно с тех пор, как ты переступил порог этого заведения. Еще вопросы есть?

— Есть, но не к вам!

— Как хочешь, — рот моего собеседника наконец-то показал, что ему не чужды эмоции: он слегка улыбнулся. — Налево на медосмотр, пожалуйста.

Честное слово, первый раз был на медосмотре, на котором не попросили раздеться хотя бы до пояса. Датчики, конечно, были в ассортименте, но все же приятнее сидеть в удобном кресле и выполнять различные задания, чем «дышать/не дышать» или сдавать анализы.

— Что тебе это напоминает?

— Чернильную кляксу.

— А точнее?

— Куда уж точнее? Вас что интересует — цвет чернил?

— «Тебя», если не сложно. Интересует, какая ассоциация возникает у тебя при взгляде на эту кляксу.

— Сложно. Ну ладно: это белый медведь, он идет по пустыне в тапочках, они ему жмут.

— Почему именно такая ассоциация?

— Он в пустыне загорел, потому уже не белый. А вот у него две ноги, — я показал на два потека, сходящиеся вместе, — тут у него две ноги в одной тапочке, поэтому они ему и жмут....

— Ответ не по существу. Это — не твоя ассоциация, ты когда-то прочел ее. Почему сейчас решил использовать именно ее?

— Доктор, — начал я закипать, — неужели вы думаете, что я не знаю, что такое тест Роршаха? Или Вы думаете, что, зная принципы его интерпретации, можно на него ответить так, как будто видишь его в первый раз?!

— Ну вот видишь, можешь и честно на вопрос ответить, если хочешь.

— И что, надо было сказать, что мне это напоминает тест Роршаха?!

— Разумеется. Ведь напомнило тебе это именно тест Роршаха, не так ли?

Я не нашелся, что ответить.

— А сейчас я буду называть двузначные числа, а ты будешь отвечать на мой вопрос

строго в виде «А почему не», а затем — число, в котором единицы и десятки переставлены местами. Например: «Сорок пять» — «А почему не пятьдесят четыре?». Отвечать не задумываясь, засекается время реакции. Понятно?

— Понятно.

— Шестьдесят восемь.

— А почему не восемьдесят шесть?

— Тринадцать.

— А почему не тридцать один?

— Девяносто два.

— А почему не двадцать девять?

— Тридцать три?

— А почему вы мне рассказываете старые анекдоты? — честно говоря, с этим ответом я на полсекунды замешкался.

— Хорошо, достаточно.

Мой собеседник в белом халате (странно, что халат был действительно белым — уже давно стало привычным, что медперсонал ходит в спецодежде салатного цвета) повернулся в сторону, открыл дверцу шкафа — в ней стояло что-то похожее на сейф, но без замка. Все оказалось просто — мини-холодильник.

«Надеюсь, лед за шиворот засовывать с целью проверки моей реакции все же не будут», — пронеслось в голове. А то с этих станется...

Из холодильника извлеклась запотевшая бутылка. Обычная такая бутылка водки, «Станичная», уже слегка начатая. Вслед за ней из того же холодильника появилась стопка — холодная! сервис, однако — и была поставлена передо мной. Не обращая внимания на мою реакцию (так я и поверил), мой визави налил холодной жидкости ровно по риске.

— Угощайся.

— А себе?

Ничего не говоря, Экспериментатор Хренов — надо же его наконец как-то называть для себя — протянул руку в холодильник и достал вторую рюмку, которая была так же аккуратно наполнена.

— Ваше здоровье.

— И твое.

Мы чокнулись и залпом выпили. Экспериментатор Хренов взял бутылку и отправил ее на место в шкаф. Затем — рюмки, но уже не в холодильник, а просто на полку. Снобизм какой-то — водку мне в юности и из горла пить приходилось, а тут, видите ли, рюмки уже нагрелись...

— Объясни, пожалуйста, значение слова «злопастный». Если ты не помнишь, это из стихотворения про Бармоглота: «Злопастный Брандашмыг».

— Кажется, это одновременно злой и опасный, — я судорожно начал припоминать когда-то прочитанное...

— Это опять чужая ассоциация.

— Ладно. Тогда это — неправильное прочтение сокращения «трехлопастный». Было записано через цифру — «3-лопастный», потом перепутали «3» и «З».

— Неплохо. Эта трактовка более верна, чем процитированная изначально?

— Нет!

— Тогда зачем ты ее высказал?

— Потому что она отличается от первой, — я старался говорить медленно и спокойно, но, думаю, приборы на пульте у Экспериментатора Хренова зашкаливали. С моей стороны стола их видно не было.

— Ну и что?

— Как это ну и что?

— Я попросил объяснить значение слова.

— Я и объяснил!

— Нет, конечно же. Кто только что сказал, что приведенная трактовка не более верная, чем процитированная чужая?

— Да нет у этого слова никакого значения! Это не слово, а игра слов, и даже сам Кэрролл не факт, что знал «точное значение» этой смой злопазности трехлопастной, тем более что я понятия не имею, какое извращение у него было написано в оригинале на английском языке!

— Отлично. Из тебя, дружище, приходится правильные ответы словно клещами вытягивать....

В таком духе продолжалось часа три. За это время мы успели и еще выпить (рюмки действительно доставались каждый раз новые и холодные), и закусить (вкусно готовят, этого не отнять), один раз зазвонил телефон и Экспериментатор Хренов, извинившись, вышел из кабинета минут на десять — я просидел на своем месте, не пытаюсь порыться в ящиках стола или сделать что-либо подобное — нашли дурака. Хотя, кто его знает — может, им (кому «им», кстати?) это и надо было...

К концу, когда тесты стали еще более идиотские, а нервное перенапряжение вкупе со спиртным несколько сказалось, у меня все же вырвалось «Экспериментатор Хренов» в явном виде, в ответ на что я услышал лишь «Не оригинально»...

Но все равно или поздно кончается.

— Все.

— Что все?

— С тобой все.

— Что со мной все?

— Все с тобой ясно, чего же еще. Медосмотр окончен.

— И что, все? — совсем уж тупо спросил я.

— А что, еще хочется? Не все сразу.

— И что теперь?

— А теперь — домой.

— Ты хочешь сказать, что я тест не прошел, — осторожно спросил я. Где-то после полутора часов я уже путал «ты» и «вы», а со второго часа перешел строго на «ты». Хотя бы исходя из того, что выражение «Вы — Экспериментатор Хренов» смотрится как-то странно.

— Прошел. Давно прошел. Если бы не прошел, то сюда бы и не попал...

- А сейчас что было — не тест?
- Нет. Всего лишь знакомство с новичком.
- И что — я потряс пучком кабелей от датчиков, которые были к тому моменту от меня уже отцеплены, — это все было липой?!
- Я этого не говорил.
- Но я так думаю!
- Имеешь право.
- Да ты еще тесты не закончил, и наш разговор сейчас — это последний тест!
- Ты так думаешь?
- Нет.
- Что нет?
- Не думаю, что последний.
- Тоже верно, — и на этот раз улыбка Экспериментатора была вполне естественной. Или очень естественно выглядела естественной. Честно говоря, я просто вымотался.
- Так тогда почему «домой»?
- Потому что твой дом теперь — здесь. На шестом Круге.
- Ада? — я понимал, что шутка глупая, но голова действительно соображала уже попросту никак. Плоские шутки хотя бы легче извлекаются из памяти...
- Нет, жилого комплекса. Вот, — Экспериментатор протянул мне пластиковую карточку с магнитной полосой, — сейчас налево по коридору, в конце — лифт, спуститься на шестой Круг, сектор J, блок 5. Вещи уже там. В общем, ложись отоспись, утро вечера мудренее, а если проснуться к обеду — то день вообще еще мудрее утра получается. Завтра у тебя все равно он адаптационный. Да, если тебе интересно, то меня зовут все же не Экспериментатор Хренов — по крайней мере, так зовут не все. Доктор Джекил, — и он протянул руку, которая при рукопожатии оказалась не столько сильной, сколько цепкой.
- А меня... — начал я представляться.
- Неправильно.
- Ага! — действительно, о том, что мое паспортное имя отныне никого не волнует, мне сообщили еще при посадке в самолет, — а меня зовут... — я взглянул на карточку и ничего не увидел, кроме пустой графы «имя».
- Правильно.
- Что — меня никак не зовут? Надеюсь, хотя бы не «Эй, ты?»
- Выспишься — подумаешь, как тебя зовут. Только не торопись — все же выбираешь имя, а не кличку. Все! Шагом марш налево по коридору до лифта!

БАРМАГЛОТ 2

Думаю, стоит определиться.

Я не убийца; не секс-гигант; не миллионер; не бандит; не гей; не наркоман; не супер, спасающий мир, человечество или, на худой конец, президента... Если вам этого достаточно, чтобы бросить читать — валяйте, вернее, валите. Надеюсь, круг ваших

интересов все же выходит за эти рамки.

Идем дальше.

Дверь была не заперта. Лучше бы я ее не открывал! Внутри было царство зловония. Пахло давно немывыми старческими телами, дерьмом и еще чем-то отвратительным. Закрыв нос платком, — совершенно бесполезное действие, — я вошел внутрь. Старух было две. Они лежали на железных (две спинки и сетка) кроватях и, казалось, мирно спали. Третья кровать была пуста. Вот уже несколько суток старухи делали все под себя, и это, пропитав насквозь матрас, стекало на пол. Старухи не были ни мертвы, ни парализованы. Из них словно бы выдернули саму идею движения, и это было ужасней любого более реалистичного кошмара.

Покрывало с третьей кровати валялось рядом на полу. Я осторожно потянул его за край. Открывшаяся картина заставила мои волосы подняться дыбом. Меня вырвало.

Гнилой пол возле кровати провалился. В этой дыре в огромной луже гноя и нечистот лежала третья старуха. Ее уже начали есть черви. Они копошились во рту и пустых глазницах, которыми она смотрела мне прямо в глаза.

Вдруг ее рот растянулся в глупой улыбке.

Меня накрыла волна ужаса. Это была ловушка! Стоило мне сделать хоть одно резкое движение, и сгнивший пол провалится подо мной. Я окажусь в бездонном море гноя и нечистот, откуда уже никогда не смогу выбраться!

Превозмогая страх, я осторожно лег на живот и ползком, прямо по лужицам старушечьих выделений начал медленно ползти к выходу...

Милый дневной сон.

Проснувшись, я какое-то время сидел на кровати, переводя дыхание. Затем отправился на кухню и выпил почти полбутылки минеральной воды. Немного полегчало.

—...! — выругался я.

Солнце уже почти село за горизонт. Жара, скорее всего, спала, и можно было пойти прогуляться. Я надел шорты, майку и шлепанцы и вышел на улицу. Приятный свежий ветерок окончательно вернул меня к жизни. Я решил искупаться в море. Стемнело, но возвращаться совсем не хотелось. Я лежал на еще теплом песке и смотрел в небо. Кроме меня на берегу не было никого. Это был настоящий райский пляж. Путь сюда лежал через колючий кустарник, поэтому это место не пользовалось особым спросом у туристов. Зато я его обожал. Обнаружил его я случайно. Просто решил прогуляться там, куда не ступала нога человека, и обнаружил тропу.

Послышались голоса. Инстинктивно я «вжался в песок». На берег вышли два человека. Они принялись оживленно о чем-то спорить. Вдруг один из них выхватил нож и полоснул другого по горлу. Затем он помыл нож в воде, убрал его в карман и быстро пошел прочь.

Когда он скрылся, я осторожно, чтобы не вступить в кровь, подошел к убитому. Это был мой сосед снизу! (Устроившись на работу, я съехал с отеля и снял маленькую квартирку в небольшом живописном двухэтажном коттедже на восемь квартир, в одной из которых жили хозяева.) Одевшись, я отправился домой. О случившемся, разумеется, я не стал никому рассказывать. Если жизнь меня чему-то и научила, то в первую очередь тому, что в

чужие дела лучше не лезть.

Дома я долго медитировал под горячим душем, затем забрался в постель и с головой укрылся теплым одеялом. Я всегда укрываюсь теплым одеялом, и наверно даже в аду на горячей сковороде буду требовать теплое одеяло.

Проснулся я оттого, что кто-то вежливо кашлял возле моей кровати. Я выбрался из-под одеяла и включил лампу, которая стояла рядом на тумбочке. В кресле с ногами сидел Бармаглот и хитро на меня смотрел. Он был похож на романтически настроенную прикроватную тумбочку времен Елизаветы III. Не знаю, откуда в мою голову пришло это совершенно дикое сравнение, но лучше его невозможно описать. Он был настолько ни на что не похож, что вызывал ни на что не похожее чувство.

— Позволь пригласить тебя на ужин, — сказал Бармаглот, — надеюсь, ты не против перекусить.

— Всегда готов! — ответил я.

— Тогда собирайся.

Я быстро оделся, и мы вышли из дома. Людей на улицах было, как всегда, много, но на нас никто не обращал никакого внимания. Мы свернули в какую-то подворотню, прошли через двор и оказались в совершенно неизвестной для меня части города. Мы были на улице, которая могла быть одной из центральных улиц любого крупного города. Напротив нас было шикарнейшее заведение. Вывеска гласила: «РЕСТОРАН».

Мы вошли внутрь. Играла тихая, классическая музыка, под которую очень удобно чавкать. Посетителей почти не было, а столы стояли, чуть ли не в километре друг от друга.

— Это из-за их фирменного блюда, — сказал Бармаглот, словно прочитав мои мысли.

— В Китае есть одно весьма своеобразное блюдо, — начал рассказывать он, сделав заказ, — называется «Три писка». Подаются живые эмбрионы крысы. Они добываются из животов беременных крыс. Первый раз они пищат, когда их берешь палочками. Второй, когда макаешь в соус, а в третий раз уже у тебя на зубах.

— Ты хочешь накормить меня крысятиной? — спросил я.

Я совершенно нейтрально отношусь к подобного рода вещам, и с большей брезгливостью отношусь к плохо вымытой посуде, чем к всякого рода экзотическим блюдам.

— Зачем? Мы же не какие-то там китайцы.

Группа людей в белых халатах подкатила к нашему столику достаточно большие, чтобы там можно было заниматься любовью, не боясь свалиться, столы, на которых что-то было накрыто белыми скатертями.

— А вот и наш заказ, — оживился Бармаглот.

Распорядитель хлопнул в ладоши, и помощники сорвали покрывала. На столах лежали беременные женщины. Они были неподвижны.

— Мсье у нас впервые? — спросил распорядитель, видя выражение моего лица.

— Впервые не бывает, — ответил Бармаглот.

— Тогда, думаю, ему будет интересно послушать, как мы готовим наше фирменное.

— Я тоже так думаю, — согласился Бармаглот.

— Будущих, так сказать, матерей мы отбираем с детства. Они живут в

специализированных заведениях. Режим дня, питание... Все влияет на вкус...

Пока он это говорил, помощники вскрыли женщинам вены на руках и собрали немного крови в блестящие металлические чаши. Добавив туда какие-то ингредиенты (я особо не следил за процессом), они поставили чаши на специальные горелки.

— После того, как они достигают 16-летнего возраста, их оплодотворяют специально отобранной спермой и ждут чуть больше шести месяцев, после чего они готовы в пищу. Приготовление очень простое. Сначала мы обездвиживаем тело. Для этого аккуратно перерезается нужный нерв. Затем берем кровь и делаем из нее соус. Вы только что это видели. После этого извлекаем плод.

Он хлопнул в ладоши, и помощники ловко вскрыли женщинам животы. Чувствовался богатый опыт работы. Чтобы дети не мешали своими криками, им сразу же заклеили рты липкой лентой. Омыв младенцев водой, их положили на тарелки. Подали соус.

— Это принято есть руками, — сказал Бармаглот, тщательно намазывая маленькое ушко соусом, — уверен, тебе понравится.

Сказав это, он откусил ушко и начал его жевать с ангельской улыбкой на лице.

Дальше произошло то, чего я даже представить себе не мог. Я взял маленькое, ворочающееся на тарелке существо, окунул его ручонку в соус, и откусил.

Шокированный этим действием, мой организм выбросил в кровь добрую порцию коктейля из адреналина и эндорфинов. Я испытал ни с чем не сравнимое блаженство...

Проснувшись, я с радостью обнаружил, что хочу есть — сон был настолько ярким, что первое мгновение я даже подумал, что это случилось со мной наяву.

Одевшись и кое-как почистив зубы, я спустился к завтраку... и остолбенел. ЗА СТОЛОМ СИДЕЛ МОЙ СОСЕД, ТОТ, КОТОРОМУ ВЧЕРА ПЕРЕРЕЗАЛИ ГОРЛО, И МИРНО ЕЛ КУРИЦУ. Видя мое состояние, он улыбнулся не предвещающей ничего хорошего улыбкой.

— Как я понимаю, вы хотели бы услышать объяснения? — спросил он, догнав меня на улице. Я вышел немного пройтись после еды.

— Не понимаю, о чем вы?

— О том, что вы вчера видели.

— А что я вчера видел? — прикинулся я идиотом.

— Мне показалось, что вчера вы стали свидетелем чего-то необычного.

— Да нет, а что я должен был увидеть?

— Да так, ничего, — ответил сосед, — извините.

The lab 02

— Ты же любишь читать за едой, — услышал я знакомый голос, вслед за чем рядом с тарелкой хлопнулся толстый пакет. — Изучай.

На соседний стул приземлился Джекил (доктор Джекил — он всегда поправлял пытающихся сокращать его имя) и с энтузиазмом начал поглощать салат. Вареный говяжий язык, лук, яблоки и майонез. Сочетание ингредиентов странное, но на вкус — очень даже ничего. Я взял пакет — он был не запечатан — и вытряхнул из него пачку

рекламных буклетов. Вот уж чего не хотелось, так это писать какой-нибудь анализ тенденций развития толщины гамбургеров в зависимости от содержания сои в котлетах.

«Нас и тут неплохо кормят», — всплыла сентенция из старого мультфильма. Я отодвинул тарелку из-под салата и занялся стейком.левой рукой я раскрыл рекламу ресторана «Вега». Под столь звездным названием скрывался, как оказалось, заведение веганской кухни. Я хмыкнул и стал наслаждаться куском хорошо прожаренного мяса. Давно заметил, что любая информация о существовании в мире вегетарианцев не просто способствует перевариванию мясных блюд, но и существенно улучшает их вкус.

Правда, начало буклета было посвящено — а что вы хотели от веганов? — не кухне ресторана, а этике. Описывать скотобойни с фотографиями издатели все же не стали, а ограничились запретом на посещение ресторана в одежде из натуральной шерсти, кожи и меха. «В настоящее время большинство ведущих косметологов и модельеров пришло к мысли, что красота — это прежде естественность. Давайте подумаем: что может быть более неестественным, а, следовательно, уродливым и абсурдным, чем надевание на себя одежды, которую природа создала для совершенно иного биологического вида?» — прочитал я и задумался: это что, по совместительству еще и ресторан для нудистов? Нудист-веган — поистине зрелище не для слабонервных...

После этого шел запрет на фотоаппараты — это тоже было не этично, так как что-то там тоже изготавливалось из продуктов животного происхождения. Что именно — не объяснялось. А было бы любопытно выяснить, что именно делают из животных — особенно в цифровых фотоаппаратах.

Я вздохнул, отодвинул пустую тарелку, взял стакан с апельсиновым соком и другой буклет. Он был озаглавлен «Коррида» и навевал воспоминания об анекдоте «наше фирменное блюдо».

— Может, я могу узнать, зачем мне читать всю эту ерунду? — риторически поинтересовался я у доктора Джекила. Как ни странно, ответ был положительным:

— Конечно, какие проблемы! — ему хорошо говорить, а сколько раз мне приходилось изучать массив информации, не зная, зачем это надо, а потом отвечать на каверзные вопросы!

— Все просто. Завтра у тебя, так сказать, боевое крещение.

— Дуэль на мясорубках в ресторане? Тогда вегетарианские точно не подходят.

— Проще. Будет массовое убийство в ресторане. Make postal и все такое.

— Стало известно о нападении? А что, полиции мало? Мне-то ей зачем помогать? Лишь под ногами путаться буду... Да и как все это оформить — в виде случайного посетителя?

— Конечно, известно. Заранее. А полиции помогать не надо.

— Я должен арестовать маньяка? Не моя специализация. По физической подготовке могу не потянуть. У тебя что-то тесты совсем уже странные становятся...

— Арестовывать не надо. Он должен скрыться.

— Здорово. Получается, что я должен помогать какому-то там психу скрываться? — то, что мне предстоит участвовать в том, что принято называть преступлением, меня волновало мало. Здесь, под землей, законы верхнего мира не играли никакой роли.

— Ну, это — вопрос философский. Хотя, конечно, можно сказать и так. Строго говоря,

этот псих — ты. Конечно, можешь не помогать скрыться себе, но мне не хотелось бы потерять столь приятного собеседника.

«Ага, и подопытного кролика», — подумал я. Что ж, задание было непривычным, но не столь уж необычным — удивляться я уже почти разучился.

— А конкретно — какие условия?

— Очень просто. Ты до завтра разрабатываешь план, поддержка будет осуществляться точно по твоей заявке. Так что постарайся все продумать. Оружие подберешь себе после завтрака. Доешь, и топай в оружейку — сектор D, блок 4.

Доедать было нечего. Пришлось допить оставшийся глоток сока, сгрести со стола рекламу... Рекламу?

— Эй, а это все разноцветье зачем?

— Я-то думал, никогда не спросишь! Все просто: изучаешь рекламную продукцию и выбираешь, посетителей какого заведения тебе больше всего хотелось бы пустить в расход. Массово.

Ну вот, теперь все стало на свои места — никогда не поверю, что придется хоть что-то сделать без написания кучи отчетов — как предварительных, так и постфактумных. Хорошо хоть, что в произвольной форме, а не на бюрократическом языке: «будучи находясь в нетрезвом состоянии...»

Четвертый блок сектора D начинался с длинного коридора, заканчивающегося единственной дверью из рифленого стекла. Вблизи стало видно, что за дверью стоит стол, за которым сидит некто внушительных габаритов. Совсем вплотную к двери можно было даже рассмотреть лицо — и сразу становилось понятным, что слово «мордоворот» было изобретено, когда этот экземпляр попытались проклассифицировать по шкале человекообразных. Рядом с дверью на стене была самая обычная пимпочка дверного звонка. Даже слишком обычная — такие обычно ставились на лестничных площадках лет двадцать, если не тридцать, назад. Под ней был приклепан листочек бумаги в клеточку с надписью маркером «Не нажимать!».

Подумав, я легонько постучал по двери. Раздался звук, который всегда раздается, если постучать пальцем по стеклу. Фигура за дверью не шевельнулась.

Прошло несколько минут. Ничего не происходило. Я внимательно осмотрел листок и даже отогнул его, чтобы посмотреть оборот. Там ничего не было, кроме клеточек.

Делать было нечего — я прижался к косяку двери и нажал на звонок папкой, которую я даже не успел толком посмотреть. Раздалось «динь-динь». Через полминуты из-за двери послышался голос:

— Ну и долго ты собираешься там стоять?

Я отлип от косяка и осторожно нажал на створку двери. Вам, наверное, смешно, но мне как-то уже приходилось получать в лицо порцию слезоточивого газа, повернув тумблер с надписью «Для особо любопытных» во время одного из тестов.

Дверь с легким скрипом приоткрылась — вроде бы без сюрпризов. За ней оказался стол, на котором были разбросаны кисти и тюбики с красками, за столом стоял мольберт, на котором был подрамник с почти законченным портретом. Мордоворот впечатлял.

Особенностью портрета являлся фон, который повторял цвет и фактуру стен комнаты. Реализм, однако!

Рядом стоял высокий субъект неопределенного возраста, одетый в джинсовый костюм.
— Стрелок, — сказал он, протягивая мне руку.

Я тоже представился и вопросительно на него посмотрел.

— Пошли, подберем что-нибудь, — сразу перешел тот к делу и, повернувшись, сделал несколько шагов к одной из дверей. В отличие от коридора, в комнате их было то ли шесть, то ли семь — я не считал. За дверью был небольшой склад. Точнее — выставка, так как развешенные железки были по одному, по два, максимум — по три экземпляра.

— Стрелять умеешь?

— Не знаю, не пробовал, — съязвил я. Как ни странно, это было правдой — в армии не служил, охотой не увлекался, с криминалом дел не имел...

— Ничего, — подбодрил меня мой визави, тебе целиться не особо потребуется. — Обычные посетители, если даже кто-то выживет — то ничего страшного. Тебе как — автомат или что?

Пришлось подумать. Хотя опыт в таких делах отсутствовал как класс, было понятно, что автомат, даже со складывающимся прикладом, предназначен для стрельбы с двух рук и куда сложнее маскируется, чем пистолет. Но пистолет, с другой стороны, не предназначен для стрельбы очередями... Но калибр у него больше, что приятнее — раз уж устраивать побоище, то оно должно быть эстетичным. Кровь и мозги по стенам просто необходимы, иначе пропадает весь антураж.

Где-то часа через два, после сравнения характеристик того, подавляющее большинство чего я не только видел, но и название чего слышал первый раз в жизни, я остановился на двух игрушках. Во-первых, «стечкин» отечественного производства. Серьезная машина, пожалуй, несколько тяжеловатая для меня. Зато объем магазина и возможность стрелять фиксированными очередями по пять патронов выглядели очень полезно. Честное слово, я не имею ни малейшего понятия о том, как считать выстреливаемые патроны в момент стрельбы, а выпустить за раз весь магазин — это как-то не солидно. И даже такому неучу в военном деле, как я, понятно, что отдачей эти патроны большей частью будут направлены в потолок. Для левой руки я подобрал «Хеклер-Кох» со стволом, представлявшим собой один цельный большой глушитель. Вдруг потребуется? А стрелять прицельно с левой руки я и не мечтал.

Следующие два часа были проведены в тире. Результаты не вызвали оптимизма, но попасть в не спеша чавкающего обывателя с расстояния нескольких метров я все же должен.

Еще полчаса подгоняли под меня крепления — для пистолета была кобура, а вот автоматическую машинку пришлось подвешивать на какой-то хитрой петле. Впрочем, доставать было вполне удобно, и можно было переходить к теоретической части.

В своей комнате я плюхнулся на диван и начал лениво перебирать рекламу. Вот вы можете строго и доказательно обосновать, почему, скажем, любители шашлыка по-карски подлежат уничтожению в первую очередь относительно ценителей хотатэ сасими?

— Вот, — протянул я доктору Джекилу буклет с иероглифами, — этот ресторанчик мне особенно симпатичен. Точнее, его посетители.

Реклама была раскрыта на странице, которая описывала фирменные-только-у-нас-настоящая-экзотика-традиционная-кухня-блюда.

«Китайская кухня стала своеобразным символом Поднебесной империи. Китайцы возвели кулинарию одновременно в ранг искусства и философии. Великие императоры были отличными поварами. Уже в древности тогда они говорили, что искусство управления большим государством подобно искусству приготовления маленькой рыбы. Для китайской кухни характерно фантастическое богатство ассортимента используемых продуктов. Количество одних лишь приправ исчисляется тысячами. Многие ингредиенты гастрономических изысков повергают в трепет иностранцев — не каждый согласится съесть блюдо, в состав которого входит мясо кошки и ядовитой змеи. А вот сами китайцы охотно едят не только змей и кошек, но и собак, полевых мышей, крокодилов, лягушек, обезьян, оленей и цапель.

Самая удивительная черта кухни Китая — ее поразительная сословность. Тысячелетиями народ даже не знал о существовании многих продуктов, обычных для стола знати. Мандарины в свою очередь не смели даже пробовать определенные блюда, предназначенные для стола императора (например, “золотой чай”). Для нас экзотику китайской кулинарии воплощают ласточкино гнездо, акульки плавники, голотурии, вяленая медуза, каракатицы, маринованные утиные языки и яйца, варенье из апельсинов и вяленые листья хризантем (иланг-иланг), а ведь они искони были блюдами только китайской знати. В народе же питались гаоляном, чумизой, рисом и соей, тертой редькой с хлопковым маслом, черемшей, сушеной рыбой.

Особым изыском среди знати считалось блюдо под названием “Тройной писк крысы”. Представьте себе тарелку, наполненную еще теплыми эмбрионами крысы. В процессе поедания блюда эмбрион пищит три раза: первый раз, когда его берут палочками, второй — когда макают в соус, и в третий раз — уже во рту, когда его сминают челюстями.

На официальных банкетах в Китае весьма популярен суп из ласточкиных гнезд. Это чистый отвар вполне съедобной и полезной слюны, которой ласточки скрепляют свои жилища».

— Тебе жалко бездомных ласточек?

— Мне никого не жалко. Жалость, строго говоря, бесполезная эмоция, которая лишь приносит вред. Но задача ставилась, насколько я помню, не «найти кого жалко», а определить ресторан, посетители которого наиболее подходят для тестирования. То есть — которых точно не жалко, если уж тебе хочется разговаривать с использованием этого термина.

— Ладно, давай сюда свое обоснование...

Я протянул папку, которую сочинял весь вчерашний вечер. В ней было целых два листа.

На первом из них было написано: «Мне нравится крысы». Доктор Джекил вопросительно поднял бровь.

— Поясняю. Объективного выбора в таком деле быть не может. А раз выбор обуславливается чисто субъективными причинами, то из всех животных, которых

умудряются готовить в этих желудкопоклоннических заведениях, крысы мне нравятся больше всего.

— А если бы, например, в некоем ресторане подавали бы, скажем, человеческих эмбрионов?

— Откуда, из пробирки? Если некая женщина выносила этот эмбрион для кулинарии, это, в конце концов, ее право. Кусок ее тела. Не хотела бы — всегда могла бы не допустить беременности. Или прервать ее. А вот крысы своего согласия не давали. Ну а если ты вдруг хочешь сказать, что я должен проявить сочувствие к эмбрионам по биологическим соображениям, — мол, к одному роду относимся, — так укажи мне здесь хотя бы одного, кому нравится человечество как вид.

— Это ты прав, такие сюда не попадают, — рассеянно заметил Джекил, переворачивая страницу. На второй была заявка на обеспечение отхода: «Прошу мне обеспечить группу прикрытия, способную справиться с поставленной задачей. Дата, подпись».

— Ну что ж, решение не оригинальное, но адекватное. Действительно, дилетанту чаще всего в таком деле целесообразно положиться на специалистов. Сектор D, блок O. Иди знакомься.

БАРМАГЛОТ 3

Бывают ситуации или моменты, о которых не хочется рассказывать никому. Причем это далеко не те истории, которые демонстрируют выход на поверхности твоей скотской сущности туриста (о скотской сущности туриста рассказывает одноименный трактат¹), а истории...

Ладно, на примере будет понятно:

Проснулся я в совершенно жутком состоянии. Я чувствовал себя настолько старым, словно мне несколько миллионов лет, и этот груз времени заставлял меня желать только одного: небытия, совершенного, абсолютного небытия. Я хотел, чтобы произошло чудо, и я никогда бы не родился, совсем, или, на худой конец, чтобы в момент смерти я умер весь целиком, и никакая вечная, мать ее, душа даже на миг не осталась бы жить вне тела. Умереть раз и навсегда вместе с телом, как в «Молитве» Борхеса.

Голова была пустой и совершенно неумной, а в том месте, где должен был блистать интеллект, висела табличка: «Закрывается на переучет». Чтобы хоть как-то вернуть себя к жизни, я вышел пройтись. Благо до появления первого клиента было еще часа два.

Техника ритмической сонатной (рекомендация лучших собаководов): «Этап первый. Для начала необходимо регулярно прогуливаться в ритме, соответствующем текущему настроению. У каждого настроения есть свой шаг, свой ритм, своя походка. Их надо найти или определить. После освоения первого этапа переходим ко второму. Для этого необходимо: а) настроиться на текущее настроение; б) медленно сдвигать ритм походки в состояние желаемого настроения».

Описание, согласен, примитивно-хамское, зато результат...

¹ Трактат о недосущности туриста, <http://warrax.net/86/dzen.html>

Выйдя из дома, я начал напевать себе под нос модифицированную версию советской песни:

— Е-бань. Русская Е-о-бань...

Эти слова как нельзя лучше характеризовали мое состояние.

— Привет, сосед! — со мной поравнялся восставший из мертвых сосед.

— Адекватно, — ответил я, вспомнив анекдот про интеллигентных молдаван.

— Куда направляешься?

— В даль! — с театральным пафосом в голосе ответил я.

— Надо поговорить.

— Говори.

— Давай присядем, — предложил он, когда мы поравнялись с одним из бесчисленного множества открытых кафе.

— Сколько раз? — поинтересовался я.

Соседу понравилась моя шутка. Результат — он угостил меня чашкой вполне милого кофе.

— Ты слышал легенду о Бармаглоте? — спросил он заговорщическим тоном.

— Только о мальчише-Кибальчише, — признался я.

— Давным-давно, когда бог только-только сотворил Мир, его любимым ангелом был ни кто иной, как Бармаглот. И призвал бог к себе Бармаглота и сказал: «Ты мой самый любимый ангел, самый мудрый, самый дальновидный, поэтому я хочу, чтобы ты сам выбрал себе роль по душе в моем сотворенном мире». «Хорошо», — ответил Бармаглот, — «только дай мне немного подумать, чтобы оправдать те слова, которыми ты меня наградил». «Думай столько, сколько пожелаешь», — ответил ему бог. Тем временем шли годы, века, тысячелетия... Уже случился на Земле потоп, уже был убит Авель Каином, уже вышли евреи из плена Египетского, уже успели они многократно нарушить божий Завет, уже появилась религия Сына Божьего... Пришел, наконец, Бармаглот к богу и сказал: «Я решил». «Говори», — ответил ему бог, — «и я сделаю, как ты скажешь». «Тогда вычеркни меня из Книги Творения. Сделай так, чтобы я никогда не рождался и не умирал, чтобы даже малейшее воспоминание обо мне исчезло раз и навсегда». Опечалился бог, услышав его слова. невыполнимую задачу задал ему Бармаглот. Ибо отказать Бармаглоту, дав опрометчиво обещание, он не мог, тем более он не мог выполнить его просьбу, потому что, тем самым, он признавал бы порочность и несовершенство своего творения, а, следовательно, и себя как творца. Такого бог, разумеется, позволить себе не мог. «Ты понимаешь, что своей просьбой ты обвиняешь меня в несовершенстве и зле?» — грозно спросил он Бармаглота. «Я понимаю», — ответил Бармаглот. «В таком случае, я вынужден буду стереть изначально все сотворенное собою. Хочешь ли ты этого?» «Если я отвечу “да”, исполнишь ли ты обещание без проволочек и дополнительных условий?» «В тот же миг, как только ты повторишь свою просьбу»...

— Вот такая история, — закончил рассказ сосед и поднялся из-за стола.

Я посмотрел на него с той завистью, которую у меня вызывают люди, которым не надо курить траву, чтобы находиться в ТАКОМ состоянии сознания. Косяк мог бы поставить мои мозги на место, но у меня впереди были клиенты, а перед работой я никогда не курил, да

и курил я не чаще одного-двух раз в месяц, чтобы поставить на место мозги.

Выйдя из кафе, я чуть было не попал под колеса длинной, похожей на черную сигару машины, которая, взявшись ниоткуда, затормозила прямо возле меня. Приоткрылось пассажирское стекло, и я услышал приказ:

— Повозка. Иди к повозке, — сказал приятный мужской голос.

Еще мгновение назад я не видел там никакой повозки, но стоило пассажиру этой странной машины о ней сказать, как повозка тут же появилась и свернула за угол кафе. Это была старая повозка-фургон, какие обычно показывают в фильмах про американских переселенцев. Повозка медленно катилась сама по себе, а лошадь для чего-то была привязана сзади. Совершенно нелепая повозка.

Услышав приказ, я со всех ног помчался за повозкой, на которую кроме меня, казалось, никто не обращал внимания. Не знаю, возможно, только для меня существование подобных повозок и автомобилей не является чем-то естественным и привычным. Догнав повозку, я запрыгнул внутрь, даже не спросив разрешения у ее хозяев.

Запрыгнув в повозку, я очутился в большой комнате, похожей на гостиную дома английских аристократов в советских фильмах.

В комнате в удобных креслах сидели двое мужчин, похожих на господина и слугу. Ну прямо Дживс и Вустер. Удивительней всего было то, что все это приключение моя психика воспринимала как нечто само собой разумеющееся.

— Здравствуйте, мистер Ка, — поприветствовал меня господин Вустер.

— Ты молодчина! — воскликнул Дживс.

Он подбежал ко мне и дружески похлопал меня по плечу рукой. От каждого его прикосновения меня достаточно сильно било током. Я поморщился и даже застонал.

— Ничего, — заметил Дживс, — ты сдал экзамен, так что для тебя это только полезно.

Я вдруг понял, что те, кому с экзаменом везло чуть меньше, чем мне, навсегда исчезали из мира живых.

— Вы совершенно правы, — сказал господин Вустер и снял лицо. На месте лица у него не было ничего, даже синей маски, как у Фантомаса, — сейчас ты получишь код, — устало произнес он.

— Что же ты стоишь! Иди же к нему! — с этими словами Дживс, буквально притащил меня за руку к безликому мистеру Вустеру, изрядно угостив при этом электричеством.

Мистер Вустер положил мне на голову руки, и у меня в голове словно взорвался весь мировой запас ядерных боеголовок. Я потерял сознание.

Как позже мне объяснили врачи (по версии очевидцев я рухнул в обморок, едва встав из-за стола), у меня резко повысилось или понизилось давление. Разумеется, о своей встрече с безликими существами я говорить не стал. Не стоит об этом говорить, особенно с полицией или врачами. Не стоит.

The lab 03

Пейзаж, раскинувшийся вокруг, был величественен. Пожалуй, именно это слово лучше всего отражает картину, которую я мог видеть вокруг.

Хотя, с другой стороны — такое выражение как минимум странно: пейзажа не было как такового. Не было ни деревьев, ни кустов, ни какой-либо другой флоры. Как и фауны. Более того — я затрудняюсь описать почву. Да, она есть и я ее вижу; но описать не могу.

Вы знаете, как ученые последовательно описывали форму Земли? Конечно, сначала они считали ее плоской. Ну, сами в курсе — слоны, черепаха... Далее версии различались. Роберт Уилсон писал о том, что черепаха стоит на другой черепахе, та, в свою очередь, — на другой, и так далее. Внизу — одни черепахи. Терри Прачетт же ограничился одной черепахой — А'Туином, который плыл (летел?) во Вселенной неизвестно куда и зачем. Древние же мудрецы вообще ограничивались черепахой, не рассуждая далее. Каждому ясно, что наш мир стоит на слонах, которые стоят на черепахе. А что за этим — уму непостижимо в принципе, и истинная мудрость заключается как раз в том, чтобы мыслить не дальше черепахи. А то мало ли до чего можно додуматься? Так мир вообще может потерять базис мироздания, оставшись без черепахи в своей основе.

Так вот, когда люди обнаружили, что их антиподы в Австралии не просто напрочь отказываются падать на черепаху мимо слонов, но тоже считают, что живут «наверху», то как-то неожиданно для себя пришли к выводу, что Земля имеет форму шара. Казалось бы, надо успокоиться на этом месте. Но ученые на то и ученые, что не могут остановиться на достигнутом. Вот сами посудите — обычного человека вполне устраивало, что Земля плоская. Насколько известно, никто в известном периоде истории не возражал против этого, не устраивал акций протеста, не кончал жизнь самоубийством и не брал заложников: «Я буду расстреливать по одному каждые пять минут, пока правительство не выпустит закон, регламентирующий иную форму Земли...». Понятно, что позже какие-нибудь крючкотворы выпустили бы кучу трактовок этого закона, объясняя, что Земля — вне сомнения плоская, но очень уж толстая и неровная, и ее можно перепутать с шаром. Но разговор не о том.

Просто попозже ученые, сравнив свои эталонные шары с формой Земли, обнаружили, что она не совсем шарообразна. То ли груша, то ли яйцо... И поступили гениально: декларировали, что Земля имеет форму геоида. В переводе с высокоученого: Земля имеет форму Земли. Неоспоримо, не так ли?

Так вот: почва имела вид почвы. Я не ученый, но тут применю их подход. Почва, конечно, бывает разная — суглинки там всякие, черноземы... Но тут была именно Почва. Изначальная. Цвета, консистенции, строения... наверное, даже на вкус это была почва и ничто иное.

Но вот больше вокруг ничего не было — кроме Замка и горизонта.

Горизонт, в принципе, был не особо нужен — в пейзаж он ничего не добавлял. Просто условная линия, отделяющая почву от неба фиолетово-лиловых цветов. Именно «цветов», поскольку небо как бы состояло из фиолетовых и лиловых полос, переплетенных в странном танце — композиция плавно менялась, никогда не оставаясь стабильной. Вместо солнца или чего-то подобного в небе виднелся водоворот, смерч, вихрь, — опять же не хватает точного термина. Светилось, впрочем, все небо, а центр воронки как раз наоборот — зиял Изначальной Тьмой.

Откуда я знаю, как выглядит Изначальная Тьма? Скажу честно — не знаю. Но знаю, как

выглядит, но и ни с чем не перепутаю. Но вместе с тем никогда не смогу воспроизвести этот цвет... Собственно говоря, это нельзя назвать цветом. У Тьмы нет цвета, у нее есть *контакт*. Непосредственное чувство узнавания.

Ну а Замок... представьте себе оригинал, с которого архитекторы попытались скопировать готический стиль. Только увидев оригинал, я понял, почему готический стиль у меня вызывал неприятие всю мою жизнь. Помните старый анекдот про «Самого Карузо я не слышал, но мне Рабинович напел»? Так вот: у Рабиновича скопировать Карузо получилось куда удачнее, чем у Карузо скопировать оригинал. Если бы Карузо был архитектором.

Башен было девять. И это все, что я могу сказать о Замке определенного.

Я ехал к нему... Знаю, что был приглашен в гости. Но к кому?

Кстати, выглядел я также не совсем так, как привычно тем, кто встречает меня регулярно в The lab (вы в курсе, почему наш комплекс называется именно так?): пальцы на руках были заметно длиннее. У меня было смутное ощущение, что на них было лишнему суставу — но в этом я не уверен. Правая кисть привычно (с каких пор?!) опиралась на рукоять топора, подвешенного на правом бедре. Именно топора, а не меча, шпаги или еще какого «благородного» оружия. Конечно, смертоносное изделие также не было орудием плотника — сложно искривленный изгиб лезвия улыбался ажурными прорезями, облегчающими вес; если Смерть — это все же женщина, то подобные кружева имеются на резинках ее чулок. Откуда-то я знаю, что несколько раз некто отпускал шуточки о неязьности этого оружия; но все эти некто очень скоро были убеждены в его эффективности по сравнению с их гламурными тростинками. И еще мне было твердо известно, что убитый этим лезвием погибал *окончательно*. Но — я пытался! — никак не удавалось вспомнить, что значит «окончательно»...

Проверю при случае. Экспериментально.

Кстати, а подозреваете ли вы, на ком я ехал?левой рукой в черной кожаной перчатке я сжимал удила, закушенные отнюдь не конем, а...

— Я тебя тоже обожаю, но зачем же будить?

На меня тарасили два черных глаза и шевелили усы. Это еще ласково — конечно, когда нос щекоцут усами, то проснешься, но могут еще полезть лизаться в губы или в ухо, а то и вообще усесться на лоб и начать чесаться задней ногой, попутно отбивая чечетку по этому самому лбу.

Убедившись, что я проснулся, эта мелкая сволочь лизнула меня в подбородок и вприпрыжку побежала по своим делам, махнув хвостом по лицу. «Утро добрым не бывает», — пронеслось в голове, и тут же зазвенел будильник.

Пошаркав зубной щеткой и брызнув в лицо теплой водой (я вам не пионер из далекого детства, и отнюдь не желаю просыпаться настолько резко), я открыл холодильник и положил в миску йогурт. Все четверо мелких обормотов уже приплясывали рядом, тыкаясь в меня носами. Так они выражали одобрение: кормить крыс — это древнейшая и благороднейшая обязанность человека, чего тянешь-то?

Вот, кстати, вам тема для медитации. Если у крыс есть «задние ноги», а — любой, кто

видел, согласится, — лапки у них очень похожи на руки, то почему не устоялся термин «передние руки»?

— Как спалось?

До того, как я обосновался здесь, я принял бы такой вопрос даже не за риторический, а за простую формальность. «Привет!», «How do you do» и так далее. Но от концепции «знаешь, дочка, иногда сигара — это просто сигара» я здесь излечился очень быстро. Либо теория оговаривает область применения в явном виде, либо сигара — это не просто сигара, а то же самое, что и любой не полый предмет, длина которого существенно превышает диаметр. Скажем, нитки на катушке. А теория, которая приравнивает сигару к ниткам, выглядит странно, вам не кажется?

— Сон стандартный, номер восемь, со стандартными модификаторами тридцать пять и сорок два бис.

Шутки — шутками, но эпизод, описанный выше, снился мне не так уж, чтобы редко... Конечно, с вариациями, хотя и не пронумерованными, но тем не менее. Как-то Джекил обмолвился (если случайно — то я согласен съесть его шляпу), что мне снятся «Дворцовые Миры». И тут же отказался объяснять, что это такое, как он понял и к чему все это. Когда слышишь вариации на тему «Подрастешь — сам поймешь» не в пять лет, а в тридцать с хвостом, — это все же напрягает.

— Это хорошо, — начало было стандартным, — а вот что ты можешь сказать по поводу космологии Бармаглота?

— То есть?

— Ну ты еще скажи, что сам никогда этим не интересовался! Ведь самое первое, что волнует ребенка при прочтении любой сказки — это кто, зачем и как. Вот, скажем, ты видел дошкольников, с удовольствием читающих, например, Кафку? Думаю, что нет — так как с сюжетом там явная недоработка. А вот какую-нибудь сказку «Иван упаковывает Змея и выбрасывает пароль к архиву» — думаю, приходилось. Вот в том же стихе про Бармаглота есть строки «О светозарный мальчик мой! / Ты победил в бою!». Как давно известно, Светозарный — это Люцифер. Раз «мальчик» — то описываемая ситуация относится к временам молодости, когда тот взаимодействовал с Яхве напрямую. «О, бойся Бармаглота, сын!» — это напоминание о том, что «страшно попасть в руки бога живого» и все такое. Извини, дословно я этот талмуд не запоминал. Дерево Тумтум — это как раз то самое дерево познания добра и зла, но не будем отвлекаться. Главный вопрос в другом: если «храброславленный герой» — это Люцифер, а Бармаглот — это Яхве, то кто такой Брандашмыг?

БАРМАГЛОТ 4

Делать было настолько нечего, что я включил телевизор. Конечно, правильнее было бы написать «магическое око», но чтобы не забивать голову ни себе, ни людям, я буду пользоваться привычными в миру понятиями. Передавали новости. В Америке очередной парниша перестрелял одноклассников, заодно и деда с бабкой. Себя он застрелил

последним. Иная очередность в этом деле просто невозможна. Как говорил мой старый друг Удав: естественный отбор по Дарвину. Психо-олухи, как всегда, объясняли это дело увлечением компьютером, готической музыкой, Мэрилин Мэнсоном и прочей херней. Причем исключительно потому, что среди его вещей не было ни ЛаВея, ни «Майн Кампф», ни какой-либо другой «порочной» литературы. Так уж у нас принято, что наличие каких-либо неполиткорректных штучек даже среди вороха добропорядочной христианской блевотины, автоматически возводится в ранг причины подобного поведения. А с другой стороны, господам экспертам ничего не остается делать, так как иначе им бы пришлось согласиться с тем очевидным фактом, что действительной причиной подобных инцидентов служит «американский образ жизни». Политкорректность убивает, если не может очмырить. И здесь выживают лишь те, в ком течет кровь оборотня. Политкорректное стадо не в счет.

Порадовавшись в очередной раз тому, что я не являюсь гражданином или жителем США, я снял телефонную трубку и набрал номер Ли. Она была миниатюрной азиатской красавицей, нежной и страстной в любви. Согласно официальной версии, она была моей девушкой. Я, правда, искренне сомневался в том, что только моей, но меня это не волновало. Ее вполне устраивал мой марксистский подход к ухаживаниям, что в свою очередь вполне устраивало меня.

Как писал в свое время Маркс, тот, чьим спонсором был Энгельс, деньги, в конечном счете, являются эквивалентом рабочего времени или времени как такового. Поэтому, принимая от меня деньги, она фактически брала не плату за секс (тарифной ставки у нее не было), а эквивалент ухаживания или тех предсексуальных игр, заниматься которыми в последнее время мне совершенно не хотелось. Как и с кем она развлекалась в свободное от меня время, мне было не интересно. В общем, мы были созданы друг для друга.

Можно, конечно, отойти от Маркса и заняться псевдопелевинскими рассуждениями о том, что деньги — это частица нашей жизни в буквальном смысле этого слова, и каждый доллар является магическим эквивалентом того количества времени, которое было обменено на него. И здесь получается интересная зависимость: чем меньше у тебя зарплата, тем больше жизни переходит к каждому заработанному тобой доллару. Интересно было бы попробовать создать такой талисман: взять один цент и заставить за него работать до смерти целую группу людей, чтобы вся их жизнь перешла к монете...

В общем, исходя из этих рассуждений, отдавая деньги за любовь, мы тем самым отдаем жизни ради любви, то есть ведем себя как рыцари, жертвующие собой ради прекрасной дамы...

Рабочий телефон Ли ответил мне короткими гудками. Мобильный был отключен или находился вне зоны досягаемости, как объяснил мне на нескольких языках уставший женский голос. Все верно, Ли работала медсестрой в богадельне для состоятельных идиотов (не в клиническом смысле этого слова), а в туристическом секторе острова мобильные телефоны были категорически запрещены.

— Вперед, мон хер, нас ждут великие дела, — сказал я себе с обязательной патетикой в голосе (именно с мягким знаком) и вышел из дома.

Неподалеку мирно скучал извозчик. Немного поторговавшись, здесь так было принято, я забрался в его аристократичного вида ландо. Извозчик тронул. Вспомнив анекдот про Штирлица и извозчика, я улыбнулся. Извозчик воспринял мой мимический жест как желание поговорить, и начал рассказывать какую-то ерунду про виды на урожай. Судя по безоблачному счастью, которое излучало все его существо, он был под кайфом.

Ли сидела в гостиной лечебного отделения и уговаривала, как я понял из разговора, очередного инвалида детства перебраться в другой корпус. Идиоты жили в трех корпусах. Многие из них уехали на каникулы к любящим родственникам, чтобы испортить им очередные праздники. Тех же, что остались, старались перевести в один корпус, чтобы за время праздников сделать в остальных двух какой-то ремонт. Идиотам, разумеется, просьбу переехать разъясняли как заботу о них драгоценных.

— Да, я люблю быть один, — повторял идиот — тридцатилетний детина с изуродованной щипцами головой. Тяжело, видеть, было появляться на свет.

— Я понимаю, но нельзя же совсем одному быть в корпусе, а вдруг что случится? И вы совсем один, — повторяла в тысячный раз Ли.

— Да что там может случиться. Я и дома, бывает, остаюсь один. И ничего.

— А вдруг у вас давление поднимется, или гриппом заболеете? Кто тогда позовет вам медсестру?

— У вас же есть сиделки.

— Есть, конечно, но наличие сиделки не входит в ваш тариф, а для того, чтобы перевести вас в категорию «пп» нужно письменное согласие ваших родственников, которые сейчас не смогут его дать даже при полном своем желании. Они уехали в отпуск.

— Девушка совершенно права, сэр, — вмешался я в разговор, — вон буквально на прошлой неделе в Тай-Вэне также точно пациент не захотел переехать в другой корпус, остался один и заболел. Так его нашли только через три дня, уже остывшим.

— Да вы что! — воскликнул идиот.

— Дело, как вы понимаете, замяли, но жизнь человеку уже не вернуть.

— Значит, вы тоже советуете мне перебраться в другой корпус?

— Категорически и немедленно.

— Хорошо, — согласился он.

— Что еще за Тай-Вэн? — удивленно спросила Ли, когда мы остались одни — идиот отправился собирать вещи.

— Не знаю. Только что само пришло в голову. Ты что сегодня делаешь?

— До вечера переезжаю уродов, а потом... — она улыбнулась лучезарной улыбкой.

— Когда заехать?

— Часов в семь.

— Я тебя обожаю.

— Иди уже.

Администрация богадельни не очень-то жаловало посетителей персонала, и чтобы не подставлять под удар Ли, я сразу же удалился.

Когда-то давно на далекой Родине я тоже работал в богадельне для малолетних уродов, правда, практически за бесплатно, к тому же у тех уродов не было состоятельных

родственников. Кроме малолетних у нас были уроды престарелые. Надо сказать, что они друг друга стоили.

Так, один малолетний урод, которого чем-то обидел местный парнишка, стащил в столовой нож и отправился на разборки с обидчиком. Он вычислил, где тот живет, и устроил засаду у него в подъезде. Представляю, что бы было, если бы его не обнаружили там менты.

Другой дебил, уже престарелый, сожрал пол-упаковки «Бисакодила». Для тех, кто не знает: это слабительное со специфическим действием. Ко всему прочему оно усиливает перистальтику кишечника, и усиливает, надо сказать, весьма прилично. После трех таблеток, например, создается такое впечатление, словно тебя отымела в задний проход рота солдат, и не каких-либо дохляков, которые не нашли денег, чтобы отмазаться от службы, а тех здоровяков, которые стоят в почетных караулах. Так вот, этот урод сожрал за раз таблеток тридцать...

Работы у меня в этот день не было, каких-либо занятий тем более, поэтому, выйдя из богадельни Ли, я отправился на пляж. Домой я вернулся только к пяти. Времени было еще, хоть отбавляй. Чтобы как-то себя развлечь, я включило телевизор. Показывали дрыгающих руками и ногами нигеров. В дегенератской среде это убожество называлось рэпом. Выключив звук, — подобную дрянь нельзя смотреть с включенным звуком, — я принялся рассматривать музыкантов с точки зрения биолога, наблюдающего за представителями данного вида в их естественной среде обитания. Я не являюсь расистом, нацистом, фашистом... Мне глубоко плевать, какого цвета или размера человек, но ни одна тварь даже под дулом автомата не заставит меня отказаться от мысли, что рэп — это проявление недочеловечности или дегенеративности.

Концерт прервал спецвыпуск новостей. Это тоже было бы приятно посмотреть без звука, если бы не вывеска: «РЕСТОРАН», точно такая же, как во сне.

Я включил звук. Рассказывали про массовое убийство в ресторане. Какой-то вооруженный до зубов маньяк ворвался в ресторан и положил всех, включая поваров и официантов. Разумеется, ему удалось скрыться. Правда, его запечатлела камера наблюдения. Для истории. После долгих и нудных комментариев показали плохо записанные кадры расстрела ресторанной публики. Я вдруг понял, что это ни кто иной, как я ношусь по залу с оружием в руках. Показывали меня. Не двойника, не тройника, а именно меня.

Поймите меня правильно. Я не против того, чтобы топить китобоев вместе с их кораблями или устраивать псовые охоты на деток охотников. Я терпеть не могу двуногих, которые считают, что можно убивать, кого угодно, кроме их самих, от нечего делать или ради удовольствия. Здесь я за полное биологическое равноправие. Но сам я никогда не пойду стрелять. Почему?..

Разумеется, в тот момент мне было не до этих рассуждений. Тогда мне было не до рассуждений вообще. Я охренел или превратился в хрень. Я впал в ступор, застыл на месте, одеревенел.

Ко мне в комнату вбежал сосед.

— Пошли быстрее. Сейчас здесь будет полиция! — закричал он, хватая меня за руку и таща из дома.

— Это не я...

— Я знаю, пошли, пока они не пристрелили тебя на месте.

— Но куда...

Я был невменяем.

— Куда?

— К Ли. Она в курсе.

Тогда мне было не до того, чтобы выяснять, с какой это стати была в курсе Ли, откуда о ней стало известно моему соседу, и вообще, что он делал в моей квартире. Шок превратил меня в переезжающего в другой корпус идиота категории «пп». Что еще об этом скажешь?

Ли действительно была в курсе. К моему приезду она уже вызвала адвоката, который ожидал меня, попивая холодное пиво.

— Здравствуйте, господин Ка, — затараторил он. — поверьте, я искренне сожалею, что вы стали жертвой этого недоразумения, и сделаю все возможное, чтобы как можно быстрее сняли с вас все обвинения. Но сейчас я бы настоятельно рекомендовал вам сдать властям. Условия сдачи я уже оговорил с начальником департамента полиции, так что никаких эксцессов со стороны сотрудников полиции, думаю, не последует.

Я ничего не ответил, что было единогласно воспринято как знак согласия.

Через пять минут меня уже погрузили в полицейскую карету и отправили в участок, где заперли в клетку. Надо сказать полицейским спасибо: в клетке я был один.

Оказывается, у меня было железное алиби. Масса людей подтвердила, что я был на пляже, который ни под каким видом нельзя отнести к территории ресторана. Тем не менее, двое могучих парней меня буквально засыпали с ног до головы своими вопросами: есть ли у меня братья-близнецы, двойники, тройники и так далее. Бить меня, правда, не били, — спасибо адвокату. Здесь эта процедура тоже применяется, как и везде. Братьев-близнецов у меня не было, как и братьев вообще, с двойниками знаком я не был, и вообще не имел ни малейшего представления о том, кто и зачем мог сделать это, оставив запись моей персоны.

Когда я уже решил, что разговор окончен, один из полицейских лучезарно мне улыбнулся, подмигнул и произнес:

— Ну и как вам варкается, мистер Ка?

The lab 04

— Это фотография, на которой изображены овцы на природе, грязно-белые с той стороны, с которой стоял фотограф, — со вздохом сказал я, протягивая Доктору Менгеле (Доктор Джекил временно отвечал — такое иногда случалось). — Не надоело еще на детские фокусы ловить?

— Поймал же, — равнодушно пожал плечами мой собеседник, — У тебя в руках не фотография, а распечатка фотографии. На очень высококачественном принтере и не

менее качественной бумаге. Переверни.

Я послушно перевернул фото. Действительно, вместо обычных строк «Kodak» или там «Fuji» сзади были отпечатаны диагональными полосками строки «Ага, не угадал!».

— Вещи не просто не всегда есть то, чем кажутся. Чаще всего они смеются над людьми: видишь, я даже не скрываю, что я есть; но вы, привыкшие подбирать шаблоны восприятия вместо того, чтобы думать, никогда об этом не узнаете! Розовые кенгуру, в которые превращаются все объекты, когда их никто не видит, как говорил Рассел, отнюдь не стоят по стойке «смирно». Они катаются по полу в пароксизмах смеха, думая о человечестве, — конечно, когда их никто не только не видит, но и не слышит. Средневековые богословы были не правы, говоря о том, что у каждого за плечом есть собственные ангел и черт. На самом деле — там стайка розовых кенгуру, зажимающих себе рот передними лапками, чтобы не рассмеяться.

Закончив свою тираду, Доктор Менгеле улыбнулся. Надо сказать, что более доброй улыбки, чем у него, я не видел никогда ранее. Чтобы не улыбнуться в ответ, надо было приложить столь значительное усилие, что иногда находились желающие поспорить, что у них получится сохранить каменное выражение лица. Спор был, понятно, символическим — деньги здесь не ценились по понятной причине, а играть на щелбаны было как-то не солидно. Обычно выдержать удавалось приблизительно каждому десятому — стандартным сроком была минута. Но когда Доктор Менгеле признавал свое поражение и улыбался выигравшему, с нарочитым энтузиазмом пожимая ему руку, — не выдерживал уже никто.

Вы слышали выражение «меня переполняла радость»? Оно наиболее точно описывает процесс: радость ощущается практически на физическом уровне — некая энергетическая субстанция начинает заполнять тело и пространство вокруг, уголки рта непроизвольно раздвигаются, и все кончено — далее процесс не контролируется в принципе.

А когда выныриваешь из этой волны радости, то появляется такое расположение к человеку с этой милой улыбкой, что отказать ему в чем-то и в голову не придет. Он часто пользовался этим в своей научной работе — подопытные «тушки» (местный жаргон) слушались его, стоило только улыбнуться, и даже как-то понимали его команды. Хотя обычно они либо сидели, изредка пуская слюни, либо мерно покачивались из стороны в сторону, и в обоих фазах своего состояния не обращали на окружающих никакого внимания.

— Заканчивай думать, это чуть раньше надо было делать, — вернул меня к действительности Менгеле. — Что там у тебя на тему доклада о реперфузионной терапии?

— Инфаркт миокарда часто осложняется левожелудочковой недостаточностью, — занудным тоном начал я, — Наиболее тяжелыми последствиями являются отек легких и кардиогенный шок...

Через полчаса я закончил доклад, получил оценку «Гм, пойдет», и направился в сторону столовой.

На двери висела табличка «Сегодня — итальянская кухня».

«Понятно», — подумалось без малейшего энтузиазма. Макароны на второе, на

первое — суп из макарон, на закуску — салат из макарон. И еще эта... как ее... паста. Тоже из макарон. Правда, нельзя отрицать того, что повара здесь готовить умеют.

В зале было мало народу — я слегка задержался. За угловым столиком сидел Стрелок, и я подсел к нему. Не так давно, после моего «выхода в люди», он похлопал меня по плечу и одобрительно сказал, что от штатского лучше результатов ждать и нельзя. И мы как-то незаметно стали приятелями.

В газетах, вышедших на следующий день, было написано, что после ухода маньяка (то есть меня) осталось в живых только трое, и все они скончались до приезда полиции и скорой помощи.

— Нельзя оставлять свидетелей, — назидательно заметил Стрелок, когда я ему сдавал оружие. — Контрольный выстрел в голову очень помогает.

Переполох тогда был все же изрядный. Даже арестовали на основании видеозаписи какого-то бедолагу, который оказался похожим на меня, но у того было железное алиби, и его сразу отпустили. Повезло. Я-то знал, что там его не было, но давать показания не собирался.

— Чего нового? — этот вопрос Стрелок понимал всегда строго однозначно.

— Новый автомат. Русская разработка. Подвижный ствол, отдача компенсируется. Кучность лучше, чем у стандартной М-16, чуть ли не на порядок. Заходи, постреляем.

Стоп.

Вы знаете, что такое инсайт? Или сатори? Или, проще говоря, то состояние, когда рука рефлекторно (иногда — больно) бьет в лоб, а тот отзывается глухим деревянным стуком: «И как же это я раньше не додумался?!»

Вот и мысль «а на каком языке мы тут все разговариваем?» доползла до моей головы только сейчас. Ситуация стандартная, из жанра фантастики. Мне все было понятно, другим было понятно, что говорю я, а вот сосредоточиться и понять язык — попросту не приходило в голову; а сейчас — не получалось. При этом я с самого начала знал, что Стрелок, сидевший сейчас напротив и угощающий крыску (судя по блейзу, это была Шушка) макарониной, был техасцем, следовательно, его родным языком был тот, который называют «южный американский английский».

Крыска быстро-быстро перебирала макаронину ручками, отправляя в рот. Как только она успевала ее отгрызть? Создавалось впечатление, что макаронина просто заталкивалась в желудок напрямую... Стоп!!!

Ну-ка, мысль, давай обратно. Очень легко сбиться на что-то привычное, и потерять то, до чего я только что додумался. Озарение меня пронзило как током именно тогда, когда я услышал фразу «русская разработка». И ведь английским дело не ограничивалось — его я хоть немного знал, и можно было предположить гипнообработку во сне, которая вытаскила мои познания на уровень свободного владения языком... Бред какой-то. Из немецкого я вообще знал, как переводится, исключительно «Mein Kampf», «Sieg Heil» и почему-то «Die Panzer». Еще знал «доннерветтер», но не знал, как это пишется. И как точно переводится. Ну и с раннего детства в памяти остался дурацкий стишок:

— Ich ждала тебя на Straße,
Warum нынче не пришел?

— С неба Wasser полилася,
Я nach Hause пошел.

Этим мой немецкий исчерпывался. А Доктор Менгеле был чистокровным немцем. И даже одевался соответственно своему имени — обычно он носил офицерскую эсэсовскую форму (впрочем, я не специалист), только без погон. Смешно это, если кого интересует, не выглядело. Сколько раз, задумываясь над одним из, казалось бы, риторических вопросов, я медитировал на Totenkopf его фуражки.... Откуда я знаю это слово?!

— О чем задумался? — слышался голос Доктора Менгеле, — Не переживай, очень хороший доклад сделал. А если учесть, что о медицине ты до переезда сюда знал только как применять градусник практически и клизму — теоретически, то вообще замечательно получилось. Пиво сегодня какое подают?

— Сегодня не пиво, а вино. Итальянское, — поморщился я. Что-то я должен был обдумать... Но вопрос вылетел из головы. Ладно, если что важное — вспомню потом.

Менгеле сел за столик третьим и начал изучать меню. Свою фуражку он, как обычно, положил на стол, и Шушка немедленно на нее забралась и начала умываться. Доктор рассеянно почесал ее за ухом.

— Так как, зайдешь сегодня? — вернулся к началу нашего Стрелок.

— Что-то новенькое? — поинтересовался Менгеле.

И тут же нарвался на пятнадцатиминутную лекцию о сравнительных ТТХ новой игрушки.

— Уговорил, забегу вечером, — почти хором ответили мы оба. Иначе мы рисковали выслушать продолжение лекции. А пострелять в тире — и приятно, и полезно. Минимум два раза в неделю туда захаживали все.

Вернувшись к себе в комнату, я лег на диван и начал рассеянно перелистывать очередную пачку распечаток. Вот уж чего у меня не было, так это свободного времени. Хотя, с другой стороны, до того, как я сюда переехал, свободное время у меня уходило приблизительно на то же, на что уходит и сейчас, но только после работы — процесса, необходимого для получения биовыживательных бумажек, который редко совпадал с тем, что мне действительно хотелось бы делать. Как ни странно, здесь любое задание не вызывало никакого неудовольствия. Хотя часто было сложно понять, зачем надо делать то или иное — казалось, одно не имело ни малейшего отношения к другому. Но что здесь все далеко не просто так, я понял уже давно.

Часы показывали 17:38:43. До визита в тир было еще почти три с половиной часа, и можно было пойти прогуляться. Быстро пошарив по карманам в поисках местных предметов, которые могли бы выдать меня на поверхности, я выложил блокнот — хотя там были лишь заметки по моим докладам, их темы могли вызвать ненужные вопросы. Больше ничего «такого» не оставалось, и можно было спокойно идти к выходу. На этот раз я предпочел тот, что в секторе В — он выходил в тихий пивной бар, который контролировался The, и я рассчитывал на порцию пива перед выходом на улицу.

— Привет, — поздоровался охранник на лифте выхода, — Сколько?

— Пары хватит, — пожал я плечами, — я просто прогуляться по свежему воздуху.

Цербер Третий (уникальный случай: тройняшки, и все оказались у нас, хотя и не одновременно), пошарив в ящике стола, протянул мне тонкую пачку бумажек.

— Через этот же вернешься? — лениво протянул он.

— Вероятно. Что-нибудь принести надо?

— Да, пожалуй, нет... Просто так спросил.

Наверное, это был единственный случай, когда я могу довериться тому, что это «просто так». Точнее — один из трех, братьев-то трое... Особым интеллектом они не блистали, хотя, конечно, к представителям интеллектуального большинства (понятно, из тех, что наверху) их отнести было нельзя. Тем не менее они превосходно вписывались в нашу разношерстную компанию и были именно *своими*.

Зайдя в лифт, я привычно прижал к лицу пленку Лаймарта. Понятия не имею о принципах ее действия, но эффект, так сказать, на лицо — любой, кто на меня смотрит, теряет из памяти образ практически сразу после того, как отвернется. То же самое, что маскировка в толпе при помощи формы: полицейского или рассыльного вряд ли кто-то запомнил в лицо, лишь «э-э... был тут такой в форме...». Пленка делала то же самое, но без всякой формы: запоминалось лишь «Кто-то тут был. Наверное...».

Далее привычным жестом я приложил палец к сенсору, по нему пробежался зеленый лучик, и окошко загорелось зеленым. Лифт, разгоняясь, помчался наверх.

— Как всегда, только одну, — сделал я заявку, увидев бармена.

— Простите, — заискивающе улыбнулся тот, — Вы заявили без предупреждения, и случайно Ваш столик занят постоянным клиентом...

Служащие наверху не были *нашими*, они просто работали на нас. За большие — и очень большие — деньги, а также понимая, что если что — то проживут они как раз долго, но им это очень не понравится. Я не вникал в подробности, но там точно был гипноз и что-то еще, настолько высокотехнологичное, что я даже названия не запомнил. В результате применения высоких технологий они узнавали *наших* даже с пленками на лице, но только когда находились в соответствующем помещении. Встреться я с барменом в метре от двери бара на улице — он бы на меня и внимания не обратил.

С его точки зрения, все было просто: очень выгодная работа (в каком еще заведении бармен получает оклад чуть ли не министра?), а в кладовку и заглядывать нечего. Все равно там лишь пустопопорожный хлам, и не более того.

Конечно, кроме тех случаев, когда надо срочно прибежать туда и встретить Почетного Гостя, он же — VIP-клиент. Который как-то там оказался. Как? Таким Важным Клиентам вопросы не задают. Насколько я понимаю, двери лифта при этом все равно он не видел. Впрочем, она была замаскирована весьма неплохо — так что я имею в виду то время, когда она была открыта.

— Ничего, Густав, не беспокойся, — похлопал я по плечу бармена, — Я лишь на кружку пива забежал. Посажу за стойкой.

— Вы уж извините, почтенный, — семенил за мной Густав с выражением явного облегчения на лице, — понимаете ли, Вы всегда раньше предупреждали о визите заранее, мы готовили ваших любимых кальмаров и бронировали столик, но сейчас Вы

появились неожиданно, я понимаю, что Вы не обязаны предупреждать, но господин Ка тоже наш важный клиент, хотя, конечно, не настолько важный, как Вы, и он тоже предпочитает тот же столик, что и Вы...

Дальше я уже не слушал. Мне просто хотелось кружку холодного пива.

Разумеется, запотевшая кружка с напитком появилась на стойке еще раньше, чем я сел на стул перед стойкой. Отхлебнув пива, я все же бросил мимолетный взгляд в угол — кто же там сидит за моим столиком? Но, несмотря на столь специфичную фамилию, там находился некто вполне европейского вида и что-то с аппетитом ел.

Пиво — как всегда — было великолепным. Сделав глоток, я бросил на язык фисташку, и тут раздался грохот и звон — как будто бы рухнула витрина, находящаяся за моей спиной. Сразу раздалась крики разной степени недоуменности и возмущения.

Обернувшись, я увидел, что витрина действительно разнесена вдребезги, а в зале наполовину находится карета. Впрочем, на карету это явно не тянуло — так, какой-нибудь кэб или что-то подобное. Конный экипаж, одним словом. Коня, правда, запряжено не было. Он стоял рядом и меланхолично подъедал что-то с опрокинутых столиков.

Народ вокруг уже слегка пришел в себя. Жертв и пострадавших, как это обычно говорят, не было. В повозке тоже не было ничего такого уж необычного — в этом туристическом рае стиль ретро был вполне стандартным. А в некоторых отелях вся обстановка была «под старину и сказку» — вы когда-нибудь видели телевизор с надписью «Всевидящее око. Саурон Инкорпорейтед. Проверено Арагорном»? Я видел.

Дверца экипажа открылась, и оттуда показался некто, от которого было видно лишь цилиндр на голове и часть растрепанной прически — остальное закрывала дверца. Сделав шаг в сторону, он оказался открыт для обозрения — типичный дирижер оркестра во фраке, только еще и в цилиндре. Он невозмутимо окинул взглядом произведенные разрушения, а затем совершенно неожиданно перевел взгляд на меня и торжественно произнес, как будто бы объявлял вхождение в тронный зал полномочного посла соседнего государства:

— Вас. Ждут. В. Лимузине.

После этого он слегка поклонился и вошел (именно «вошел», а не «залез» или что-то еще) в экипаж. Дверца аккуратно закрылась.

Конь отчетливо вздохнул, махнул гривой, подошел к экипажу, встал на задние ноги, передними копытами уперся в передок и начал выталкивать повозку наружу. Проблем это не вызвало, карета легко сдала назад, развернулась и покатила прочь. Конь потрусил вслед. Через пролом стал виден длинный лимузин — черного цвета и с непроницаемо тонированными стеклами.

Это становилось забавным.

Когда мне оставалось два-три шага до лимузина, задняя дверца распахнулась. За ней виднелся чопорный английский джентльмен — это было заметно с первого взгляда. Присутствовал даже монокль в глазу и стек в руках.

Подойдя, я сел на заднее сиденье справа (джентльмен сидел слева, а между нами был откинут небольшой столик с парой бокалов, бутылкой коньяка и коробкой сигар).

— Приветствую вас! — хорошо поставленным голосом произнес мой визави. — Вы

здесь для того, чтобы научиться одному полезному умению. Правда, Джон? — продолжая смотреть на меня, спросил он.

— Истинная правда, сэр! — раздался голос издали — с сиденья шофера. Видно было лишь затылок и фуражку.

В автомобиле было темнее, чем на улице, и я обратил внимание на то, что стек, несмотря на то, что изготовлен он явно из дерева, обладает интересным свойством: по нему непрерывно пробежали цифры. Сначала — от конечника к набалдашнику, затем — наоборот. Столбик светящихся цифр у набалдашника был непостоянным, а иногда весь высыпался вниз, и через некоторое время от конечника начинала подниматься новая цифра...

— Умение вырабатывать электричество очень важно в жизни, — наставительно заявил джентльмен напротив и вставил в рот лампочку. Та неярко загорелась. — И я уполномочен обучить Вас этому, — как ни странно, дикция у него оставалась прежней, несмотря на включенную лампочку, зажатую зубами, — протяните мне свою руку.

Как во сне, я медленно протянул ему правую руку.

— Сейчас я прикоснусь к Вам, и вас ударит током. Это может быть больно. Может — очень больно. Иногда, очень редко, это даже смертельно. Но после этого Вы сможете...

Удар током был мощным, как озарение. Я потерял сознание.

БАРМАГЛОТ 5

Пересмотрев свои записки, я вдруг понял, что несколько перестарался с эффектом насыщенности. На самом деле моя жизнь на острове не была цепью постоянных приключений и чудес. Большинство моих дней были серы и однообразны, и по причине этой серости и однообразности я просто-напросто не стал их включать в повествование. Закормленный до тошноты описаниями дубов и непротивлением злу носилками во время получения среднего образования, я до сих пор не научился переваривать литературу, в которой мысли отделяют друг от друга сотни совершенно порожняковых страниц.

У меня была перезагрузка. Ненавижу это состояние обыденной тупости, когда в голову не приходит ничего, кроме ежедневной обывательской чепухи. Особенно когда совершенно нечего читать, смотреть, слушать...

Мне лично в этом состоянии лучше всего помогает трава. Трава подобна утилитам Нортон. Дефрагментация, дегазация, дезактивация... Во время перезагрузки она ускоряет процесс. Но не дай бог накуриться на пике вдохновения. Мозги зависают и долго еще не хотят набирать обороты. Трава напрочь форматирует мозги. Мои. На любого другого она может действовать иначе. Я же замираю в кресле, желательно летней ночью, желательно возле костра, желательно без движения, и наблюдаю.

Травы у меня не было. Конечно, при желании ее можно было найти, но в состоянии перезагрузки желаний обычно нет, к тому же для травы нужна подходящая компания. Курить траву наедине с собой может только клинический урод. Таких надо отстреливать еще в детстве.

Компании у меня не было, да я в ней, собственно, и не нуждался.

Я лежал и тупо смотрел в потолок. Говорят, таким образом можно добиться просветления. В истории такие случаи бывали. Какой-то хрен вот так, плясь в потолок, стал просветленным. Я не путаю его с Бодхидхармой, который пришел к подобному результату, двенадцать лет наслаждаясь созерцанием стены. Стена — это стена, а потолок — это потолок. Хотя, с какой стороны на них посмотреть. Все это такие же условности, как завтрак, обед и ужин или целевое название комнат в малогабаритной квартире.

Я лежал и тупо смотрел в потолок. Конечно, многие на моем месте предпочли бы тупо смотреть в телевизор, но наличие, пусть даже примитивной, нервной системы не позволяло мне спокойно лицезреть всю ту муть, которую обычно показывают домохозяйкам.

Я лежал и тупо смотрел в потолок, а в голове вертелись мысли об искусстве как о чем-то, совершенно не связанном с практической необходимостью. Так мы совершенно справедливо восторгаемся художником, который вместо того, чтобы красить стены или заборы (говорят, это спасает от гниения), принялся создавать совершенно непрактичные полотна, многие из которых писались, чуть ли не всю жизнь. Мы восхищаемся музыкантами, которые сумели трансцендировать военные-дробь-охотничьи опознавательные звуковые сигналы в симфонии. Мы даже восхищаемся модельерами, превращающими одежду — казалось бы, что может быть практичней! — в предмет абстрактного искусства. Так почему же, черт возьми, мы до сих пор не научились восхищаться искусством акушеров, которые одним движением щипцов способны превратить совершенно обыденного младенца в забавное, несколько сюрреалистическое существо, которое, при правильном к этому отношении, способно сделать наш мир ярче и веселее!

К прозе жизни меня вернул сосед.

— Пошли пивка попьем, — предложил он с порога, едва я открыл ему дверь. Похоже, вламываться в чужие квартиры самостоятельно у него получалось только в экстремальных ситуациях.

— Не желаешь ерша с лещом? — вспомнил я слова нетленки.

— Ну так что?

— При всем моем уважении к Дионису, пиво — это пошло. Алкоголь заставляет нас регрессировать ко второму нейроконтур, что соответствует сознанию крокодила.

— Ты о чем?

— О Тимоти Лири.

— Лучшем друге индейцев?

— Можно сказать и так, хотя этот титул больше подошел бы Бартоломео де Лас-Касасу.

— Не забудь, — совершенно естественным образом отреагировал сосед.

— Пива я не хочу, а вот от гашишной пилюльки бы не отказался. Тем более что, согласно Тимоти Лири, гашиш — это пятый, футуристический контур. У нормальных людей работает только четыре.

— А булочку с маком ты не хочешь? — язвительно спросил сосед, который давно сказал «нет» наркотикам, причем всем.

— Мак — это контур номер один. Контур амебы или эмбриона. Поэтому, кстати, несостоятельны уверения, что употребление анаши способно заставить перейти на мак. На мак переходят лишь те, кто ищет его с самого начала, и пробует дурь исключительно, не зная, чего хочет их наркоманская душа.

— Ладно, пошли в «Сластену».

— Пойдем.

«Сластена» — это такое заведение, где кроме легкого алкоголя подают гашиш, но не в виде курения. Кстати, курение травы вредно, как и любое курение (в результате неполного сгорания целлюлозы образуется масса токсинов, причем никотин еще далеко не самый ядовитый) а в виде пилюль, к которым подают что-нибудь сладенькое и чаек (чай). Пилюли — это тоже вредно (безвредных удовольствий не бывает), но по сравнению с таким дерьмом, как паленая водка...

Выпив первый бокал пива, сосед приступил к монологу. Он всегда становился словоохотливым, стоило алкоголю проникнуть в его мозг. Лично я люблю болтливых людей. Их общество не требует напрягать собственные мозги.

Сосед рассказывал про какого-то друга, который возомнил себя Антихристом. Насмотревшись фильмов типа «Омен» и «Экзорцист», он с чего-то решил, что настоящими его родителями (на официальных отца и мать он совершенно не был похож) являются дьявол и какая-то сука. Доказательство? Он не болел детскими болезнями. Опьяненный своим сверхчеловечьем, он начал магически влиять на соседей и сослуживцев, и даже у него что-то там получалось. Потом он узнал, что его отцом был не дьявол, а молдавский цыган. Разочаровавшись, он покончил с собой.

— Надо было с самого начала сдать анализы на идиотизм.

— ?

— Даже христиане не отказывают в интеллекте «представителям тьмы» такого ранга.

За соседним столом группа «интеллигентных молдаван» беседовала о литературе.

— Литература похожа на аквариум, — умничал во весь голос толстенный тип, — каждый текст — это такая минисреда, в которую запускают героев произведения. Причем писатели либо используют персонажей, чтобы на их фоне показать среду, либо наоборот. Произведения первого типа были очень популярны в конце XIX века. Сейчас их гениальные технические прозрения нам уже кажутся совершенно убогими, тогда как книги, в которых показаны живые, настоящие люди, до сих пор остаются актуальными...

— А по-настоящему кайф получается тогда, когда автор подает это как оргазмическое совокупление персонажей и среды, но для этого надо быть гением, — пробурчал я себе под нос и загрустил. Мне вспомнилось небо над Аустерлицем. Еще одна хрень, которую нас заставляли учить наизусть. Не понимаю, это что — педагогическая тупость возведенная в принцип или заговор с целью вызвать отвращение к литературе на всю жизнь?

Наконец подействовала пилюля. Настроение резко пошло вверх. Захотелось сладенького.

Вдруг из маминой из спальни...

Кстати, интересная строчка. Какой дурак станет держать в маминой спальне

умывальник? Это что, все гости должны проходить через спальню мамы? Как мне всегда казалось, Умывальников — это фамилия мамино начальника. У них все было на мази, и тут домой примчался Грязнуля. Застал, что называется, с поличным. Ну и Умывальников (по прозвищу Мой до дыр) ничего не нашел лучше, как наехать на пацана. А если учесть, что мочалками часто называют баб...

На этот раз какой-то странный тип с чудной паутиной на лице появился из служебной каморки, где нормальные бармены хранят швабры и прочую ерунду. Он подошел к стойке. Бармен завилял перед ним хвостом, в точности как директор моей бывшей богадельни перед инспектирующим его администратором. Затем они оба (бармен и тип с паутиной на лице) посмотрели в мою сторону.

— Здравствуйте, — сказал я, но они уже отвернулись.

«У него была внешность Наполеона, правда, не ясно — коньяка или торта», — промелькнуло у меня в голове. Тип был мне неприятен, а его лицо, несмотря на паутину, показалось мне до боли знакомым.

Бармен налил ему пиво, и тип похлопал за это его по плечу, как хозяин гладит преданного пса, правильно выполнившего команду апорт.

Выпив пиво, тип подошел к окну, произнес какой-то монолог, возможно, достойный Гамлета, затем вышел на улицу прямо сквозь окно, предварительно высадив стекло стулом.

Было бы удивительно, если бы он решил воспользоваться дверью.

И тут я понял, что это был я! Не двойник, а я, причем я даже не похожий на меня! И действие плана здесь было совершенно не причем.

— Ты видел? — спросил я соседа, которого уже и след простыл.

Обалдев в квадрате, я оглянулся по сторонам. Никто не обратил на произошедшее никакого внимания. Для всех это было в порядке вещей.

Разве что кроме одного афроамериканца с лицом, покрытым белой татуировкой — какими-то магическими знаками. Что теще можно ожидать от представителя поколения, выросшего на комиксах?

Встретившись со мной взглядом, он жестом пригласил меня к своему столу, но вставать мне совершенно не хотелось. Мне вообще не хотелось шевелиться, особенно по направлению к этому типу. Не получив от меня обратной связи, он решил, что пора Магомету самому идти к горе.

— Не желаешь немного пройтись? — спросил он, садясь на место соседа.

— Боюсь, я временно потерял дар прямохождения.

— Ничего, до кареты я тебя уж доведу.

The lab 05

Выходной! Ты понимаешь, что такое выходной? Нет, не понимаешь. Конечно, у каждого, кто работал, была куча выходных, а у тех, кто не работал — вообще сплошные выходные. Но если ты несколько месяцев не просто работаешь «от и до», а функционируешь на полную мощность, и даже несколько больше, и вдруг слышишь, что

целых два дня! Ничего! Не надо! И совсем наоборот — что захочешь!..

С другой стороны — чем заняться?

Почитаем-ка универсальный справочник...

Я подошел к книжной полке и взял в руки digitalbook. Не знаю, как это будет по-русски — термин прижился в транслите и чувствовал себя превосходно. В самом деле — дигитбук, он и в Африке дигитбук (гм... вообще-то должно быть «дигиталбук»; но я вам не филолог, в конце концов!). Точно так же, как и «трабл» — это вовсе не синоним «проблемы». Трабл — он и есть трабл. И даже от английского «the trouble» значение термина уже давно отличается. Англичане — они манерные: «Don't troubles trouble until trouble not troubles you». По-русски все проще: «у нас трабл!». Надо решать, и никакой манерности...

Ага, вот он — дигибук: «Август к. Избранное, Неизданное, И Вообще Не Его».

Пожалуй, уникальное издание. Обычно дигитбук представляет собой подборку книг по определенной тематике, которые можно читать на экране, пролистывая скроллингом или постранично. Этот — единственный мне известный, который был издан именно как одна книга (подозреваю, что это внутреннее издание The lab). Но это не самое интересное — особенностью его была неопределенность содержания. При включении дигитбук либо выдавал сентенцию, подписанную «Август к», либо сообщение «Август к пьет чай», либо, что можно было видеть приблизительно в половине случаев, сообщение: «Думай сам!».

После чего дигибук выключался на неопределенное время — включить его несколько раз подряд было невозможно. С другой стороны, иногда у него включалась встроенная сирена, а на внешней крышке начинала мигать надпись «Прочти немедленно!!!» — но, хотя единственным способом выключить звук было открывание экрана, сообщение «Думай сам!» было на экране где-то в 90% случаев... И что самое интересно — если уж когда-либо выдавалось сообщение с подписью «Август к», то больше оно никогда не повторялось.

Тема для медитации.

Август к не имеет никакого отношения к сюжету этой книги, к событиям, описанной в ней, к любым героям — как главным, так и второстепенным, а также к крысам, которые родились от беременной крыски, которую один из героев повествования забрал из разгромленного им ресторана. Спрашивается: откуда взялся дигитбук на полке?

На этот раз Август к решил явиться лично, если можно так выразиться. Надпись на экране гласила:

«Жестоко не прекращать существование тех, кто не способен жить. Август к.

Post scriptum. Если ты не живешь, а существуешь, не читай этот тезис.

Post post scriptum. Если вы предпочитаете обращение на “вы”, а не на “ты”, то это — твой трабл».

Как всегда — отношение к действительности совет имел минимальное, но побуждал подумать... Странно — я отношусь к его дигитбуку как к рандомайзеру шуток, но часто он

подсказывает, что надо делать; а когда — признаюсь, было такое в самом начале, — я пытался следовать его советам, то...

Забавно было подумать, как бы я провел подобное время раньше, до переезда сюда. Пожалуй, я бы выпил пива с приятелями под разговоры о чем-нибудь эдаком... Оптимальное времяпровождение — позволяет думать, получать удовольствие и отсеивать знакомых, с которыми не хочется общаться.

Интересная вещь — алкогольная медитация. Для достижения такого состояния надо аккуратно довести себя до определенного состояния, а потом поддерживать «градус внутри», не усиливая его. Через некоторое время появляется состояние, которое можно назвать осознанным трансом: мозг вполне работает, как у трезвого, но бессознательное раскрепощается и стучится в ментал. Куда его можно и нужно потихоньку пускать. Главное — не усиливать градус, так как медитация пропадет, а вот алкоголь останется — и будешь утром как огурчик: весь зеленый и в пупырышках...

Гм, вот только где найти здесь того, кто свободен именно сейчас и в подходящем настроении? В одиночку медитируют только йоги, причем — без алкоголя, а это — на любителя.

— На ловца и зверь бежит, — произнесли мы чуть ли не синхронно, столкнувшись в дверях. Стрелок появился вовремя. Честный договор: я сейчас помогаю ему, а потом вместе медитируем.

— Что возьмешь?

— На этот раз что-то нестандартное, — глаза при взгляде на полки просто разбегались, — сейчас найду, чтобы было под настроение... Ага, вот это пойдет. Обоймы где?

— Справа за стойкой. Тогда ты работаешь по целям, а я прикрываю. Ну и по автомату возьмем для приличия, — сказал Стрелок, указывая на столы перед выходом — там лежали два автомата, два пистолета и кучка гранат.

Он подхватил свою винтовку с устрашающего вида оптикой и направился к двери. Я сгреб предназначенный мне арсенал и отправился следом, пытаюсь на ходу рассовать по карманам запасные обоймы.

— Не слишком круто?

— Нормально. Как раз под настроение. Сосредоточиться, отстреляться, и расслабиться. Пиво уже в холодильнике.

— Тогда пошли. И не забывай смотреть по сторонам.

Удобное место мы нашли за кучкой деревьев на скале, буквально рядом со зданием банка. «Слишком близкая и скрытная позиция, не интересно», — отметил я. Банально, но Стрелок требовал полного отчета после каждого выхода. Полного — это на самом деле полного. В прошлый раз он о температуре отстрелянных гильз спрашивал — я их что, ловить должен во время стрельбы?

Не слишком удобный надуватель я положил стволом на камень и передернул затвор — архаическое движение, еще со времен трехлинейки... Заряд-баллон с мягким чмоканьем

вошел в ствол, слышалось шипение нагнетаемого в камеру газа.

Первым на прицел я взял одного из охранников внутри здания — его было видно через окно.

— Второй этаж, третье справа, разбивай.

Сухо щелкнул выстрел снайперской винтовки, стекло осыпалось, охранник завалился назад — Стрелок на то и Стрелок... В окне замельтешили фигурки, надуватель (понятия не имею, как он официально называется) издал свое «чмммок-пссс...», и один из охранников резко начал увеличиваться в размерах, одновременно взмывая под потолок. Через три секунды сверху на столпотворение в окне посыпались ошметки мяса. «Гм, должны быть руки-ноги отдельно, а не просто разрозненные куски — давление же внутри брюшной полости... подозрительно выглядит...» — пронеслось в голове, и тут же из ворот повалила беспорядочная толпа вкладчиков, кассиров и прочих находящихся в банке, включая несколько собак и непонятно откуда выскочившую пару куриц.

Последующая пара выстрелов подтвердила гипотезу — получившие заряд сжатого газа картинно раздувались, взлетали и лопались с чавкающим звуком (теперь, на улице, он был слышен) на какие-то кровавые ошметки абсолютно абстрактного вида. Очень подозрительно. Я бы сказал, что люди себя так не ведут — приличные люди взлетали бы не так высоко, газа в брюшной полости явно не хватит, чтобы изображать воздушный шарик, и разрывалась бы только брюшная полость.

— Слушай, подозрительно все это выглядит, — начал я, отрываясь от прицела.

— Потом. И следи — я только что двоих с гранатометами снял, третий этаж, открытые окна... А то к нам прилетел бы сюрприз. Меняем позицию!..

— Ну и как? — небрежно пиная ногой мешок с банкнотами, спросил Стрелок пятнадцать минут спустя.

— Тщательнее местность прорабатывай — а то халява какая-то с первой позицией. Ну и где ты видел, чтобы от нагнетания газа в брюхо конечности даже не отрывались, а разрывались на клочки?

— Мда, не подумал.

— И вообще эти заряды должны быть эффективны лишь при попадании в полость — тот же живот или хотя бы в голову. А я несколько раз — точно видел — в руку попадал, а раздувало все равно полностью.

— Понятно, — задумался Стрелок. — действительно не учел. Ладно, пошли.... — Местность вокруг мигнула и схлопнулась.

— А как дела с твоим проектом? — лениво поинтересовался мой визави, расположившись в кресле напротив.

— Не поверишь, — отхлебнув пива, ответил я, — шутка, реализованная в жизнь, начала приносить коммерческую прибыль.

— А в чем там дело-то? Я как-то не следил за вашими разработками... Просто уже пол-лаборатории это как анекдот рассказывает. Но вообще, о бредовых идеях, выгодных коммерчески... У Ходока знаешь, какая тема обломалась? Секс по телефону для зоофилов!

Какой-то, сорри за кламбур, извращенец, заявил, что слышал голос другой породы собак, фирма потеряла репутацию.... Ну так у тебя-то что?

— Да все просто. Человеческая особенность «чтобы казаться крутым, надо иметь дома что-то крутое и круто стоящее, а если оно еще и опасное — то ты крут немерено». Когда-то в древности содержали зверинцы с львами там и медведями. Потом пошла мода держать дома бойцовых собак. Затем, когда мода привела к тому, что всякие четырехногие капканы стали попадаться на каждом шагу, биологи вырастили мини-акул — их можно было держать дома в аквариумах. А мы решили провести эксперимент: дали рекламу на тему: «Настоящая опасность для настоящих мужчин — не выходя из дома!». В общем, такой агрегат из стали и стекла с полкубометра, из которых 90% объема занято декорацией. Трубочки, по ним растворы булькают. Разноцветные и с пузырьками. Ну и заодно — защита от дурака, так сказать, чтобы осторожнее обращались. Не умные же это все покупают, особенно по таким ценам. А внутри — культура бактерий. Чума, холера, сибирская язва... я сам весь список не помню. В комплект входит микроскоп и автоматический прибор для отбора проб, окрашивания и прочего. Так что всегда можно полюбоваться на свои любимые бактерии, убедиться, что они живы-здоровы. Уже коллекционеры появились, за редкими штаммами охотятся...

— А никто не пытался внутрь пролезть и все на свободу выпустить? Не поверю!

— Ну как не пытался, были такие... У нас там датчик стоит — сразу бригада выезжает. А те трое, которые расколупали бокс — послужили хорошей рекламой. Померли — значит, мы честно работаем. Кстати, ты заодно, как специалист, не посоветуешь ли на тему... — разговор продолжался, медитационное состояние приближалось.

БАРМАГЛОТ 6

Аллергия на минеральную воду... Такое могло случиться только со мной. Выпив стакан воды, я весь покрылся волдырями, как от укусов блох. Сначала я так и решил, но характерных следов укусов в волдырях не было, да и не заметить такое полчище насекомых...

Полоса невезения продолжалась. Сначала я подхватил грипп, затем, едва оклемавшись, я заполучил великолепный понос, который длился три дня. После поноса я наступил на гвоздь, вошедший в мою ногу сантиметра на два, а то и на все три. И вот теперь аллергия на минеральную воду...

На всякий случай я решил обратиться в местную больницу — госпиталь святого Антония. Не то, чтобы я по каждому пустяку бегал по врачам, но аллергия — дело серьезное.

Помню, еще в позднем детстве, на первом или втором курсе института я выпил какую-то херню от расстройства кишечника. Я едва успел добраться до постели. Потребовалось не более минуты, чтобы меня пронзили тысячи игл, зрение выключилось, а тело раздулось, как... я не знаю, как. Пульс зашкаливал...

В госпитале святого Антония меня встретили как родного. Одета в забавную пижаму и шлепанцы медсестра в регистратуре предложила мне белоснежный халат — пациенты

ходили в халатах, тогда как персонал носил пижамы и шлепанцы. По мнению руководства, это должно было повысить самооценку искателей — так здесь называли больных. Слово «больной» считалось психически дискриминационным, и вместо него здесь использовали термин «искатель».

СЮДА ПРИХОДЯТ ТЕ, КТО ИЩЕТ ЗДОРОВЬЯ, ЗНАНИЯ О СВОЕМ ОРГАНИЗМЕ... и так далее.

На мое счастье очереди (ненавижу очереди) у кабинета аллерголога не было. Доктор, милая дамочка лет 20 с копейками, выслушав мои жалобы, предложила:

— Я могу предложить вам укол. Одного будет достаточно. Правда, вам придется немного у нас полежать. Несколько часов, не больше. Препарат имеет снотворный эффект, так что все это время вы проведете во сне.

— Вы считаете, что меня пора усыплять? — попытался пошутить я.

Она вяло улыбнулась.

Укол оказался болючим. Правда, вырубил меня мгновенно. Из процедурной меня буквально принесли в палату...

Я был в комнате, где всегда идет дождь. Дождь был мелким и по-осеннему холодным. Он лился не с потолка, а формировался прямо в воздухе, так что потолок был даже сухим. Я сидел на мокром стуле, что совсем не способствовало повышению моей самооценке.

Напротив меня за столом в кресле вальяжно восседал Бармаглот. Он наслаждался сигарой, которая, несмотря на дождь, была совершенно сухой.

— Считай, что я к твоим услугам, — сказал он мне, — так что выкладывай, с чем пришел, и проваливай.

Меня несколько шокировал подобный прием. С другой стороны, такое обращение заставляло быть максимально лаконичным и не лезть к нему со всякой ерундой.

— Не знаю. Думал, ты мне скажешь, — ответил я.

Я действительно не знал, что мне надо. Меня словно взяли за шкуру и притащили на это чертов остров, на котором, будь у меня мозги, они давно бы уже закипели и сварились вкрутую от всего того, что мне пришлось пережить. Моя же и без того сдвинутая психика на удивление воспринимало все это, как некую данность... непонятную, шизофреничную, но все же данность. С другой стороны, мне было совершенно непонятно, как растут деревья, как они находят воду, как квантовый танец образует все многообразие действительности... То, что для нас все это кажется привычным, еще не делает это понятным.

Бармаглот вытащил из стола театральный бинокль, через который внимательно посмотрел на меня.

— Все это хуйня, мальчик, все это хуйня, — сказал мне Бармаглот, обдавая сигарным дымом, давая тем самым понять, что аудиенция окончена.

Прозвучал громкий хлопок, и меня буквально вышвырнуло вместе со стулом из приемной Бармаглота.

Я лежал на кровати в одноместной больничной палате. Рядом на стульях сидели двое. Мужчина лет тридцати, высокий и тощий с лицом маньяка-интеллектуала. На лице были очки с толстыми стеклами. С ним была барышня. Настоящая секс-бомба. Лицо, фигурка,

ноги, грудь... Все было высочайшего качества. Дамочка смотрела на меня через двойной лорнет.

— Он хочет тебе что-то сказать, — сообщила мне дамочка.

— Все верно, — согласился с ней мужчина, — ты ведь знаешь, что такое черная дыра? — спросил он, глядя мне в глаза.

Я прекрасно знал, о чем он спрашивает. С черной дырой я встречался дважды. И оба раза под молочищем. Порция была крепкой, и я доходил до такого состояния, когда настолько прет, что уже страшно. Тебя начинает трусить. Дыхание становится частым и поверхностным. Затем появляется ветер, который несет тебя в некий водоворот, в воронку, которая затягивает тебя в черную дыру. Скорость огромная, и тебя трясет и болтает, как кота в центрифуге. Появляется страх, который заставляет тебя делать все, чтобы выбраться из этой воронки. Одновременно с этим тебе непреодолимо хочется оказаться с той стороны...

У самой воронки тебя выбрасывает из кайфа, и все начинается сначала...

— Так вот, они приходят оттуда, — сказали они хором, поднимаясь со стульев.

Я хотел им что-то ответить, но...

Проснулся я только на следующий день. Самочувствие было прекрасным. Настроение тоже. Через тридцать минут я был выписан из больницы.

Дома меня ждал сосед.

— Ты где был? — спросил он.

— В манде, — ответил я.

— Пойдем, я хочу тебя кое с кем познакомить.

— Я не желаю ни с кем знакомиться.

— Брось, ты очень хочешь с ним познакомиться.

Сосед чуть ли не силой вытащил меня из квартиры и сунул в карету. Минут через 10 мы стучали в дверь с табличкой «МАЭСТО ЕЗЕФ» (именно маэсто, без «р»). Почти «Посторонним В...», — подумал я.

Когда дверь открылась, я чуть не сел на жопу. На пороге стояла секс-бомба, которую я видел в больнице

— Проходите, — сказала она, приглашая нас в большую комнату, обставленную как гостиные в мещанских домах, — Езеф сейчас будет, а пока кофе?

— Ена прекрасно варит кофе, — заметил сосед.

Как и следовало ожидать, Езеф оказался тем самым худым типом, который был в моем видении вместе с Еной. Подумав, я решил им это не говорить.

— Значит, вы ищите Бармаглота? — вопрос Езефа был скорее констатацией факта.

— Скорее, Бармаглот ищет меня, — ответил я. Ответ пришел как бы сам, без моего участия.

— В любом случае вам нужен Белый Кролик.

— Это что, такой талисман? — спросил я, решив, что Езеф очередной шарлатан от магии, торгующий всякой оккультной ерундой. К подобным типам я отношусь с неприязнью.

— Вы правы и одновременно нет, — ответил он, — Белого Кролика можно назвать и талисманом, в этом вы совершенно правы, но я не собираюсь втюхивать вам всякую ерунду, как вы предположили. Вы читали «Алису в стране чудес?»

— Разумеется.

— Алиса увидела Белого Кролика, и это позволило ей найти вход в Страну Чудес. Белый Кролик — это приглашение. Он может быть ветерком, играющим у ваших ног, упавшей с дерева веткой... Он может быть любым знаком. Белый Кролик — это проводник. Без него Бармаглот недоступен.

— Я уже встречал Белого Кролика! — вспомнил я, — Несколько дней назад, когда я возвращался с работы, с дерева передо мной без всякой видимой причины упала ветка. На следующий день с того самого дерева упала еще ветка.

— Это был не сам Белый Кролик, а его визитная карточка. Вам надо было остановиться и ждать. Вы же отказались от приглашения.

— Я не знал...

— Я понимаю. Поэтому я и пригласил вас сюда...

— А вы сами были в Стране Чудес? — спросил я.

— Нет, — ответил Езеф, улыбнувшись так, словно он и есть тот самый Белый Кролик.

The lab 06

Мне очень повезло. Насколько повезло, я понял только сегодня утром, посетив пару друзей в медблоке, а заодно вдоволь понаблюдав мрачные зеленые и прыщавые физиономии в коридорах. Не в смысле «очень юные», а в самом что не на есть прямом. У половины встречных судорожно подергивались руки — чесалось, а делать этого было нельзя ни в коем случае. Наши эскулапы гарантировали полное исчезновение симптомов через три дня, а также отсутствие каких-либо последствий (кроме косметических, если расчесать), но такой своеобразной массовки не припоминал никто. Избежали общей участи лишь те, кто вчера находился вне базы. И — я собственной персоной.

Самое странное, что по восстановленной картине распространения этой самой прыщавости источник был легко выявлен: снабженцы закупили новую партию воды. Самой обычной, даже не минеральной. «С горных родников», как написано на этикетке, реально — дистиллированной, что все равно куда лучше местной водопроводной, которую я не рекомендовал бы пить никому, если, конечно, у кого-то не возникнет странная фантазия провести остаток жизни на унитазе, внимательно рассматривая всю ту флору и фауну, которая неизбежно размножится внутри. На это в первую очередь и подумали. Однако — в баках была именно вода. H₂O. Конечно, не электрохимически чистая, но вполне нормальной дистилляции. Плюс совсем немного сульфатов и хлоридов — для вкуса, так сказать.

Более того — ту же воду пили животные. И лабораторные, и домашние. И не только мои хвостатые — вон они в гамаке дрыхнут — но и у других. В столовой за завтраком видел — толстые и довольные, как обычно.

Так что — не знаю с чем конкретно, но повезло...

С везением вообще творилось что-то странное. Я, конечно, ничего против не имею, но когда слишком хорошо — это слегка подозрительно. Позавчера я спрыгнул прямо на торчащий гвоздь и пропорол насквозь ботинок. Именно ботинок: ржавая железяка прошла ровно между пальцами. С этими заданиями по уличной работе — вообще засада. Скажем, неделю назад я был вынужден битый час сидеть в местном «Макдональдсе», следить за каким-то идиотом, и для маскировки поглощать этот самый фаст-фуд. Условно съедобная еда, иначе и не выразишься. Вот чего прекрасно понимают мои мозги и никак не мог понять мой желудок (когда я еще добровольно ел в таких забегаловках) — как это, обожравшись до состояния «не могу больше», можно опять хотеть есть через пару часов?

Так вот — через два дня после того моего посещения бигмачной я узнал, что в тот день больше сотни человек, питавшихся там, были госпитализированы с диагнозом «сальмонеллез». Честное слово, не понимаю, откуда он там мог взяться — из сои, что ли? Но мне тогда опять повезло: ни малейшего недомогания.

А две недели назад в лаборатории я нечаянно разбил пробирку с одним достаточно неприятным штаммом, причем умудрился порезать защитный костюм. И — опять ничего...

Впрочем, легкий насморк, который у меня начался позавчера, все же свидетельствовал о том, что иммунитета ко всем неприятностям или хотя бы болезням у меня еще не появилось.

Все же наружка выматывает. В связи со сложившейся ситуацией пришлось подменять тех, кто не мог сегодня выйти наружу, так сказать, по косметическим причинам. Так что набегался я за сегодня — ой-ой...

Ванна уже наполнилась, так что можно было залезать. Чего я и сделал, взяв с собой книжку с намерением почитать. Намерение исполнялось как-то слабо — не то, чтобы я очень уж хотел спать, но теплая вода, журчание потока из крана и общая забеганность за день привели к тому, что пару раз мои руки расслаблялись и я получал книгой по носу. Хорошо, что хоть в воду не ронял... Пришлось отложить томик в сторону и просто расслабиться.

...Незнакомое помещение. Четкости нет. Угу, окна... Два. Нет, три. Дверь — слева. Нет, справа... Люк в потолке. Минимум мебели.

«Нет, так не пойдет. Даже во сне расслабиться не получается», — возникла мысль и я привычным усилием зафиксировал взглядом свои руки. Повертев их перед собой минуту, я огляделся. Совсем другое дело — комната приобрела четкость. Окна — три, на потолке — люк, на полу — колченогий стул, диван. На диване — тумбочка. Пыль — везде, но понемногу.

Захотелось проснуться. Таких скучных снов давно не было...

Я сел на стул, смахнув пыль, и стал рассматривать тумбу, возлежащую на диване. Художник, наверное, смог бы объяснить, чем достигался такой эффект — но я тут пас. Могу лишь сказать, что тумбочка не валялась на диване, не стояла и не была брошена на таковой. Она именно что *возлежала*. И ей было *удобно*.

Бред.

Прошло минут двадцать. Тумбочка возлежала как прежде. Я сидел без малейшего движения — во сне это не трудно.

Еще приблизительно через полчаса дверца тумбочки со скрипом распахнулась, подняв небольшое облачко пыли, через которое виднелась недовольная кроличья морда. Как-то четко понималось, что недовольство вызвано именно моими действиями — нет, чтобы, как приличный человек, начать выяснять, что тут за мебель, дверцы открывать, передвигать. Может, даже крушить. Или в окна глядеть, в люки стучаться... А он, падла, сидит и медитирует! Уже сам начал пылью покрываться!

Прядая ушами, серый кролик выжидательно смотрел на меня.

Я продолжал медитировать.

Кролик полез куда-то себе в подбрюшье (одежды на нем не было, совсем уж бредовые сны я обычно не смотрю), достал оттуда брегет с репетиром, как было написано на этикетке, болтавшейся вполне обычных на мой взгляд на карманных часах. Посмотрел на часы сам, показал их мне. На часах было 24:53. Идея о 25-тичасовом циферблате мне понравилась, хотя я не был уверен, что это — именно дополнительный час в сутках, которого мне так хронически не хватало.

Убедившись, что я не собираюсь никак реагировать, кролик смачно сплюнул за диван, убрал часы, выпрыгнул на пол целиком и по-собачьи встряхнулся. Пыли на нем стало куда меньше, и я понял, что он был скорее белый, чем серый. Кролик еще раз покосился в мою сторону, махнул рукой, снова полез куда-то в подбрюшье и достал две здоровенные сигары без каких-либо этикеток, небольшую гильотинку и коробку спичек. Ловко откусив кончики сигар, он прогрел их по длине парой спичек, быстро прикурил, а затем кинул одну в меня — я рефлекторно поймал ее на лету, — а другую внутрь тумбочки.

После чего резко вспрыгнул мне на колени, ткнул прямо в нос свои часы — 24:59 — и длинным прыжком исчез через люк в потолке. То, что люк был закрыт, его, по-видимому, волновало мало.

Сигара издавала такой аромат, что я все же затаился. Тумбочка на диване зашевелилась, устроилась еще удобнее и тоже затаилась сигарой. Как — не знаю. Визуальный ряд не совпадал с тем, что я ощущал. Впрочем, не то, чтобы не совпадал совсем, но описать я это все равно не могу.

— Жаль, что у нас уже нет времени пообщаться, — сказала тумбочка. Впрочем, это была не тумбочка... В общем, для простоты давайте условимся, что я услышал эту фразу.

— Простите, а вы кто, собственно говоря? — поинтересовался я, выпуская серию дымовых колечек. Сигара была превосходной.

— Кто я? Это, знаете ли, вопрос философский...

И тут я проснулся. Резко и совсем не хотя этого. Точнее — даже не «я проснулся», а «у меня выключили сон».

БАРМАГЛОТ 7

Визжа тормозами (у них что, нет денег на новые колодки?), возле меня резко

остановилась серая машина с тонированными стеклами. Это явление заставило меня впасть в ступор, настолько я отвык от подобного рода экипажей. Здесь, на острове, даже скорая была на конном ходу, а тут настоящая машина никак не законспирированная под конный экипаж! Не успела моя нижняя челюсть принять с характерным звуком свое максимально возможное нижнее положение, а из машины уже выскочили два внушительного вида «агента Смита» в идеально отутюженных черных костюмах. Подскочив ко мне, один сунул мне в лицо какое-то удостоверение, а другой спросил:

— Господин Ка?

— Да, — ответил я.

— Прошу вас проехать с нами.

Не дожидаясь ответа, они схватили меня под руки и чуть ли не силой сунули в машину на заднее сиденье. Один из «Смитов» сел рядом со мной, другой — за руль. Едва мы оказались внутри, как он резко вдавил газ до пола, в точности как какой-нибудь малолетний урод, насмотревшийся фильмов про гонщиков.

— Куда вы меня везете? — спросил я, но вместо ответа «Смит» сделал мне знак молчать.

Так мы молча и ехали, пока не оказались на территории какой-то птицефабрики. Игра в молчание продолжалась. На всякий случай, я посмотрел на номер машины, но вместо цифр там были звездочки, как в графе «пароль».

Меня завели в какой-то огромный сарай, на полу которого был толстый слой соломы, птичьего говна и перьев. Самих птиц видно не было.

Найдя три не совсем чистых стула, они усадили меня напротив себя. Только после этого они представились.

— Мы — Алекс и Бон, — сказал первый «Смит».

— Кто из нас кто, не имеет значения, — добавил второй.

— Прежде чем перейти к основной теме беседы, я хотел бы, чтобы вы постарались понять суть моего первого вопроса, — вновь заговорил первый. Они говорили по очереди, как ведущие Голубого огонька, — вас не смущает, что, будучи вполне состоявшимся для своих лет и притязаний человеком, вы вдруг срываетесь с места, отправляетесь сюда, здесь постоянно встречаетесь с какой-то чертовщиной, от которой у любого нормального человека давно бы уже съехала крыша, и воспринимаете это вполне нормально?

— Вы правы, — ответил я.

Меня это действительно не смущало, хотя я понимал, что должен был отреагировать на происходящее как минимум нервным срывом.

— А что вы скажете на то, что причиной подобного отсутствия нормальной реакции на более чем стрессовую ситуацию является то, что вы находитесь под частичным или даже полным уфологическим контролем?

— Никогда не мог всерьез воспринимать все эти байки про зеленых человечков, — ответил я на его реплику.

Честно говоря, я начал чувствовать запоздалый страх. Мало ли что может прийти в голову на заброшенной птицеферме двум вялотекущим уфологам. В своей прошлой жизни я знал одного исследователя феномена, который наблюдал явления малых

зеленых человечков у себя на люстре. Но он был тих и спокоен, и вовремя менял тормозные колодки. Здесь же...

— Я понимаю вашу иронию, господин Ка. К уфологии сегодня такое же отношение, как, например, к магии, шаманизму или спиритуализму. Кто-то приложил колоссальные усилия, чтобы дискредитировать эти явления в глазах общества.

— Скажу вам по секрету, господин Ка, — подхватил другой «Смит», — даже само название «уфология» является дискредитационным. И это не случайно. Некто или нечто совершенно не желает, чтобы к нему относились серьезно. Вы думаете, НЛО — это неопознанная летающая хуйня?

Я согласно кивнул. Именно так я и считал.

— Так вот, летающая хуйня — это только один из фасадов феномена. Мы склонны считать, что всевозможные чудеса, явления демонов или богов, спиритуализм, магия, чудесные озарения... все это результат воздействия на нас кого-то или чего-то, существующего внутри или вне нашего сознания. Воздействуя таким образом на нас, это что-то фактически управляет нашим развитием.

— И какое к этому отношение имею я? — спросил я, чтобы как-то прервать этот уфологический ликбез.

— Совершенно непосредственное, господин Ка. В Толеро расположен один из центров по изучению нашего поведения. Как он выглядит на самом деле, мы не знаем, так как все мы здесь пребываем в поле наведенной реальности, и говорить о том, что что-то здесь выглядит точно таким же, как кажется, было бы весьма опрометчиво.

— Все верно, — подхватил нить разговора другой «Смит», — вы находитесь в длительном уфологическом контакте. Для простоты понимания можете определять НЛО как все, что выходит за рамки ведущей человеческой парадигмы.

— И нас интересуют истоки этого контакта. Вы не помните, что могло послужить его предвестником?

Я совершенно не помнил, что могло быть предвестником такого контакта.

— Вот видите, вы даже не помните, — сочувственно констатировал «Смит».

— Но все равно мы надеемся на вашу помощь.

— Не представляю, чем бы я мог вам помочь, — с наигранным сочувствием в голосе сказал я.

Я совершенно не хотел кому-либо помогать, особенно сумасшедшим уфологам.

— Это покажет время. Пока что нам достаточно знать, что вы готовы помочь.

— Все зависит от того, что вы от меня захотите.

— Об этом можете не волноваться, — сказал «Смит», и его слова заставили меня начать серьезно волноваться.

— Подождите нас здесь, — попросил вдруг «Смит».

— Никуда не уходите, — поддержал его второй.

Быстрым шагом они вышли из сарая. Через пару минут я услышал характерный звук отъезжающей машины. Эти уроды смылись, оставив меня одного, хрен знает где, на какой-то гребаной птицефабрике!

Домой я вернулся часа через четыре. Я был одновременно злым и уставшим. Все, что

мне было нужно — это теплый душ, минеральная вода и постель. Больше меня ничего не интересовало. Но моим мечтам было не суждено сбыться. Дома у меня хозяйничали гости:

Сосед похабно отплясывал под Мэйлса Дэвиса, Езеф мастерил кальян из заварного чайника, совсем еще нового, из подарочного сервиза, а Ена и Ли курили, забравшись на мою кровать прямо в туфлях.

Вся радость от долгожданной встречи с друзьями высветилась у меня на лице.

— Как ты? — взволнованно спросил сосед, совершая неприличные движения тазом. Он так и не перестал танцевать.

— Потом, — буркнул я, отправляясь на кухню, где обычно хранились запасы минеральной воды.

Вопреки моим ожиданиям, гости еще не выжрали всю воду.

— У тебя была встреча? — заговорщическим тоном спросил Езеф, — это важней и опасней, чем могло показаться.

— Какая еще нахрен встреча? — закосил я под дурака.

— С птицеловами.

— С какими еще птицеловами?

— Мы называем их так, потому что они отвозят своих клиентов на птицефабрику на машине. Не отпирайся, я знаю.

— И что?

— Чего они от тебя хотели?

— Я с удовольствием поговорю с тобой через неделю.

— Они показали ему свой излюбленный трюк, — вступила в разговор Ена.

— Ну да, они бросили тебя на ферме, и ты всю дорогу шел пешком.

— Да, и я очень устал, так что...

— Послушай! — закричал мне в ухо сосед, — нет никакой фермы, и ты ниоткуда не возвращался! Это все иллюзия, игра измененного сознания!

— Не морочь мне голову, — также во всю глотку заорал я.

— Ты только думаешь, что кто-то морочит тебе голову. На самом деле морочишь голову ты себе сам, — услышал я голос Бармаглота.

The lab 07

«Ничего не понимаю», — всплыла в памяти фраза из старого мультфильма, который как-то раз случайно попался мне в видеотеке. Это незатейливое словосочетание описывало ситуацию прецизионно точно: я смотрел на дверь, как баран на новые ворота, извините за тавтологию, и ничего не понимал.

Обыкновенная такая дверь круглоугольной формы, стандартная для этого яруса. Никаких табличек, полное отсутствие особых примет. Я бы вообще не обратил на нее внимания, если бы она не находилась именно здесь — в том же коридоре J шестого круга, что и мои апартаменты. Я проходил мимо этого места несколько раз за сутки, и могу поклясться чем угодно: раньше ее тут не было.

Более того: она совершенно естественным образом вписывалась в ровный ряд жилых блоков, сохраняя расстояния между дверными проемами. Слева была дверь с номером 7, справа — 8. Все хорошо, вот только раньше эти двери шли подряд. И если бы кто-то ночью врезал дополнительную, то расстояние между дверьми нарушилось бы...

Я очень медленно прошел вдоль стены, считая шаги между входами. Равное между всеми десятью, включая свежую, ненумерованную.

Так же тщательно я прошагал вторую стену — двери от 11 до 20. То, что между дверьми и здесь было равное расстояние, меня не удивило, удивительно было другое: оно было ровно таким же, как и на противоположной стороне коридора. Я не поленился зайти к себе, пошарить в шкафу, найти рулетку и повторить эксперимент.

Через полчаса я стоял на карачках в конце коридора (для надежности измерял плитус) и тупо смотрел на шкалу рулетки.

«— Крокодил имеет длину от головы до хвоста 2 метра 20 сантиметров, а от хвоста до головы — 2 метра 40 сантиметров. — А почему такая разница? — Наш крокодил, как хотим, так и мерим,» — вспомнилась детская прибаутка.

Дано: на левой стороне коридора расположено 10 дверей, расстояние между ними составляет 3 метра, по правой стороне коридора расположено 11 дверей, и расстояние между ними также 3 метра ноль-ноль сантиметров. Спрашивается: как не сойти с ума, если коридор строго прямой и длина каждой его стороны — ровнехонько 35 метров?

— Ага, молодец! Действуй дальше, — услышал я знакомый, но не опознанный с ходу голос, ощутив дружеское похлопывание по плечу. В голосе явно чувствовалось понимание и одобрение. Но когда я поднял глаза, то увидел уже закрывшуюся дверь лифта. Кто именно это был из соседей — я так и не понял.

Встав, я подошел к двери и еще раз внимательно осмотрел ее и стену вокруг. Не было никаких свежих следов монтажа, да и вообще она ничем не отличалась от соседних — явно не новая, местами слегка потертая, ручка вообще отполирована до блеска частыми прикосновениями... Я решил и протянул руку.

— Понимаете, я просто не смог даже прикоснуться к ручке, — продолжал я свой рассказ, — не то, чтобы что-то мешало, просто я понял — сам понял, а не кто-то мне сказал — что пока рано. Странно, правда? Не «запрещено», «доступ закрыт», «не суйся не в свое дело» или еще что-то. Именно «пока рано»... Еще йогурта? Куда столько влазит-то? Самое забавное, что было понятно и то, что я вполне могу открыть эту дверь и войти. Но... Да, про банановые чипсы я тоже не забыл, сами возьмете на тумбочке, а мне пора идти.

Я открыл дверцу клетки, и, благодарно ткнувшись мне в руку носами, крысаки неспешно пошли на прогулку.

Погладив каждого, я проверил наличные в бумажнике и отправился к выходу в город — ничего срочного не было, а перемена обстановки была явно полезной.

Проходя мимо новой двери, я старательно не обращал на нее внимания.

Бармен как всегда угодливо подскочил и сразу встал в позу «чего изволите-с?». Впрочем, как я понимаю, передвигался он, создавая ровно то же впечатление. Но сегодня

мне хотелось собраться с мыслями, просто побродив по городу. Преимущество «паутины» именно в том, что даже в самом людном месте никто не обращает на тебя внимания, хотя и видит при этом. Недоразумений с тем, что кто-то попытается на тебя сесть или наткнуться на ходу, не будет, а вот стоять в толпе и наслаждаться одиночеством — теоретически можно.

Практически у меня это никогда не получалось: толпа портит настроение одним своим видом. Есть отличие от восприятия отдельных ее составляющих и самой толпы в целом. Отдельный представитель человеческого стада если и вызывает эмоции, то обычно по типу «смех сквозь слезы». Конечно, алкоголики, роющиеся в помойках и сшибающие своим амбре за несколько метров, вызывают отвращение, но здесь, на курортном острове, их не было и быть не могло. Так что гуляющие либо воспринимались нейтрально, либо согласно лозунгу «Цирк уехал, а клоун остался». Вот, например, парочка метрах в двадцати справа, одетая в «шалаш». Последний оглушающий писк моды: демонстрируя неразлучность в ну просто офигительной любви, ходить вдвоем в одном комбинезоне, сшитым как бы на сиамских близнецов. Так и ходят, достаточно часто спотыкаясь и путаясь в четырех штанинах. Или вот девица, ждущая кого-то в конце аллеи — я могу понять прозрачные штаны, если есть что показать. Но когда дело не в том, что показывать не стоит, но в том, что лучше вообще пока ничего не показывать еще года два-три... К тому же носят под такое все же красивое белье, а вовсе не чуть ли панталоны из прабабушкиного сундука. Модница и скромница в одном лице, однако.

Как я уже говорил, даже если в одиночку клоуны вызывают смех, толпа клоунов, как и любая толпа, вызывает легкую брезгливость. Но, по крайней мере, отвлекает от насущных проблем метрики пространства.

Образ безымянной двери заставил сделать еще один глоток из бутылки. Обычно во время вылазок в город я пью темное пиво, но сегодня мне хотелось больше обычной нормы, и я пил местное светлое — «Брандашмыг». Очень даже ничего, замечательно идет с копчеными щупальцами кальмаров. Если не ошибаюсь, в меня сейчас постепенно переливается шестая бутылка.

Лениво вода глазами по толпе, я вдруг остановился на симпатичной фигурке незнакомой девушки. Невысокого роста, она была одета в классический джинсовый костюм, очень хорошо подогнанный, и казалась весьма знакомой, хотя стояла спиной, лишь чуть повернувшись. Она точно была не из Лаборатории, но откуда мне был так знаком... ну, скажем, профиль той части спины, которая резко меняет свое название. Попка, конечно, была очень симпатичная, но я уже давно не обращаю внимания на каждую симпатичную попку, которую увижу — в большей части случаев вся симпатичность обрывается, если ее хозяйка обернется, а уж если начать разговор... Лучше оставить знакомства на улицах той самой толпе, которая сейчас тусила на площади.

Задумчиво разглядывая девушку, я все больше убеждался, что я ее знаю. Несколько характерных жестов, которыми она поправила волосы, общее впечатление... Но вспомнить я ее не мог. Может, кто-то из старых знакомых... или случайных, на какой-нибудь встрече... но тогда вряд бы я ее узнал вот так, издали и с такого ракурса. Да и ощущение знакомства было вовсе не «вроде где-то видел», а именно что «постоянно

общаемся, только вчера виделись».

И тут, видимо, почувствовав мой взгляд, девушка обернулась.

Нет, я ее никогда не видел раньше — ну, если и видел, то не запомнил. Внешность не европейская, или со значительной примесью азиатских генов, или наоборот — азиатская с большой примесью европейских. Смотрелось очень даже неплохо. Но — не знакомо.

Тем более удивительным было то, что девушка меня заметила, мило улыбнулась и помахала рукой — явно адресуя жест мне.

Конечно, я был не против знакомства — девушка мало того, что симпатичная, так еще и умная... Но откуда я это знаю?! И вообще — как она смогла обратить на меня внимание? «Паутина» работала исправно — судя по ближайшим прохожим, безразлично скользившим по мне взглядом, но она как-то меня заметила... и даже уже начала двигаться ко мне, ловко лавируя среди совершающих променад парочек и групп туристов.

Выражение «когнитивный диссонанс» получило свое воплощение в этой действительности в моем лице, здесь и сейчас.

Неожиданно для меня незнакомка, заметив что-то или кого-то в стороне, остановилась, смущенно улыбнулась в мою сторону и поменяла направление движения градусов на тридцать вправо. Я повернул голову — ей навстречу шел парень, явно довольный предстоящим свиданием. Обнявшись, они легко поцеловались и направились к ресторанному комплексу. Рука сама поднесла ко рту седьмую бутылку пива, и она залпом отправилась в желудок.

Парень, которого я тоже видел лишь со спины, также показался мне знакомым. Почему-то я был рад, что не видел его лица.

БАРМАГЛОТ 8

Дорога, узкая, петляющая полоса асфальта, проходила по степи, местами переходящей в болото. Куда ни глянь — везде трава или камыш. До города около 20 километров. До ближайших селений не меньше.

Там меня и застал дождь, дождяра, ливень, потоп... Покапав лениво минут пять, вода хлынула так, что собственный капот нельзя было разглядеть. Степь вместе с дорогой превратилась в море. Вода лилась сплошным потоком, и ориентироваться было можно лишь по редким столбам (добрую половину которых уже умудрились посбивать лихие водители). Большинство водителей, решив не спорить со стихией, съехало на обочину, даже не догадываясь, какой сюрприз они себе приготовили. Дело в том, что сразу за асфальтом начиналась рыхлая почва, засасывающая машины по самые ступицы, так что вернуться на проезжую часть эти ребята могли лишь с помощью трактора, найти который в такое время там было нелегко. Так что впереди у перестраховщиков была перспектива ночевки в степи.

Я сбросил скорость до 40, а потом и до 30 километров в час. Дорогу я скорее угадывал, чем ориентировался на местности. Я постоянно рисковал сойти с дистанции или въехать какому-нибудь осторожному мудиле, заглохшему посреди дороги, в зад.

Дорога стала окончательно безлюдной. Я не на шутку забеспокоился. По всем

подсчетом я давно уже должен был быть в городе, но вокруг была все та же степь. Заблудиться было невозможно. Если бы я съехал с дороги, я бы просто увяз, а перекрестков на ней не было до самого города.

И все-таки я умудрился заблудиться. Окончательно я это понял, когда уперся носом в массивные железные ворота, которые чуть было не протаранил. Вспомнив весь мат, который знал, я выключил двигатель. Развернуться я не смог бы при полном своем желании, да и куда ехать, если ты оказался там, где никак не мог оказаться. Я откинулся на спинку сиденья и стал ждать, когда закончится дождь.

Я проклинал себя всеми словами радуги, причем имел на это все права. Буквально за день до этого мне приснился сон, который в любой другой раз заставил бы меня держаться как можно дальше от руля даже в форс-мажорных обстоятельствах. Я всегда серьезно относился к предупреждающим снам, и это частенько отводило от меня беду.

Мне приснилась авария. Я ехал с друзьями на дачу. Дорога была знакомой, как собственный геморрой, поэтому скорость была чуть меньше 150 километров в час. Для «Девятки» с объемом двигателя 1300 это было вполне. Впереди, сразу за мостом, показались менты, которые, как обычно, создавали аварийную обстановку на месте кормежки. Не успел я притормозить, как у меня лопнули одновременно оба правых колеса. Машину понесло, как испуганную лошадь, причем прямо в скопление ментов и машин. Тормоза, как это часто бывает во сне, работать никак не хотели. Остановиться я смог только в самый последний момент, буквально за миллиметр до какой-то машины.

После такого сна мне бы сидеть дома, а не...

Стемнело. Дождь поутих, но заканчиваться не собирался. Вода сошла настолько, что стало видно проезжую часть. Пора было валить, тем более что, судя по всему, кроме меня здесь не было ни единого живого человека. Я вставил ключ в замок зажигания, повернул и... Машина не отреагировала никак. Даже втягивающее не щелкнуло. Видно куда-то попала вода.

Я вышел из машины и подошел к воротам. Было холодно и мокро. Одним словом, жопа. Ворота были старыми и ржавыми. Петли заржавели настолько, что их нельзя было бы, наверно, и повернуть. Скорее всего, ворота вообще не открывали в последнюю тысячу лет.

За воротами виднелся толи сарай, толи барак. Тоже весь древний и заброшенный. Я перелез через ворота. На территории не было никаких признаков жизни. Дорожка заросла травой. Сделав буквально пару шагов, я промочил ноги. Брюки и туфли стали мокрыми насквозь. Пока я добрался до сарая, трава щедро одарила меня колючками, так что я стал похожим на бродячего пса.

Дверь в сарай была не заперта, и следы человека внутри были. В один из них я тут же вляпался ногой.

Похоже, сарай был какой-то конторой. По крайней мере, внутри был длинный коридор с рядом дверей. Некоторые помещения были заперты. Другие же были либо открыты, либо взломаны еще в прошлом веке. В конце коридора была лестница вниз, в подвал. Дверь в подвал была приоткрыта, и сделал огромную глупость: вошел внутрь.

Подвал впечатлял. Он был значительно больше, чем барак. В подвале было чисто.

Горел свет. Где-то бубнили голоса. Обрадовавшись, я решил обратиться за помощью, но, сделав всего несколько шагов, я понял, куда меня занесло.

Судя по надписям на дверях, символике и сложенным вдоль стены упаковкам с листовками, я очутился в штабе какого-то народного фронта, в котором наверняка не любили незваных гостей. Поняв это, я испугался так, что вспотел. Надо было уносить ноги, пока меня никто не заметил. Ругая себя, на чем свет стоит, я, стараясь не шуметь, дал задний ход. У входа меня ждали трое с автоматами.

— Сдаюсь, — сказал я.

Один из них привычным движением сунул мне прикладом в лицо.

Я потерял сознание и...

... проснулся.

— Вот и все, — сказала медсестра. Можете забыть о своей аллергии.

Я сел и схватился за голову. Конечно, в такой ситуации пробуждение было выходом, но выходом КУДА??? Я перестал понимать, где находится граница между явью и сном.

— С вами все в порядке? — спросила меня медсестра.

— Совершенно, — ответил я, — приснилась какая-то хрень, а так все в порядке.

— Тогда можете быть свободны.

— Спасибо.

А правда, почему я еще не сошел с ума? Почему воспринимаю все, как надо. Что заставило меня тащиться в эту дыру? Одно мое «я» уверенно сходило с ума, другое наблюдало за этим процессом, глядя в двойной лорнет.

— Нравственные искания современного интеллигента, — громко сказал я себе, — или, лучше сказать, интеллигента-бля. Причем «бля» надо сделать обязательной частью этого термина, особенно если надо охарактеризовать массу расплодившихся интеллигентов в первом поколении. Сам я не был интеллигентом в первом поколении. Скорее, я был хамом, возвращенным на почву интеллигенции.

Возле больницы меня ждала Ли.

— Пойдем, я хочу тебя кое с кем познакомить, — выпалила она.

— С Езефом и Еной? — поинтересовался я. Если честно, меня немного задело ее равнодушие к моей персоне.

— Откуда ты их знаешь? — удивилась она.

— Я их не знаю.

Ли надулась.

— Я действительно их не знаю. Я вообще ни хрена не знаю, что здесь происходит, — вспыхнул я.

— Об этом они и хотели с тобой поговорить.

— Сначала я хочу как следует пожрать и принять ванную.

— Как хочешь, — обиделась Ли.

The lab 08

Знаете такое состояние, как «недопереспал»? Отсыпаешься после нескольких дней, когда спал половину обычного времени, а потом открываешь глаза где-то в середине сонного марафона — или от желания дойти до туалета, или замерзнув под сползшим одеялом... Главное то, что когда просыпаешься таким макаром, от сна еще не отрываешься. И они с явью мешаются весьма и весьма причудливо... Именно в таком состоянии Менделеев изобрел свою таблицу, а Кекуле додумался до структуры бензола.

Сволочь пушистая, брысь отсюда! Ну дай поспать, а? Ловить и засовывать в клетку — автоматом просыпаться, что вызывает явный когнитивный диссонанс; ничего не делать — не то что автоматом, пулеметом обозначает немедленное просыпание: мало кто может спать, когда по его лбу нагло барабанят лапой, почесывая свои бока.

«Угу, те же два удара в секунду, 120 герц, что и у всякой попсытины в телевизоре», — пронеслось в голове. Тут же, как будто поняв, что за такое можно и без десерта остаться, дробь лапой-по-лбу изменила свой характер на более быстрый, ритмичный, но рваный. Не доходя до импровизации джаза — знает, что я его не люблю! — а так, на уровне раннего Deer Purple... Впрочем, ранний Deer Purple быстрым отнюдь не был... Да и поздний... Заррраза! Все же разбудил!

Я аккуратно перевернулся на живот, стараясь вернуть сон, и хвостатый нахал спрыгнул на подушку, а затем, к моему облегчению, убежал по своим крысиным делам.

Но заснуть так и не удалось — раздался сигнал будильника. Вот чему я так и не смог научиться на за всю свою жизнь — так это просыпаться с утра, испытывая при этом удовольствие. Видимо, в роду у меня были вампиры — не люблю прямых солнечных лучей и предпочитаю бодрствовать ночью, а отсыпаться днем. Правда, мысли спать в гробу в голову как-то не приходило. Так вот, что касается утра. Если бы я не был всю жизнь атеистом, а был бы воспитан в какой-нибудь религиозной семье, то все равно разуверился бы в боге, как во всеблагое или как-его-еще-там: только законченный садист мог придумать утро, когда создавал мир. Это даже обсуждению не подлежит.

Тем не менее, надо было встать с лежбища и направиться в ванную чистить зубы.

В принципе, сегодня день был со щадящим режимом — надо было лишь написать небольшую статью на тему христианской религии (и завтра сдать Торквемаде), а где-то полдня можно было считать себя относительно свободным.

Здравая мысль! Можно поспать еще минут сто. Или двести...

Стены постепенно приближались. Или я приближался к ним — все зависит от точки отсчета. Узкая тропинка, виляя между камнями, шла в гору — ту гору, на которой стоял монастырь. Я знал, что будет далее — узкий подвесной мост над расщелиной, раскачивающийся от малейшего ветерка; камни, упавшие сверху на тропу, и так и оставшиеся лежать на ней — их можно было обойти, но иногда приходилось сталкивать вниз, в пропасть. Никаких особых препятствий на тропе не было — обычная высокогорная тропа. Мало кто по ней шел — лишь те, кого не устраивал этот мир и кто хотел уйти от него, пытаясь найти то, что больше соответствовало их сути...

Последний поворот вел к небольшой площадке перед воротами, более подходящими крепости, чем монастырю. Здесь надо было ждать. Это было известно всем; но никто не знал, чего именно — хотя и было понятно, что кто-то проходил за ворота, большинство претендентов возвращались обратно. Обычно они жили недолго и оставляли память о себе как о серийных убийцах, маньяках и подобной публике — ненависть к миру выжигала их изнутри, и они стремились выплеснуть ее наружу. Самые умные становились военачальниками — от капралов до гениальных полководцев, кровь сражений могла слегка остудить их... Но большинство не выходило за рамки обычного маньяка: десяток-другой расчлененных трупов; изредка — сотня или около того. Иногда — изнасилованных до или после, по вкусу. Ничего интересного, банальщина...

Я сел на землю и прислонился спиной к дереву. Где-то за спиной слышалось журчание ручья — это было странно, на такой высоте родников не бывает, но придавало уверенности — от жажды умереть было невозможно. С едой было хуже, но пару недель на запасах, взятых с собой, кое-как протянуть было можно...

Я сел ждать. Надолго.

Навсегда.

Утро. Нормальное утро называется «день в районе обеда», если кто не знал. Вот теперь можно включить комп, умыться, почистить зубы, покормить хвостатую компанию, побриться — приблизительно в таком порядке. Впрочем, работать явно не хотелось — а кому с утра хочется работать-то? Я лично никого из таких не знаю.

Так что логичнее было пойти погулять, а уже вечером написать Торквемаде заказанную статью. Утро вечера мудренее только в смысле «мудрено хоть что-то путное придумать». Пропуск наверх у меня уже был постоянный, так что я просто положил деньги в карман (не люблю бумажники) и отправился в направлении любимого выхода наверх в бар.

Пить с утра, правда, не хотелось. Всегда удивляли рассказы про похмелье — не знаю, что такое надо выпить, чтобы иметь подобное желание. «Мне две бутылки того, с нижней полки, только не называйте», — как говорилось в старом анекдоте. По собственному опыту знаю — пить можно сколько влезет (а вот когда не лезет — то надо делать паузу), и даже мешать что угодно, лишь бы напитки были качественными (закуска, впрочем, тоже).

Так что я лишь кивнул хозяину заведения, который приводил меня с вежливой улыбкой до выхода, и пошел... Нет, не «куда глаза глядят». Обычно человек идет именно туда, куда глаза глядят — вот только причинно-следственная зависимость явно обратная. Сами попробуйте смотреть в одну сторону, а идти — в другую.

Так что я просто отключил, насколько это возможно, ментальную сферу, и пошел наобум — позволяя вести себя даже не интуиции а какому-то более глубокому слою психики, у которого даже нет названия... Но идти «совсем в никуда» — невозможно, даже для медитации требуется определенный объект. Улыбнувшись сам себе, я выбрал тот объект, который показался мне таким знакомым на прошлой неделе на площади — а, собственно, почему бы и нет?

У городка, как и у каждого курортного, было одно достоинство и два недостатка. Любое курортное место было само по себе красиво — обычно как природой, так и старой

архитектурой «исторической части» города. Но эта красота неизбежно загаживается рекламой ресторанчиков и магазинчиков, и окончательно портится толпой отдыхающих. Постепенно пробираясь через фланирующую толпу, я забрел в район города, где раньше мне бывать не доводилось. По сравнению с остальными он производил куда более приятное впечатление. Расположенный на склоне, он как бы поднимался в гору — и тротуары часто состояли из ступенек, выложенных камнем, при этом — очень старым. Здания по бокам узких улочек были магазинами и другими развлекательными заведениями (а вы что, не считаете, что «shopping» — это развлечение?), обманываться не стоило. Но в отличие от кричащих вывесок в центре, этот район отличался сдержанностью. Да и прохожих было несколько меньше — а те, которые были, казались целеустремленными — они шли по своим делам, но не совершали бесцельный променад, чтобы лишь «подышать воздухом».

Иногда вывески привлекали внимание — скажем, таверна под названием «Шестижопый кусака» явно заслуживала посещения, вне зависимости от того, кто был обозначен на вывеске — главное блюдо или же хозяин заведения. Лавка «Магические причиндалы — настоящие и нет» также вызывала интерес. Хотя бы тем, что хозяева подобных заведений никогда не упоминали о том, что магия может оказаться и не настоящей...

Но медитация продолжалась, ноги вели дальше, и оба адреса были отложены на потом. Сейчас же вокруг не было ничего интересного, переулок явно оканчивался тупиком, и я уже было развернулся обратно, когда меня отчетливо потянуло вбок. Повернувшись, я заметил дверь — явно черного хода, очень давно не открывавшуюся, что было легко видно по заросшему бурьяном порогу, но при этом с отполированной до блеска бронзовой ручкой.

Было бы странно, если бы кто-то полировал металлический шарик, при этом обходя вокруг переулками, чтобы не потревожить траву по эту сторону двери. И, самое что интересно, мне не хотелось его трогать. Вот не хотелось — и все тут. В то же самое время я отчетливо понимал неестественность такой позиции — как раз первым побуждением любого любопытствующего было бы потрогать ручку.

Поразмыслив над проблемой и придя к выводу, что, раз уж не хочется, то и не очень-то и хотелось, я прикинул расположение здания и повернул обратно, чтобы обойти его с другой стороны. Сделать это было не трудно — один поворот направо, один квартал вверх, и поворот налево. Здание занимало почти весь квартал, вывеска была видна издали: «BARMAGLOT». Ниже было написано что-то еще мелким шрифтом. Подойдя ближе, я увидел список услуг — от «классического массажа» до «прекрасных обнаженных предсказательниц Вашей судьбы».

Я протянул руку к двери, но она распахнулась сама, и в меня буквально впечаталась невысокая фигурка, при всей своей хрупкости чуть не сбив меня с ног. Пробормотав что-то краткое, неразборчивое и при этом явно раздраженным тоном, девушка бегом скрылась за углом. Из всего сказанного удалось разобрать лишь «Ка...» — явное начало фразы «Какого черта?» или подобной.

— Интересно, строит ли заходить в заведение, из которого убегают клиенты? —

подумал я, но все же потянул ручку двери на себя.

За дверью был небольшой холл, оформленный в стиле диваны/ковры/гобелены, а также стойка бара с девушкой за ней. Эта вроде бы на меня кидаться не собиралась, и я пошел к ней — медитацию мне все равно прервали, и вероятность наткнуться на объект, и так не слишком большая, свелась к нулю. Можно было спокойно выпить бокал-другой, а, может, и заказать что-то еще.

БАРМАГЛОТ 9

Езефа и Ену мы нашли в открытом китайском кафе в Центральном парке недалеко от Раксиса.

— Мы уже заказали красный чай и сливы в собственном соку, — сказала Ена, когда мы с Ли сели за их стол, — надеюсь, вы не против? — она очаровательно улыбнулась.

— Это не имеет значения, — ответил я и пристально посмотрел на Езефа.

— Ждешь объяснений? — спросил он.

Я хотел уже, было, съязвить по поводу его догадливости, но передумал. Пока что у меня не было никаких оснований для того, чтобы показывать свое «фи» этим людям.

— Надеюсь, у тебя они есть? — ответил я вопросом на вопрос.

— К сожалению, здесь нет, и не может быть объяснений. Вернее, их масса, да, думаю, ты уже их достаточно наслушался, чтобы вообще перестать что-либо понимать.

— Ты чертовки прав, — согласился я с ним.

— Но мы можем показать тебе то, что в какой-то степени прольет свет на ... ЭТО. Но для этого надо будет совершить небольшой спелеологический поход.

— Я никогда не был в пещере. Даже на экскурсии, — предупредил я.

— Это не страшно. Там, в принципе, нет ничего сложного. Экипировка у нас в карете, так что мы можем сразу же после чая отправиться в путь.

— Я тоже поеду, — решительно заявила Ли, немного недовольная тем, что вся предыдущая часть разговора практически обошла ее стороной.

— У нас только три костюма, — отреагировал на ее слова Езеф.

— Мы можем заехать за моим запасным, — предложила Ена.

Принесли еду. До этого момента я ни разу не пил розовый чай. Думаю, меня можно отнести к любителям хорошего, обязательно крепкого чая. Но если к зеленому или желтому чаю мне пришлось немного привыкать, то красный покорила меня с первого глотка. Бесплезно описывать его мягкий, душистый вкус. Могу только настоятельно порекомендовать попробовать. Сливы тоже оказались более чем превосходными. Они были размером с две крупных черешни. Кожица с них была снята, а мякоть имела слегка розовый цвет. По вкусу они больше походили на необыкновенно ароматные персики... В общем, я пришел в полный восторг. Единственным недостатком слив было то, что они быстро закончились.

Расплатившись, мы сели в припаркованный недалеко от кафе закрытый экипаж. Сиденья были устроены так, что мы сидели друг напротив друга: Езеф с Еной и мы с Ли. С кучером меня не стали знакомить. Всю дорогу, глядя на моих новых старых друзей, я не

мог отделаться от мысли о том, что эта парочка совершенно не смотрится вместе.

Карета остановилась у подножия небольшого холма в безлюдной части острова. Там находился вход в пещеру. Когда-то давно он был наглухо забит досками. Но время и люди вроде Езефа сделали свое дело, и теперь доски, скорее, играли роль декорации, чем защиты от особо любознательных туристов.

— Забыл сказать, я высоты боюсь, — предупредил я на всякий случай.

— Высоты не будет, — заверил меня Езеф, — пройдемся немного по пыльному коридору, и все.

— Тогда зачем снаряжение?

— Пещеры — это такая хрень, с которой нельзя шутить.

Его ответ показался мне более чем весомым.

Экипировка состояла из комбинезонов, ботинок, касок с фонариками, наколенников, налокотников (не знаю, как они правильно называются), нескольких мотков веревки и страховочных поясов.

— Никаких часов, — предупредил Езеф, — там этого нельзя.

Он привязал один конец веревки к специально для этого вмонтированному у входа кольцу, пристегнувшись к ней, он пошел вглубь пещеры.

— Теперь ты, — сказала мне Ена.

За мной шла Ли, а Ена замыкала шествие.

Пещера, а я раньше никогда не был в пещере, была действительно похожа на нуждающийся в ремонте коридор, который давно никто не проветривал. Что еще можно о ней сказать? Размер пещеры вполне позволял идти хотя бы по двое, но чтобы не запутаться в страховочных ремнях, мы шли в колонну по одному. Поэтому шли молча.

Ли громко рассмеялась.

— Что с тобой? — спросил Езеф.

— Я вдруг вспомнила, что так в Сибири ходят срать в пургу.

— В Сибири так ходят не только срать, — поддержала ее Ена.

— А моя мама мечтала поехать на Крайний Север. Как я счастлив, что ее мечта не сбылась! — вспомнил я.

— С мечтами всегда так, — философски заметил Езеф.

После этого диалога мы вновь замолчали.

Вскоре, или не вскоре, — в пещере я полностью потерял чувство времени, — коридор начал петлять и разделяться на множество совершенно одинаковых на вид коридоров. Возможно, если бы не веревка, ставшая нашей путеводной нитью, мы бы так никогда и не смогли бы выбраться наружу. Хотя, с другой стороны, раз Езеф без всякой веревки и видимых опознавательных знаков находит дорогу ТУДА, вполне можно предположить, что он нашел бы и дорогу обратно.

— Осторожно! — предупредил Езеф, — опускаемся на четыре точки.

Коридор как-то сразу стал настолько низким и узким, что по нему можно было передвигаться только на четвереньках. К тому же его дно было покрыто зловонной и ужасно скользкой жижей. Воняло так, что меня чуть не стошнило.

— Это все фигня, — обрадовала Ена, — дальше вообще придется ползти.

Я хотел поблагодарить ее за поддержание оптимистичного настроения, как вдруг понял, что заперт в каменном гробу. Я был совершенно один в каменном пространстве, в котором мог только лежать или стоять на четвереньках. При всем желании я не мог даже повернуться на 180 градусов. Впереди меня ждала страшная смерть от удушья! Меня накрыла волна панического ужаса. Не знаю, выл я, кричал, или просто молча сходил с ума... В той ситуации мне было не до саморефлексии.

Спустя мгновение или вечность, я понял, что я далеко не один. К огромному сожалению, не один. Я чувствовал, как сквозь камень ко мне приближается жуткое аморфное существо, которому я был отдан на растерзание. Меня бросили в его каменную паутину, как муху, бросили те, кому я доверился, как последний дурак. И если Езеф с Еной были для меня совершенно чужими, то Ли... С другой стороны, если все они члены одного жуткого культа этой самой твари, то я для них с самого начала был не более чем кормом для паучка, а все эти дружбы и любовь существовали только в моем наивном воображении. Конечно, рассуждать подобным образом я стал уже после, вспоминая в домашней обстановке, за компьютером, чтобы написать этот текст. Тогда же...

Тогда же, слетев с катушек, я принялся метаться в своем гробу. Я готов был раскрыть себе голову о камни, когда днище моего гроба провалилось, и я рухнул в абсолютное ничто, похожее на клейкий кисель.

— Мы рады приветствовать вас на борту фортунлайнера компании «Бармаглот», совершающий рейс в вечность, — услышал я приятный голос стюардессы, — Пожалуйста, пристегните ремни и приготовьте на проверку билеты.

— У меня нет билета! — завопил я, мечтая лишь о том, чтобы этот кошмар когда-нибудь закончился.

— Вы можете оформить билет прямо на борту, — предложила мне стюардесса.

— Боюсь, что я не готов к полету, — заикаясь, ответил я, — я не готов лететь в вечность!

— Вы уверены? Мы не знаем, когда будет следующий рейс, и будет ли он вообще.

— Это не важно! Я хочу сойти!

— Должна предупредить, что вы будете страшно жалеть.

— Выпустите меня!

— Как скажете, — укоризненно сказала стюардесса.

Я медленно приходил в себя, и первым, что прорвалось сквозь полог забытья, была нестерпимая головная боль. Голова болела так, что я не хотел открывать глаза. Я лежал на спине на чем-то не очень мягком, но и не твердом. Под головой была низкая подушка. Руки и ноги были привязаны к ложу. Вслед за ощущениями тела появилось обоняние. Пахло лекарствами и чем-то еще, характерным исключительно для больниц. Медленно, чтобы не вызвать усиление боли, я открыл глаза.

В кресле возле меня сидела симпатичная медсестра.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, заметив мое пробуждение.

— Как штаны с преподвыподвертом, — ответил я.

Она достала из кармана мобильник.

— Идите, — сказала она в трубку.

В палату вошел человек в костюме спецарента Смита (просьба никак не связывать это имя с «Матрицей»).

— Привет, — произнес он тоном страхового агента, — как самочувствие?

— Еще не знаю.

— У меня к тебе пара вопросов. Сможешь ответить?

— Попробую.

— Как ты оказался на птицефабрике?

— Хотел бы я сам это знать, — совершенно честно признался я.

— Что там с тобой произошло?

Я подробно рассказал все, что помнил о встрече с Чип-и-Дейлами.

— Ты ничего не пил там? Не ел?

— Нет, а что?

— Тебя накачали странным токсином, и мы хотели бы знать, кто это сделал, где и зачем.

— Это опасно?

— Уже не смертельно.

— Спасибо за откровенность.

— Еще что-нибудь можешь рассказать?

— Возможно, чуть позже. Сейчас дико болит голова.

— Ладно, отдыхай.

— Сильно болит? — спросила медсестра, когда Смит вышел из палаты.

— Жуть.

— Подожди, сейчас сделаю укольчик.

Только наблюдая за медсестрой, я заметил, что в моей руке торчит игла, подключенная к капельнице.

— Сейчас все пройдет, — сказала она, вводя лекарство в пластиковую трубку капельницы.

Минуты через две мои веки отяжелели, и я провалился в приятное забытие.

Проснувшись в следующий раз, я чувствовал себя намного лучше.

Все та же симпатичная медсестра пригласила доктора. Несмотря на то, что я никогда раньше его не видел, я знал, что мы давно и очень хорошо знаем друг друга, и что за глаза я называл его Экспериментатор Хренов или Доктор Хренов. Его литературно-киношное прозвище я не любил.

— Отсоедини его, — сказал он медсестре, внимательно меня осмотрев.

Она аккуратно вынула из вены иглу, убрала из носа трубки, и вынула катетер из члена. Совершенно паскудная процедура, должен сказать.

— Встань, — попросил меня доктор.

Я медленно поднялся с кровати. Ноги были ватные и как не мои. Голова немного кружилась. Меня подташнивало, но в остальном я был в порядке.

— Идти сможешь?

— Только недалеко.

— Тогда одевайся и иди к себе. Теперь тебе нужно как следует отоспаться.

Выйдя из палаты, я прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Сначала головная боль, а потом и лекарства помогли мне сохранять остатки рассудка, который норовил окончательно меня покинуть, да и какой рассудок справился бы с тем что:

1. Я обладаю частичной памятью совершенно чужого мне человека, который тоже является мной.

2. Я нахожусь в совершенно незнакомом месте, которое должен знать, как свои пять пальцев.

3. Я не совсем я.

4. Полная жопа...

Интуиция подсказывала, что надо идти налево, и я решил с ней не спорить. Все равно мне нечего было ей противопоставить. Пройдя какое-то расстояние по коридору, я уперся в лифт. Что ж, начало было неплохим. В кабинке лифта я столкнулся с более сложным тестом на интеллект. Мало того, что мне нужно было правильно выбрать этаж, мне еще надо было набрать правильный код своего этажа. Закрыв глаза, я положил руку на панель управления. Минуты через две она произвольно нажала на несколько кнопок. Лифт плавно тронулся вниз.

Минут через пять я с горем пополам вошел в «свою» комнату. Там возле кровати стояла клетка с крысами.

— Привет, — сказал я, радуясь в душе, что «я № 2» держу крыс, а не питбуля или какого-нибудь крокодила.

«Интересно, чем я еще занимаюсь в это крысятнике?» — подумал я. На самом же деле надо было думать, как из него выбраться до того, как они разберутся, с кем имеют дело. Если, конечно, они сами не устроили нам эту подмену. Покормив и налив воды крысам, — животные стоят того, чтобы иногда им помогать, даже если к тебе они имеют совершенно косвенное отношение, — я рухнул в постель.

В голове вертелась целая куча вопросов, но стоило мне коснуться головой подушки, как я начал проваливаться в какой-то аморфный сон.

На самой границе сна меня ждали воспоминания.

Я вновь был на той самой проклятой птицефабрике. За столом напротив сидели Чип и Дейл. Именно ради встречи с этими людьми я и отправился пешком в эту даль. Они больше не кривлялись, как два идиота, да и пыль вела себя с ними вполне привычным способом.

Нелепость ситуации служит ключом для дальнейшего ее перепонимания. Другими словами, когда в вашу голову поверх реальных воспоминаний засовывают ложные, причем такие, которые в свое время должны стать осознанными, их упаковывают в некую оболочку абсурда.

— Вы уверены, что готовы к выполнению операции? — спросил Чип, внимательно посмотрев мне в глаза. В управлении он считался королем зануд.

— Лучше, чем когда-либо, — ответил я, понимая, что мои слова ничего не значат. Он определял готовность агента каким-то внутренним чутьем.

— Хочешь чего-нибудь, пока мы настроим оборудование? — поинтересовался Дейл. Он занимался настройкой компьютера.

Стандартный вопрос. Обычно на него принято отвечать «нет». А что если ответить «да»?

- Я бы выпил чего-нибудь, — с простодушной улыбкой на лице ответил я.
- Нельзя. Алкоголь очень плохо сочетается с Лиммом 23, — ответил Чип.
- Дайте тогда сигарету, что ли.
- Это тоже не желательно.
- Блядь! — выругался я от всей души.
- А вот этого у нас просто нет, — скорее грустно, чем сочувственно произнес Чип.
- Готово, — сказал Дейл, приладив к своему ноутбуку цереброшлем.

Посмотрев на часы, Чип достал из кармана конвалюту с одной единственной пилюлей. Я поморщился. Терпеть не могу психохимическое метапрограммирование. Тем более что его запустили в дело, толком ни на ком не испытав.

- Постарайся думать о чем-нибудь нейтральном, — порекомендовал Дэйл.
- Что ты посоветуешь?
- Стихи.
- Стихи? Какие стихи?
- Любые. Читай погромче вслух.

— Чего не сделаешь ради работы, — пробурчал я, — после чего принялся орать, как потерпевший:

— И вывихнуто плечико у бедного кузнечика / Кузнечик у без плечика и хуя не поднять...

Других стихов я к сожалению, или к счастью, не знаю.

— Обратный отчет, — сказал Дэйл.

Я замолчал и приготовился к худшему.

— Десять, девять, восемь... — начал считать Чип, — ноль.

Дэйл нажал кнопку, и в мое сознание полилась информация...

— Все, — сказал Чип, снимая с меня цереброшлем, — счастливо оставаться.

Собрав манатки, они сели в поджидающую их карету. Мне же после этой экзекуции предстояло идти пешком. До бара, в котором был вход на базу, я добрался уже ночью, причем совершенно на автопилоте. В моей голове был бред о двух придурках на птицефабрике и сне. Это на случай, если от меня хотели услышать правду. Другой правды тогда я все равно бы не рассказал.

После воспоминаний струей нашатыря в мозг ударила инструкция. Она была заложена не столько в сознание, сколько в рефлекс. Поэтому я сам не знал, что буду делать в следующее мгновение. Одевшись, я вышел из комнаты и спокойно пошел в сторону лифта. Оказавшись в кабине, я набрал какой-то невообразимый код. Панель управления повернулась вокруг своей оси, предоставив мне клавиатуру с нанесенными на клавиши иероглифами. Я набрал нужный код, и кабинка поехала вниз.

Добравшись до самого нижнего этажа, она открылась с обратной стороны. Передо мной был короткий коридор, заканчивающийся тупиком. Освещался он одной тусклой лампочкой. Скосив по-кастанедовски глаза, я обнаружил несколько более темных кирпичей. Надо было идти только по ним. Один неосторожный шаг, и я навсегда останусь

замурованным в этой конуре. Идти было не столь трудно, сколько страшно, и вскоре я все же добрался до дальней стены, в которую упирался коридор. При моем приближении она испарилась или просто растворилась в воздухе. Дальше был пульт управления. Огромный круглый зал, о существовании которого знало только два человека на всей базе. Одним из них был я. Посреди зала стоял стол, уставленный странного вида компьютерами. Но это была ловушка. Единственным языком, которым можно было здесь пользоваться, был язык танца. Зная об этом, мое тело принялось отплясывать танец самоликвидации.

Танцуя, я впал в своеобразное состояние, известное многим из тех, кто длительное время занимается аутогенной тренировкой или медитацией в смысле дхиана, дзен или чань. Мое тело распалось на множество фотонов, которые бросились врассыпную со скоростью света. Вслед за телом исчезли мысли и чувства. На какое-то длящееся вечность мгновение я превратился в свободное от всех иллюзий и условностей бытие.

Танец закончился, и вместе с ним должен был закончиться я, но вместо взрыва я увидел вспыхнувший в зале свет. Голографические декорации исчезли в мгновение ока. Я был на сцене, и публика, не более 10 человек, аплодировала мне стоя. Никогда бы не поверил, что аплодисменты могут выражать столько самодовольного пренебрежения. Между мной и публикой были вооруженные короткими автоматами люди.

— Bravo, господин Ка, — сказал человек в дорогом черном костюме, — вы прекрасно справились с заданием. Даже лучше, чем мы ожидали. Bravo!

Сказав это, он дал отмашку рукой. Прогремел выстрел, но вместо пули в меня вонзился дротик-шприц с быстродействующим отрубающим веществом. Буквально через секунду я провалился в глубокое забытие.

Сначала там не было ничего, но потом появился злой, рассерженный голос:

— Убирайся, — говорил он, и каждое слово заставляло вибрировать все то, что было ТАМ мной, — ты не должен, не можешь здесь находиться. ЛАБА для тебя недоступна. Уходи. Ты вообще не можешь здесь находиться!!!

Хозяин голоса был чертовски недоволен моим появлением в его вотчине. По крайней мере, так это понимал я. Скорее всего, слова, уж больно они были нелепы, генерировало само мое сознание, попавшее на чью-то недружелюбную волну.

Чтобы как-то отделаться от своего «собеседника», я пришел в себя. Даже не знаю, как у меня это вышло. Я был привязан к кровати, которая стояла в абсолютно белом кубическом помещении с длинной стороны 3 метра. Напротив кровати была белая дверь с белой дверной ручкой.

И тут я увидел Бармаглота. Он сидел у меня на кровати. На этот раз он принял обличие тумбочки с дредами. Во рту у него был здоровенный косяк, а в ушах наушники. Бармаглот слушал Боба Марли на предельной громкости, что совершенно не мешало ему беседовать со мной.

— Это все, конечно, здорово, — сказал он, обдав меня приятным дымом хорошей травы, — но все это хуйня. Можешь мне поверить.

Я поверил. Поняв это, он сунул мне в рот свой косяк.

— Затянись как следует, — сказал Бармаглот.

Меня не потребовалось уговаривать. Я полной грудью втянул в себя дым вперемешку с воздухом (чистый дым мог вызвать приступ кашля). Вместе с кайфом ко мне пришло понимание:

РЕАЛЬНОСТИ НЕТ, ВСЕ ЕСТЬ ВЕРСИИ. Я волен принять любую из них, все, или ни одной. В последнем случае я или свихнусь, или стану каким-нибудь Буддой, или превращусь в хрен знает кого. Или все это одновременно.

Очнулся я совершенно голым на кафельном полу. С потолка и стен били струи приятно горячей воды.

The lab 09

Жутко болела голова. Я попытался разлепить глаза, это получилось лишь на четверть — правый глаз с трудом открылся наполовину. Вокруг было темно. Темно и пыльно — чувствовалось по запаху. Почему-то с детства у меня при плохом самочувствии всегда чувствовался запах пыли — причем не какой-то определенной, ведь пыль бывает разная, а именно обобщенный. Весь мир начинал пахнуть пылью — а диван, на котором приходилось лежать во время болезни, казался большим пыльным барханом, для приличия прикрытым матрасом. В легких першила пыль, она же вызывала насморк...

Ага, второй глаз наконец-то раскрылся. Боль локализовалась в затылке и стала пульсирующей. Тело наконец-то начало чувствоваться целиком — я лежал на спине, под головой было что-то подложено. Очень медленно я проверил работу мышц, сокращая их по очереди — все было в порядке, но любое напряжение отдавалось в затылке очередной пульсацией боли. Попытка привстать удалась без особого труда. Я осторожно ощупал затылок — кровь не текла, но шишка была не просто большой, а, можно сказать, выдающейся. Пошарив руками вокруг, я определил, что сижу предположительно на дощатом полу, а под головой у меня было что-то вроде стопки газет.

Последнее, что я помнил из вчерашнего вечера, это — звездное небо. Кажется, все было банально — посидев в весьма приличном многопрофильном заведении, при этом, что приятно, не забитым посетителями (думаю, объяснялось это как удаленностью от центра, так и ценами), я отправился на базу. Пешком и в темноте — это и было ошибкой. В Лабе все знакомые со смеху помрут, если узнают, что я подскользнулся и упал — видимо, на какой-нибудь банановой корке. Удар затылком о булыжную мостовую даже запомнился — звезд на небе вверху вдруг стало много-много, а потом они погасли.

Однако обстановка никак не была похожа ни на больницу, ни на частный дом... Ситуация из дурацких анекдотов про алкашей: «Где это я?». Радует, что хотя бы вопроса «Кто я?» не возникает...

Поскольку с освещенностью ситуация не изменилась, я прислушался. И не зря — откуда-то доносились два приглушенных голоса. Привстав, я тут же увидел несколько тусклых полосок света — оказывается, я лежал за чем-то вроде стола, и метрах в трех прорисовывался силуэт дощатой двери. Если смотреть не прямо перед собой, а боковым зрением, то кое-что можно было даже разглядеть — а именно то, что между мной и дверью ничего, кроме стола, не было. Осторожно, боясь скрипнуть половицами, я обошел

стол и приблизился к выходу. Щели были знатные — помещение, где я себя обнаружил, было явно чем-то вроде старого деревянного сарая, который делался без каких-либо претензий на герметичность. По ту сторону двери была небольшая комната, которую явно использовали как склад всяких сельскохозяйственных инструментов. В углу были свалены с десятков вил и лопат, рядом с ними приткнулись россыпью плетеные корзины. Гораздо интереснее выглядел центр комнаты: покосившийся стол, за которым сидели два типа, которые выглядели персонажами плохого гангстерского боевика. Строгие прически, черные костюмы, нарочито прямая спина. Я прислушался.

— Дальнейшую обработку объекта поручаю Вам, агент Алекс.

— Не возражаю, агент Бон, но рассчитываю на вашу помощь.

— Разумеется, агент, разумеется, — и тут же, без какой-либо паузы, — Объект, войдите, пожалуйста.

Я застыл в ожидании — очень вероятно, что разговор будет если не полезен, то интересен.

— Войдите, пожалуйста, — повторил один из сидящих — видимо, агент Алекс.

— Там же темно и пыльно, — добавил предположительно Бон, — идите к нам.

Оба агента слегка повернулись в мою сторону и направили свои темные очки в дверь. Да, спереди они тоже выглядели как образцовые агенты ФБР из фильма категории «Бэ с минусом за режиссуру». Стоять за дверью было как-то глупо, и я вошел в комнату.

— Здравствуйте, — произнес один из агентов.

— Здравствуйте, — эхом повторил второй. Я не смог отличить, кто из них говорил первым, а кто — вторым. «Мое второе имя — вежливость и благожелательность», — пронеслось в голове.

— Садитесь, почувствуйте себя как в сарае.

— Глупо было бы говорить «как дома», вы ведь живете не в сарае, в котором мы сейчас находимся.

— Тем не менее, сарай — весьма конспиративное место.

— Очень конспиративное.

— Несколько пыльное, но нам это не мешает.

— Никоим образом.

— Садитесь, пожалуйста, — закончил обмен репликами один из близнецов и указал на покосившуюся тумбочку, стоящую возле стола. Сами они сидели на двух стульях, у одного из которых не хватало половины спинки, у другого — ножки. Тем не менее оба Чип-и-Дейла — буду называть их так для удобства, так как отличить друг от друга я их не мог, несмотря на то, что внешне они все же отличались — сидели ровно, как по линейке. Которую либо проглотили, либо вставили с другого конца пищеварительной системы. При этом на них не было ни пылинки, в отличие от всего остального в комнате, включая меня.

— Алекс, будьте так любезны, принесите документы нашего друга, — обратился они Чип-и-Дейл к другому.

Второй Чип-и-Дейл аккуратно, можно сказать — изящно, встал и направился к двери, из-за которой я появился несколько минут назад. Автоматически я отметил, что и сзади его костюм, включая брюки, был отглажен и чист. Стул, на котором он сидел, был

запылен — кроме сиденья.

— Давайте рассмотрим Вашу документацию, — произнес вернувшийся Чип-и-Дейл и разместил на столе подшивку каких-то газет явно бульварного вида — пестрых и с кричащими заголовками. На верхнем листе было видно три: «Педофилия в хосписе», «Гигантский хомяк пожрал усё» (именно «усё» — видимо, это была цитата из репортажа) и «Ученые заявляют: санскрит происходит от идиш».

— Но...

— Не отпирайтесь от очевидного. Это — именно ваша документация, ведь вы ее положили себе под голову. Вот видите пятна? Мы легко можем провести анализ вашей крови, и доказать идентичность. Так что советую во всем признаться сразу. Мы всегда готовы к сотрудничеству, а к Вам лично не имеем никаких претензий — вы ведь пока еще не успели предпринять никаких враждебных действий, так что наш разговор — это просто дружеская беседа...

— Очень и очень дружеская, — перебил монолог второй Чип-и-Дейл. Хотелось бы сказать «с угрожающей интонацией», но нет — тон его реплики был действительно дружелюбным, без ухода за грань фальши.

— Вот, например, скажите, что вы думаете по поводу вот этого, — Чип-и-Дейл открыл стопку не глядя и ткнул пальцем в какую-то статью. Заголовок гласил: «Метеоризм высшего “Я” как версия Тунгусского метеорита». На статье стоял жирный фиолетовый штамп, оттиснутый кокетливо наискосок: «Проверено. Смысла нет», а рядом — резолюция «Действительно хуйня» и витиеватая подпись.

— Я этого не писал.

— Конечно-конечно, — хором заверили меня Чип-и-Дейлы, и снова заговорили по одному:

— Так что скажете?

— Ничего. Я же это даже не читал!

— А читать и не обязательно, — возразил Чип-и-Дейл.

— Прочитать каждый может, — эхом отозвался Чип-и-Дейл, — Если, конечно, читать умеет.

— А читать умеют сейчас даже неграмотные.

— К сожалению.

— И писать тоже.

— С удовольствием бы поучаствовал в операции по нейтрализации таковых.

— Не отвлекайтесь, Алекс.

— Прошу извинить меня, Бон. Увлёкся.

— Агенту не положено увлекаться. Агент должен выполнять задания полностью, в срок и быть готовым в любое время.

— Сэр, так точно, сэр!

— Так что вы скажете по поводу статьи? — я только через несколько секунд понял, что обращение идет уже ко мне и что на меня, ожидая ответа, внимательно смотрят две пары непроницаемо-черных очков.

— Ну... Судя по заголовку, какая-то бессмыслица, — осторожно начал я.

— Вот! Я правильно поставил штамп! Я говорил! — восторженный вопль Чип-и-Дейла заставил меня слегка подпрыгнуть — настолько это отличалось от прежнего тихого разговора.

Второй агент ощутимо стушевался и тихо спросил:

— Извините, а, может быть, эта статья в какой-то степени, я не буду настаивать на абсолютизме, но все же хуйня? Вы не торопитесь ответить, подумайте...

— Конечно, и хуйня тоже, — с легкостью согласился я, — О чем разговор?

Второй Чип-и-Дейл расцвел как бутон при ускоренном воспроизведении съемки и бросился обнимать первого. Минуты три раздавались лишь звучные шлепки по спинам и радостные возгласы «Хуйня!» и «А нету смысла, я же говорил!». После завершения сцены Чип-и-Дейлы хором посерьезнели и не спеша уселись на свои прежние места.

— Мы рады, что вы разделяете наши интересы.

— И ценности.

— И что наши общие с вами ценности отличаются от общечеловеческих.

— Общечеловеческие как раз описаны в этой документации.

— Тем не менее, для разговора о дальнейшем сотрудничестве надо обсудить другой аспект вашего восприятия действительности. Нас весьма интересует ваше поведение во сне — хотя и в этом состоянии вы не разделяете ценностей наших недругов, тем не менее то, что Вы смотрите, вызывает у нас обеспокоенность, как минимум — до тех пор, пока мы не выясним все обстоятельства дела.

— Вот, ознакомьтесь с содержанием вашего сна, — Чип-и-Дейл достал из-за пазухи пластиковую папку, — в качестве доказательства того, что мы вам доверяем.

— И все про вас знаем, — уточнил второй Чип-и-Дейл.

— А можем узнать еще больше.

— Если нам это потребуется.

— А нам это может потребоваться.

Чип-и-Дейлы о чем-то разговаривали, но, хотя и пытался их слушать, голоса отдалялись и становились неразборчивее, а папка на столе занимала все внимание.

Внутри оказалась обычная распечатка на принтере.

— Твоя ненависть уже созрела?

Я молчал.

Две недели назад я задавал вопросы выходящим монахам. Они не отвечали. Неделю назад я кидался на них, пытаюсь заставить ответить. Одним, максимум двумя ударами они отправляли меня отдохнуть — иногда я терял сознание от боли, иногда — меня парализовывало, иногда — просто приходил в себя под кустом.

— Если считаешь, что да — иди за мной.

Монах повернулся спиной и не спеша отправился к воротам монастыря. Я медленно встал...

Тут я прервался.

— Не знаю, о чем вы оба, но этого сна я не помню. Конечно, я его мог видеть и не

запомнить...

— Ну как Вам не стыдно, — ласково перебил меня Чип-и-Дейл, — мы же так хорошо наладили контакт.

— А Вы обманываете нас в такой мелочи, — поддержал второй.

— Ну вот сами подумайте, откуда бы мы взяли эту папку, если бы вы не видели этот сон?

— В самом деле, откуда? — Чип-и-Дейл с сожалением покачал головой, — Ну Вы прямо как ребенок: не я вазу разбил, а кошка... Не я сон видел, а...

— Ну вот, положи руку на сердце, ответьте: кто, кроме Вас, мог этот сон видеть-то? — улыбка на лице Чип-и-Дейла расширилась, почти достигнув ушей по бокам и очков сверху.

— Ну не я же, — улыбнулся другой Чип-и-Дейл очень искренне.

— Ну не он же, — подтвердил первый.

Мне даже стало стыдно. От их голосов веяло такой убедительностью в смеси с иронией, что становилось понятно — ну мой же сон, мой... Кто еще такое смотреть-то будет?

— Господа, я действительно видел сон про монастырь, — осторожно начал я, — но он закончился как раз тем, что я сел ждать перед воротами.

Чип-и-Дейлы переглянулись.

— Как раз вчера видел, когда решил вздремнуть утром еще немного... — начал было я пояснять, как Чип-и-Дейл выхватил у меня папку и вперился в нее взглядом.

— Алекс, — зловещим шепотом начал Чип-и-Дейл, — будьте так любезны, если Вас, агент, не затруднит, посмотрите, очень вас прошу, агент, на эту вот цифру, входящую в число, обозначающую дату документа. Агент. — Последнее слово было произнесено так, что его хотелось отнести в Палату Мер и Весов как эталон сарказма и поместить в хранилище рядом с эталонным негром, бегающим стометровку ровно за десять секунд.

Другой Чип-и-Дейл, он же Алекс, взял в руки папку и побледнел. Даже очки стали не черными, а какими-то темно-серыми.

— Встать, агент, — мертвенным голосом произнес Чип-и-Дейл, который Бон, — кругом. К двери — шагом марш.

Как-то сразу ставший запыленным агент четко исполнил приказы, и, сделав первый шаг, тут же получил от коллеги мощнейший пендель, от которого резко ускорился и в мгновение ока скрылся за дверью. Оставшийся Чип-и-Дейл медленно повернулся ко мне.

— Я приношу извинения, — начал он прежним тихим голосом, — по вине моего коллеги произошла накладка. Сон, описанный в папке, вы увидите только сегодня ночью. Это автоматически обозначает преждевременность нашего разговора. Позвольте вас заверить в совершеннейшем к Вам почтении и в том, что виновный понесет заслуженное наказание. Мы с Вами еще встретимся. Подождите, пожалуйста, две-три минуты, я вас покину.

Не дожидаясь ответа, он четко, по-военному повернулся почему-то через правое плечо и быстрым шагом отправился к двери. Буквально через пятнадцать секунд раздался звук двигателя, который быстро удалился и исчез.

Выйдя наружу, я увидел пыльную сельскую дорогу, на которой были свежие отпечатки

шин, покосившийся забор и столб с ржавой табличкой «Птицефабрика №691». Судя по всему, добираться до цивилизации мне придется пешком...

Постель была смята, как будто на ней долго и упорно занимались любовью. Или даже просто трахались. Возможно, что-то в этом роде меня бы отвлекло, и после секса я бы уснул, но сейчас засыпание, столь привычная процедура, никак не удавалась. Вроде бы какая-то сонливость наличествовала, но не более того. «Извертелся» — этим коротким словом мое нынешнее состояние описывалось наиболее четко.

Придется, похоже, прибегнуть к методу, который я не особо любил — пойти выпить чего-нибудь и захотеть спать. Способ вполне рабочий, но только если не надо рано просыпаться. Впрочем, завтра мне это не грозило, так что я встал, оделся, сунул хвостатым по дропсине в зубы и вышел в коридор.

Трехминутное стояние перед «лишней» дверью давно уже превратилось в привычный ритуал. Конечно, «три минуты» — это условность, но в среднем ритуал занимал именно столько времени. Я просто стоял перед дверью и понимал «пока еще рано». Однако это «пока еще рано» обладало множеством оттенков, и если в самом начале это было насмешливо-угрожающее «и куда ты лезешь-то?», сейчас было нейтрально-доброжелательное «позже, не спеши».

Дверь была не единственной странностью. Несмотря на два десятка жилых блоков, я никого никогда не встречал в коридоре. Ко мне заходили в гости, я сам навещал приятелей в их апартаментах; в конце концов, Мясник жил через дверь от меня рядом, и мы иногда проводили вечера за парой-тройкой порций пива. Иногда к нам присоединялся Стрелок, но тогда беседа рано или поздно приходила к теме реалистичности повреждений от того или иного оружия, которое Стрелок придумывал к своей игре. Оно, конечно, интересно (а часто — и познавательно), но несколько занудно для неспециалиста.

Как-то раз, когда у меня был свободный день, я поставил эксперимент: вынес кресло из блока в лифтовый холл и уселся там. Прочел здоровенный томик Платона, просидев с 13 утра до 2 вечера. Никого не видел. Лифт издавал звук «проезжаю мимо» исправно, но ни разу не остановился. Шума из блоков быть не могло — звукоизоляция была надежной. Что логично в условиях тесного проживания. Но вот не встретить ни одного соседа за все месяцы, что я здесь — подозрительно. Надо бы Мясника спросить, что думает об этом.

Ладно, пойдем в бар...

Лифт привычно скользнул вниз на два этажа, дверь отъехала в сторону и я направился влево по коридору. На часах 3:09 — посетителей обычно мало, что очень хорошо наверху, и не очень хорошо сейчас — просто сидеть и ужираться в одиночку как-то не хотелось. Не в моих привычках...

Повезло: за столиком в углу сидел С. Лингвист и явно скучал. С зеркалом, конечно, он не чокался, но сейчас был занят тем, что наливал во что-то мелкое пиво из свой кружки. Рядом сидела одна из местных крысок и поторапливала всем своим видом.

Я приземлился рядом. Крысятину уже хлебала свою порцию из крышки от Кока-колы.

— Не спится?

— Да и не собирался. Садись.

— Да сию уже. Давно тут?

— Две кружки минус две пробки.

Крыска фыркнула, подтверждая сведения.

— Ладно, тогда я вначале слегка ускорюсь, — и, уже официантке, — Две порции, пожалуйста. В порционных кружках. Вторую — через десять минут. И порцию кальмаров.

— А у тебя что нового? — задал стандартный вопрос С. Лингвист.

— Ну, пожалуй, ничего. Шишка на затылке, но уже проходит.

— А, это уже все знают. Тренер просил передать, что, как появишься на следующий комплекс, то он тебя обучит либо не падать, либо падать так, чтобы при ударе шишка вскакивала на асфальте. Причем в любом случае ты пожалеешь, что родился — ну и все такое, ты его знаешь.

Я действительно знал Тренера, и поэтому промолчал.

Тем временем принесли заказ. Первым же глотком я отхлебнул с четверть литра; три четверти порции еще оставались в запотевшей кружке. Кальмары глядели на меня желтыми глазками из-под слоя майонеза. Это очень простое блюдо: вареные кальмары небольшого размера, с детский кулачок, внутрь помещается обычное вареное яйцо и немного майонеза. Получается эдакая тушка с плавниками. Остается только проковырять ножом дырки под глаза, и вставить туда либо кукурузины, либо горошины по вкусу, их же рассыпать вокруг по тарелке и облить все майонезом. Вкусные блюда — далеко не всегда самые сложные.

— Чем в последнее время занимаешься? — несколько неразборчиво из-за съедаемого кальмара спросил я сокружечника.

— Символизмом имен наций, — отхлебывая из кружки, начал он, — У каждой нации есть одно или несколько имен, значимых именно семиотически. Даже если они сходны, тем не менее имеют различия...

— Хочешь на мне протестировать свою теорию?

— Пока — только общие соображения. Ты против?

— Да без проблем... — я почесал за ухом довольную пивом животину, — только без своих словечек. В прошлый раз после твоей лекции мне все время хотелось в рассказе по древней Азии описать персонажа по имени Узус-бей. А какие-нибудь «проклитики» я вообще сейчас не в состоянии усваивать.

— Да тут все просто. Возьми, скажем, имя «Иван». Как принято давным-давно, ему соответствует «Жак» у французов и так далее. Тем не менее, отличия по характерам наглядны — скажем, «хитрый Жак» — это звучит нормально, а вот «хитрый Иван» — странно, так ведь?

— Пожалуй.

— Вообще, у русских Иван-дурак является персонификацией соответствующего Аркана Таро, но это уже отдельная тема... А вот посмотри сам — какие есть устойчивые ассоциации имя/нация?

— Ну, скажем, немец — Ганс...

— Верно. А Фриц?

— Гм, тоже вроде бы...

— Именно. Но есть разница — и мне тоже еще порцию пива повторите, пожалуйста, — в ассоциациях?

— Ну... Фриц — это скорее из времен Второй Мировой, созвучно с «фашизмом»... Ганс — это скорее «немец вообще»... Но я не спец, это просто так, навскидку.

— Ничего, мысль верная. Еще нагляднее с англичанами — у них «Джон», так?

Я молча кивнул и принялся за вторую порцию пива.

— А вот для американцев, которые когда-то из Англии приехали, характерно уже не Джон, а Джек. Что существенно.

— А как же эпитет «Джон Булл»? — покопавшись в памяти, возразил я.

— Ха! Это каких времен выражение и к кому относится? Это тот же тип, что и тexasские redneck'и. А вот именно американец, осуществляющий так называемую американскую мечту, однозначно Джек, а не Джон.

Вероятно, теория в целом была очень даже достойной, но вникать мне в нее сейчас не хотелось.

— Понятно. Как говорится: и вообще что можно сказать о нации, в которой женщины носят имена Кончита и Хуанита, а мужчины — Гомес, Педро и Хуан.

— Ну ты-то хоть не путай семантику разных языков! — искренне возмутился С. Лингвист.

— Не путаю. Шутка. Неудачная. Извини, — как-то слишком четко и размеренно произнес я в ответ. Очень резко голова начала болеть совершенно диким образом. Не думай, по ком звонит колокол — когда он стучит в твоей башке, не до того... — Извини, я, пожалуй, пойду отрублюсь.

— Жаль, но твое дело... Хочешь — зайди на неделе.

Я кивнул, поднялся и пошел к лифту. Каждое движение, а также отсутствие такового, отдавалось пульсацией боли в голове. Конечно, в нормальных условиях отсутствие чего-то не может влиять, но мне было не до формальных рассуждений.

Дойдя до своего блока, я проглотил тройную порцию стандартного обезболивающего из аптечки, а затем вспомнил детство и туго обвязал голову полотенцем — так, чтобы давление жгута на глаза было ощутимо. Когда-то это мне помогало, особенно, если полотенце намочить холодной водой...

Очень аккуратно я разместил себя на кровати и попробовал сосредоточиться на отделении от себя боли в виде отдельной точки, которую можно потом вынести за пределы тела....

— Твоя ненависть уже созрела?

Я молчал.

Две недели назад я задавал вопросы выходящим монахам. Они не отвечали.

Они, суки, две недели не отвечали. Иногда дрались, но молчали.

А главное — я это уже знал. Читал раньше...

Резким рывком я проснулся и осознал себя уже сидящим в постели. Для комплекта —

мокрым от пота. Холодного. Хотя страшно мне не было.

Пришлось выкинуть постельное белье в утилизатор, застелить новое и принять душ.

Ну откуда у этих опереточных придурков была распечатка моего сна?! Причем — заранее. Еще извинились за преждевременность...

Впрочем, разберемся потом. Сейчас — спать, а завтра я зайду в аналитический центр и вычислю этих Чип-и-Дейлов. А затем мы поговорим. Очень вежливо. И, главное, очень информативно.

«Согласно китайскому чайному канону, высококлассный чжен шань сяо чжун имеет настой насыщенного красно-бордового цвета и красный лист, аромат южных плодов гуйюань и вкус, похожий на вкус цветов корицы. Начинающие обычно сравнивают его аромат с запахом скипидара, лыжной мази и копченой рыбы. Искушенные любители различают нотки дыма и древесины, а также сладкого имбиря, карамели, чернослива и сушеной груши», — прочел я каллиграфически выполненную надпись на развороте буклета. Энтузиазма информация явно не вызвала: являясь именно начинающим, я очень не хотел пить что-то скипидарно-рыбно-копченое, равно как и нюхать лыжи. Хорошо, хоть не лыжные ботинки. Отложив в сторону буклет, я раскрыл следующий.

«Серебристый игольчатый желтый чай», — гласило название. Далее был подробнейше описан процесс приготовления напитка, как говорится, *ab ovo*:

«На изготовление этого чая идут самые нежные молодые почки, покрытые серебристо-белыми ворсинками. Урожай собирается вручную только в течение двух дней в году в провинции Фуцзянь. Профессия сборщика передается по наследству вот уже 72 поколения. Заваривать чай надо 2 минуты 35 секунд при температуре 87 градусов Цельсия в чайнике, изготовленном в провинции Гайюань. Благодаря высокому содержанию витаминов, аминокислот, солей редких металлов и благословию Будды Гаутамы чай способствует омоложению организма».

Впечатляет. Захотелось похулиганить — например, заказать Lipton в пакетиках и посмотреть, какие лица станут у окружающих в ответ на такое кощунство. Впрочем, этих буддоголовых таким не проймешь... Они и чефир на тряпочных скрутках заварят. Зачем меня сюда занесло, собственно говоря? Никогда не разбирался в чае — лишь бы был вкусный. А для этого ему вовсе не обязательно иметь тысячелетнюю историю или цену, за которую можно купить бутылку хорошего коньяка. Но что-то меня дернуло зайти в эту ничем не примечательную чайхану... Впрочем, стоп. «Чайхана» — это что-то узбекское, что ли... Не важно.

Я аккуратно положил буклет к остальным, решительно встал и пошел к выходу. И тут же ощутил спиной взгляд — так, как это описывают в классических американских детективных романах. «Джон Дунит почувствовал на своей спине взгляд и обернулся, выхватив свой верный Магнум. В дверном проеме стоял Джек Таг. Любой человек, кроме Дунита, увидев Джека, ослабел бы в коленках и попытался бы сбежать. По лицу Тага, покрытому шрамами, было видно, что не просто с удовольствием откажется от обеда, но и согласится три дня не есть, лишь бы иметь возможность избить кого-то ногами, рукоятью пистолета, кастетом, бейсбольной битой или крокетным молотком. Но Джона

Дунита это не пугало — он и сам был таким!»

Тьфу, ну и чушь в голову лезет...

Однако взгляд был однозначно, Тренер не зря обучал не только кулаками махать. Впрочем, именно благодаря тренировкам взгляд был оценен как не опасный, но направленный. Кого-то я интересовал. Ну и ладно — надо будет, сами объявятся.

Махнув рукой проезжающему кэбмену, я уселся на сиденье и отправился в скрипторий. Так на местном фэнтезийно-псевдостаринном сленге называлась библиотека. Точнее, даже информаторий широкого профиля.

Оплатив отдельную кабинку, я заказал кофе, поудобнее пододвинул клавиатуру — для нее, как ни странно, не придумали местного термина — и задал поиск по именам «Алекс+Бон».

На «оке дракона» фирмы LaCie тут же появилась информация.

«Это заметно, когда две собаки, сын Галактик Шоу Крем и отец **Бон Триумф Алекс**, двигались друг за другом в сравнительном ринге». Явно не то.

«Леонард и Глориетта потащили **Алекс** к танцорам **бон** и их зрителям». Возможно, «Бон» — это не просто имя, но и диагноз, но тогда Алекс — диагноз не меньший и был написан тоже с маленькой буквы.

«В таком составе: Джон **Бон** Джови, вокал, гитара, Дэвид Брайан, клавиши, **Алекс** Джон Сач (Alec John Such, бас-гитара), Тико Торрес (Tico Torres, ...) — тоже не то.

«Перевод с итальянского **Алекса** де Фермора. Под названием “**Бон**” когда-то были известны различные учения ... вредящих другим существам, так как “Бон” был общим термином, соответствующим слову “чой луг” (chos lugs) ...» — интересно. Но не то.

«авторский проект **Алекса** Экслера ... Пакстон), причем на борту подлодки среди обычного экипажа (туда, правда, затесался Джон **Бон** Джови, но он в данном случае...» — бредятина.

Понятно, что только в американском фильме герой, задав в интернете поиск вида «компьютер+файл», получит всего с десяток вариантов, причем один из них — на очень ему нужный и весьма секретный документ. Но я-то не герой американского фильма и даже не американец, поэтому вполне способен сузить критерии поиска... Немного повозившись с опцией «искать в найденном», названием острова и несколькими другими параметрами, удалось найти кое-что интересное. Информация оказалась в разделе, который можно было бы условно назвать «Городские легенды». Так, милые истории с местным колоритом для туристов. Судя по информации (нескольким статьям из развлекательных газет) мои Чип-и-Дейл увозили людей за город, представлялись там агентами спецслужб, а затем оставляли их в сарае, откуда они должны были добираться в город пешком. По своему опыту знаю, что это не так уж и близко, между прочим. Вероятнее всего, у кого-то было такое вот извращенное чувство юмора. Странно было только одно — если бы они остановили меня на улице и отвезли бы на ту заброшенную птицефабрику, а там бы уже парили мозги, ломали комедию и так далее, это было бы глупо, но понятно. Однако я же как-то там оказался — а тащить кого-то без сознания в такую даль, да и с риском, что он очухается по дороге... И, в конце концов, откуда они

заранее знали мой сон?!

Ладно — есть еще одна зацепка. Номер птицефабрики я запомнил — 691. Попробуем поискать, когда ее закрыли, по какой причине и так далее — может, что и всплывет еще...

Однако поиск такой птицефабрики ничего не дал. Судя по всему, на Толеро вообще не было птицефабрик. Что меня лично не удивляет — на курорте, тем более с такими ценами, птицефабрики не нужны. Весь колорит испортят...

Потоптавшись по клавиатуре еще минут двадцать, я наткнулся на интересную внутреннюю ссылку информатория.

«Бармаглота 3-го дня основано Виртуальное Аббатство 691. Подробные данные находятся в отделе рукописей, инв. № 74-2458-395».

Могли бы отсканить и в сеть выложить. Но, по крайней мере, это все же не «единственный экземпляр находится в библиотеке Ватикана» или еще что-то в этом роде. Так, где у нас находится отдел рукописей? На минус втором этаже. Прекрасно.

Лифт плавно опустился (оказывается, в скриптории было три подвальных этажа как минимум), и я вышел в холл. В боковых стенах были арки, через которые были видны небольшие читальные залы — приблизительно по дюжине столов. Левый был не освещен, видимо, посетителей тут было мало. Прямо виднелась конторка, за которой сидела библиотекарша. Увидев меня, она поднялась навстречу.

Честно говоря, был приятно удивлен — в таких местах скорее встретишь гибрид синего чулка и сушеной воблы. Стереотип, конечно, но и столь приятного сюрприза я не ожидал. Библиотекарша оказалась молодой и весьма симпатичной. Причем — это было как-то сразу видно — далеко не глупой, хотя и была блондинкой. Впрочем, «тупые блондинки» — это еще один миф.

— Здравствуйте. Рада видеть посетителя, они у нас бывают не очень часто. Что вас интересует? — услышал я голос и только тогда понял, что уже с полминуты стою у лифта. Улыбнувшись, я пошел вперед, к конторке.

— Здравствуйте. Вот, посмотрите, пожалуйста, — я протянул распечатку, на которой был указан номер документа.

— Подождите немного, — улыбнувшись в ответ (и весьма сексапильно улыбнувшись, я бы сказал!), — я сейчас принесу. Присядьте пока.

Девушка удалилась куда-то внутрь стеллажей, я взглянул на предложенное мне кресло, но решил постоять. На стенах холла висели картины каких-то абстракционистов. Честно говоря, абстракционизм я никогда не понимал. И не понимал, как это можно понимать. Знаете такую старую шутку: «купи кирпич»? Абстракционизм — это то же самое, только не на уровне грубого рэкета, а утонченнее — лох покупает не с испугу, а потому, что сам уверен, что это — высокое произведение искусства. И хорошее вложение денег — всегда найдется более богатый лох, который захочет занять в частную коллекцию еще один экземпляр.

Ха. Кажется, мои мысли кое-кто разделяет: на раме ближайшего ко мне полотна с треугольниками и кружочками сверху была аккуратно привинчена небольшая табличка с надписью «верх здесь». Без нее, действительно, не трудно перепутать. На

противоположной стене висела картина тоже с кружочками, но без треугольников. Зато с квадратами. Аналогичная табличка присутствовала. Пройдя до середины помещения, я оглядел оставшиеся две рамы — таблички были и на них. Мелочь, а приятно, как говорится...

Я повернулся обратно к стойке, но остановился на половине движения: зал, который был темным, вовсе не был пустым. Один из столов освещался здоровенной оплывшей свечой. За столом сидел высокий старик в каком-то темном балахоне и читал книгу, по объему занимавшую полстола.

— А вот и ваш документ, — услышал я сексапильный голосок.

Подойдя к библиотекарше, я взял протянутую мне крупноформатную кожаную папку.

— Документы нельзя выносить из хранилища. Вы можете ознакомиться с ним в читальном зале. Сейчас у нас свободно, выбирайте любое место.

Я несколько скованно кивнул и пошел в сторону освещенного зала. Краем глаза я отследил, как старик перевернул страницу. Усилием воли я решил не обращать на него внимания — мало ли какие тут обычаи. Не хотелось выставлять себя невеждой...

Сев за угловой стол, я включил лампу — общего освещения было маловато — и раскрыл папку. Там был всего один лист из малопонятного мне материала. Не бумага — точно. И не папирус — его я видел, когда отдыхал в Египте. Может, пергамент? Его я никогда не видел, а на нем когда-то писали... Впрочем, старым документ не выглядел. Скорее — сделанным в манере «под старину», но не как подделка, а как художественная имитация.

Всего одна страница. Вверху мелким шрифтом было отпечатано:

«6-го дня Бармаглота состоялась церемония основания Виртуального Аббатства 691, настоятелем которого стал принявший 3-го дня Бармаглота сан Самозванца Михайлов Валерий. Присутствовавший на церемонии Максим Максимович заложил краеугольный виртуальный камень аббатства. Городской дурачок Ты подарил аббатству Книгу Скрижалей — собрание непристойностей, выбитых на малахитовых, мраморных и других скрижалях. Кроме того, в честь основания аббатства он принял имя Виртуальный Дурачок Ты. Август к исполнил одну из своих беззвучных мелодий для флейты и мирного атома».

Ниже витиеватой каллиграфией было размашисто начертано:

Mors labrochii²

Coesper erat: tunc lubriciles ultravia circum

Urgebant gyros gimbiculosque topi;

Moestenui visae borogovides ire meatu;

Et profugi gemitus exgrabuere rathae.

O fuge labrochium, sanguis meus! Ille recurvis

² Перевод: Augustus A. Vansittart, 1872

Unguibus, estque avidis dentibus ille minax.
Ububae fuge cautus avis vim, gnate! Neque unquam
Faedarpax contra te frumiousus eat!

Vorpali gladio juvenis succingitur: hostis
Manxumus ad medium quaeritur usque diem:
Jamque via fesso, sed plurima mente prementi,
Tumtumiae frondis suaserat umbra moram.

Consilia interdum stetit egnia mente revolvens:
At gravis in densa fronde susuffrus erat,
Spiculaque ex oculis jacentis flammae, tulscam
Per silvam venit burbur labrochii!

Vorpali, semel atque iterum collectus in ictum,
Persnicuit gladio persnacuitque puer:
Deinde galumphatus, spernens informe cadaver,
Horrendum monstri rettulit ipse caput.

Victor labrochii, spoliis insignis opimis,
Rursus in amplexus, o radiose, meos!
O frabiose dies! Callo clamateque Calla!
Vix potuit laetus chorticulare pater.

Coesper erat: tunc lubriciles ultravia circum
Urgebant gyros gimbiculosque tophi;
Moestenui visae borogovides ire meatu;
Et profugi gemitus exgrabuere rathae.

Латынь была узнаваема, но в ней я никогда не был силен. Интересно, а у них можно снять копию? Сейчас проверим.

Библиотекарь сидела на своем рабочем месте и что-то читала с экрана компьютера. То есть, медитировала над *Оком Дракона*, я хотел сказать. Дедуля в соседнем зале настраивал именно на такой лексикон.

— Скажите, пожалуйста, а у вас можно снять копию с этого документа?

— Конечно. Давайте сюда.

За барьером, отгораживающим служебную часть помещения от холла, был установлен большой ксерокс — когда я подошел поближе, его стало видно. Полоска света сделала обычное «вжик туда — вжик обратно», из лотка показался лист бумаги, который был тут же заклеен в фирменный конверт с эмблемой скриптория и с улыбкой вручен мне.

Поблагодарив, я повернулся и пошел к лифту, опять зацепившись боковым зрением за стол со свечой и сидевшего за ним старца. Тому ходящие по коридору личности типа меня

были очевидно безраличны.

Лифт, по-видимому, так и оставался на этом этаже, поскольку дверца открылась сразу, как только кристалл вызова был нажат. Войдя в кабину, я ткнул в кристалл первого этажа, и вдруг услышал:

— Меня зовут Ена.

— А меня... — и церемонию знакомства нагло прервали захлопнувшиеся дверцы. Лифт поехал вверх. Вернуться очень хотелось, но выглядело бы это крайне глупо. Пришлось утешиться тем, что найти повод зайти сюда еще раз не так уж и сложно.

Добравшись к себе, я немедленно уселся за стол и вскрыл конверт. Внутри был обычный листок от ксерокса — вот только содержание у него было другое. Первый абзац остался без изменений, а вот четверостишия далее гласили:

Джаббервокк³

Берегись Джаббервокка, мой сын!
Челюстей, которые кусают, когтей, которые хватают!
Берегись птицы Джубджуб
И опасайся молодого Бандерснэтча.

Он взял в руку свой разящий меч:
Долго презренного врага он искал...
Итак, остановился он возле дерева Тумтум
И стоял какое-то время в размышлении.

И пока он стоял, дум высоких полн,
Джаббервокк с огненными очами
Выскочил со свистом из дремучего леса,
Что-то бормоча по пути!

Раз, два! Раз, два! И сквозь, и сквозь
Разящее лезвие вонзилось молниеносно!
Он оставил его мертвым, и с его головой
Умчался вприпрыжку назад.

Ты убил Джаббервокка?
Так приди в мои объятия, мой лучезарный мальчик!
О, славный день! Кэлу! Кэлэй!
Он воодушевленно пел и смеялся от счастья.

³ Подстрочный перевод И.Л. Галинской

При этом, если на оригинале текст был рукописным, то здесь он был явно напечатан на пишущей машинке. Конечно, подменить лист было легко, но — зачем?

И тут мои размышления прервал звук дигитбука Августа к. По опыту зная, что звук будет нарастать, пока его не откроешь (что интересно — он никогда не включался в то время, когда меня не было дома), я поспешил взять его с полки и открыть.

Надпись на экране была лаконичной:

«Гони их всех нахуй! Таков Закон! — Август к»

БАРМАГЛОТ 10

Меня разбудил настойчивый голос волшебного говорителя (я не стал утруждать себя изучением всех этих местных словечек) или, говоря по-русски, телефонный звонок.

— Добрый день, господин Канонов, — услышал я голос портье, — вы просили напомнить о визите к врачу.

— Да, спасибо.

Канонов Сергей — это я. Ка — это тоже я. Вот только не было никакого Ка, как не было ни магии, ни приключений, ни романтики... А был курьез, достойный плохого романа. Какой-то шутник вывалил в суп охренеть какую порцию жутко сильнодействующего галлюциногена. В результате у доброй дюжины постояльцев Раксиса, включая и меня, произошел внеплановый трип, во время которого я и пережил все свои страсти-мордасти. В общем, «Вспомнить все», только без Шварценеггера. В результате пришлось полежать пару дней в больничке под капельницей, и теперь вот нужно сходить на прием к психиатру. Все за счет заведения.

— Проблема в том, — сказал мне доктор после осмотра, — что далеко не для всех подобные эксперименты проходят бесследно. Взять, например, историю Филипа Дика. Во время удаления зуба ему сделали укол пентанола натрия. Конечно, ни до, ни после этого он не отказывал себе в удовольствии закинуться кислотой или покурить дури, но после этого укола у него был ряд галлюцинаций в виде откровений, которые полностью его изменили. После этого случая он написал всего три романа: «ВАЛИСС», «Божественное вторжение» и «Переселение души Тимоти Арчера», а также дневник своих откровений «Экзегеза». Всю оставшуюся жизнь он так и не смог понять, был ли его опыт откровением или помешательством.

— Думаю, со мной все будет в порядке, — заверил я психиатра, — творческие люди, они всегда немного чокнутые...

Разумеется, я не стал говорить психиатру, что для меня нормальность — это особого рода слабоумие, а всеобщий фетиш в виде интеллекта, как его принято понимать представителями европейской цивилизации — не более чем болезнь, вызванная патологическим гипертрофированием верхней ганглии. Не зря же все магические или эзотерические в не испохабленном понимании этих слов школы ставят во главу угла остановку ума.

Вырвавшись из рук эскулапов, я решил отметить это дело парой чашечек чая (синька — чмо!), а если повезет, то и затянуться волшебной травой имени Хасана Ибн Саббаха. К

сожалению, в китайском ресторанчике, куда я зашел, травку не подавали. Ну да меня это сильно и не огорчило. Было бы хуже, если бы там не было чая.

За соседним столиком несколько молодых людей слишком громко, чтобы на них не обращать внимания, обсуждали точку сборки. Для тех, кто еще не удосужился прочитать Кастанеду (оказывается, таких людей не мало), поясню в двух словах. Наш Мир, состоящий из объектов, есть одна из множества интерпретаций реальности. Видящие или те, кто в состоянии воспринимать непосредственно энергию, «видят» вселенную, в виде множества тонких энергетических волокон или эманаций Орла (к одноименной птице не имеет никакого отношения). Энергетически люди выглядят светящимися сгустками энергии яйцеобразной формы. В этом энергетическом яйце есть более яркая область размером с теннисный мячик. Ее-то и называют точкой сборки, потому что реальность образуется проходящими через точку сборки эманациями Орла. Сдвигая точку сборки, человек изменяет окружающий мир. Отсюда рассудочное состояние сознания (ум), безумие, наркоманские глюки, и т.д. — это всего лишь небольшие изменения положения точки сборки. Сдвигая точку сборки, можно отправиться в совершенно иные, непохожие на наш миры, а можно достигнуть других состояний сознания, таких как «безмолвное знание» и «состояние безжалостности». И так далее. Подробнее читайте у Кастанеды.

— Доктор забыл вам кое-что сказать, — произнес мужской голос, заставивший меня подскочить на месте. Пока я витал в своих мыслях, за мой столик подсел мужчина-без-особых-примет в неприметном черном костюме, бросавшемся в глаза именно в силу своей неприметности. — А именно то, что 4 июня 1976 года кто-то ворвался в дом Филипа Дика и украл многие литературные папки, перевернув при этом все вверх дном. Это не было обычным ограблением, как не были ограблениями подобные вторжения в дома многих других людей, интересующихся некоей скользкой темой.

Сказав это, он встал из-за стола и вышел из ресторана. Опомнившись, я побежал за ним, но, разумеется, его и след простыл. Зато навстречу мне шла ОНА.

— Ена?! — удивленно вскрикнул я.

— Мы разве знакомы? — холодно поинтересовалась она.

— Да, — произнесла Ена, закуривая сигарету, — забавная история.

Мы сидели в открытом кафе на берегу моря. Я все-таки убедил ее прийти со мной в это кафе, выслушать меня. Слушала она с интересом, не перебивая, не поддакивая для приличия, а когда я закончил, закурила сигарету.

— Забавная история, — сказала она.

— Я так не думаю, — ответил я, — это совсем не забавно, когда лучшие моменты твоей жизни оказываются вдруг бредом.

— Ладно, а чего ты от меня хочешь? Как я поняла, ко мне ты клеиться не собираешься.

— Я хочу найти ее.

— Никогда еще меня не приглашали на свидание, чтобы объяснить в любви к другой женщине.

— Ты даже не представляешь, что для меня значит сегодняшнее знакомство с тобой! Ты — мой билет в тот мир! Раз ты существуешь и здесь и там... Может, я видел вас краем

глаза, а потом эти воспоминания вписались в картину бреда. В любом случае...

— Ты прав. Возможно, твоя подружка действительно живет на этом острове. А ты не боишься, что она окажется совсем не такой, как нарисовало твое воображение.

— Зубов бояться...

— Понятно.

— Возможно, ты ее даже знаешь. Ее зовут Ли.

Я описал ее внешность во всех подробностях. На какое-то мгновение по лицу Ены прошла чуть заметная тень.

— К сожалению, не знаю, — ответила она после небольшой паузы, — извини, ничем не могу помочь.

Ена ушла, а я остался сидеть за столиком, тупо глядя на довольных жизнью отдыхающих. Чувствовал я себя хреново: так, словно мне без наркоза удалили добрую часть души, и боль была далеко не фантомной. Наверно, я был в таком состоянии, в котором люди с головой уходят в наркотики, в пьянство, в религию. Куда угодно, лишь бы принять наркоз и ни о чем больше не думать, ничего не чувствовать, ничего не знать. Мне было хуже. Я еще не был готов убивать себя химической или духовной наркотой. Религия меня не устраивала философией в стиле фаст-фуд, когда на все вопросы есть готовые ответы, которые достаточно просто выучить наизусть. Алкоголь в таких состояниях противопоказан, от него становится только хуже. Как и травка. Она тоже усугубляет ощущение тоски. Я хотел вернуться в реальность своего бреда, но не знал, как к этому подойти.

— Извините, не помешал? — за мной столик подсел тот же мужчина-без-особых-примет в том же самом костюме.

Я пожал плечами.

— Я вижу, вы пытаетесь разобраться? — спросил он, заказав мороженое и минералку.

— А вы бы не пытались?

— Я до сих пор пытаюсь. Но многие довольствуются первым же убедительным объяснением и стараются все поскорее забыть.

— И как ваши попытки?

— Кстати, вы в курсе, что того предполагаемого хиппи, который насыпал в суп кислоту, так и не нашли. Да и наркотическое отравление было не столь массовым. Кстати, как вам здесь отдыхается? — резко сменил тему мой собеседник.

— Трудно сказать...

— Вы правы. Тихим, спокойным местом Толеро выглядит только на первый взгляд и то лишь благодаря тому, что местные воротилы туристского бизнеса тратят огромные деньги на «тишину», делая все, чтобы замять возникающие скандалы. А скандалы могли быть нешуточные. Так в 80-е годы непосредственно на нашем острове была ликвидирована преступная группа, занимающаяся незаконной трансплантацией органов. У них была связь с целой сетью клиник по всему миру, мощнейшая база данных возможных доноров... А здесь уже делались финальные операции по пересадке... Извините.

Увидев кого-то, он бросился прочь из кафе.

The lab 10

— Твоя ненависть уже созрела?

Я не знал, что ответить. Ответы, которые я давал ранее, их не устраивали. Иногда в ответ я видел ухмылку, иногда монах молча поворачивался и уходил. Один раз я получил даже щелчок в лоб — как в детстве. Голова уже отказывалась думать — с голоду я не умирал, но именно что всего лишь не умирал — после того, как я объел все ягоды в округе, попутно разорив три птичьих гнезда, и поголодал три дня, мне начали иногда выносить еду. Через неравномерные промежутки времени, на разных блюдах — от серебряного сервиза до выщербленной глиняной миски. Сама еда тоже была разнообразной: иногда это было лишь несколько сухих корок, но не менее часто порция сделала бы честь любому ресторану высшей категории. Сочетание посуды и пищи при полной случайности выбора таковых бывало забавным... Впрочем, было ли это случайностью? Всегда надо оставлять неучтенный вариант.

— Твоя ненависть уже созрела? — настойчиво, хотя и негромко, повторил монах.

Я молчал.

— Посмотри мне в глаза, — раздалось из-под капюшона.

Ранее я пробовал безучастно смотреть мимо, но выражение презрения — это не то, что требовалось спрашивающим. По опыту я уже знал, что лучше подчиниться.

Как я их ненавидел за это! И еще за то и то... А, главное, за то, что я нахожусь перед воротами уже два месяца (или больше?), и сам не знаю, почему до сих пор не встал и не ушел прочь...

Мне уже даже не хотелось получить приглашение войти. Когда-то в прошлом, подходя к воротам монастыря, я был уверен, что получу приглашение не в первый день (нельзя быть таким нескромным), но на третий уж точно. Что им надо — молодой, сильный, обученный боец, победитель Кубка Дракона в прошлом году... А, главное, я ненавидел этот мир. Всем было известно, что это является главным критерием для приема в Монастырь Мрака... Ух, как я его, мир этот, ненавидел! Хотя — ерунда это все. Вот этого ублюдка в черном балахоне я сейчас ненавижу куда больше... Почему только его?! Всех их ненавижу! И монастырь! И вот это дерево, под которым я сплю уже сколько времени...

— Пошли, — равнодушно бросил монах и повернулся спиной.

Реакция призера Кубка Дракона меня не подвела — вскочить на ноги я успел до того, как понял смысл сказанного.

Обширный двор был пуст. Точнее, не было ни одного человека, а предметами, очень похожими на боевые тренажеры, он был заполнен не то, чтобы очень густо — а так, чтобы место не пропадало. В центре находилось возвышение из черного камня, что не было исключением из всей архитектуры, а на нем сверху было нечто вроде круглой каменной банкетки приличного диаметра — человек шесть могло усесться свободно. Спиной к центру, разумеется. Наверх вела вырезанная в камне лестница. Машинально я сосчитал ступени — восемь.

— Жди здесь, наверху, — все тем же равнодушным тоном сказал монах и неспешно

двинулся куда-то в угол двора. Вероятно, там была дверь во внутренние помещения, но едва наметившийся рассвет еще не давал возможность разглядеть пространство под каменными портиками.

Ухмыльнувшись, я пренебрег лестницей и запрыгнул наверх практически из положения стоя — пришлось присесть совсем чуть-чуть... Форму я не потерял.

Каменный диск на вершине постамента, похоже, действительно использовался как сидение — по крайней мере, был отполирован по краю именно так, как если бы на нем пересидело много народу в течение многих лет. Иногда ерзая на месте....

Сидеть было в любом случае удобнее, чем валяться под деревом.

Двор заполнился как-то резко. Вышедшие из дальнего угла (я по-прежнему не видел дверь) монахи споро разошлись по тренажерам и начали работать. Ко мне никто не подошел — впрочем, я этого и не ожидал. Я уже был внутри, а остальное — мелочи. Если уж я просидел под каким-то деревом пару месяцев снаружи, то внутри могу и три просидеть. И четыре. И пять... чтоб вы сдохли, сволочи. Назло вам.

Тренировка, судя по всему, проводилась рутинно. Утренняя разминка, не более того — спаррингов не было, большинство отрабатывали приемы на макиварах, некоторые сидели в позе медитации. Скучно. Я даже не смог найти чего-либо нового в проведении приемов, все шло по стандарту, общему для начальной подготовке любой школы боевых искусств. Видимо, во дворе тренировались новички... вроде меня.

По привычке я следил за тренировкой, тем более, что больше заняться было нечем. Некоторые движения отличались от привычных мне, но сказать, что они удачнее, было нельзя — это еще надо попробовать... Однако ничего принципиально незнакомого видно не было. Похоже, придется поскучать... Занятие, ставшее привычным в последнее время. Единственный способ не помереть от скуки — это превратить ее в медитацию. Помимо всего прочего, этот мир еще и скучен — именно поэтому я его так ненавижу.

Нетренированному человеку это может показаться странным, но именно в состоянии глубокого погружения внутрь себя несообразности во внешнем мире обнаруживают себя наиболее ясно. И уже через полчаса медитации я обратил внимание на странное напряжение энергии у себя за спиной. Опасное, но не лично мне и сейчас, а вообще. Выйдя из состояния сосредоточения, я обернулся.

Дальний угол двора, ранним утром невидимый в темноте, уже был виден. Там сидело пятеро, явно занимаясь медитацией, как и я только что. Но если я расслаблялся, то энергетика, исходящая от сидящих, была почти что видна. Воздух наполняла концентрированная ненависть — и я понял, что то, что я чувствовал по отношению к миру, по сравнению с этим — так, нейтральное отношение с оттенком благожелательности...

Почти захотелось встать и со стыдом уйти.

Но я хотел учиться, постигать, что есть ненависть, возвращать ее в себе — и, может, когда-то наступит момент, когда я и подобные мне обрушат свою ненависть на этот мир — и перевернут его. Или же — вывернут наизнанку. В любом случае — мир станет иным, не противоестественным, как этот...

Есть старая легенда о мудреце, который сумел прочесть знамения о том, что в некий

момент все на Земле изменится, и связано это будет с водой — она станет новой во всех водоемах, и каждый, кто испьет ее, забудет все прошлое и станет жить в новой реальности. И мудрец не один месяц призывал людей позаботиться о будущем, но над ним лишь смеялись. Тогда он ушел от людей и много дней и ночей носил воду в уединенную пещеру, и в конце концов создал запас воды, которого хватило бы ему до конца жизни. Тогда он сел на пороге своей пещеры и стал ждать Изменения...

А потом спустился к людям — и увидел, что изменилось все. Его никто не понимал, а он не понимал ничего, что происходил вокруг. И тогда он пошел к ближайшему источнику и выпил воды, обретя понимание нового мира — и прославился как мудрец уже в новом.

Не уверен, что старый мир по этой легенде мне подошел бы лучше, чем тот, в котором я живу. Но этот меня не устраивает в принципе...

— Хлоп! — резкий звук прервал мои размышления. Перед одним из медитирующих вдребезги разлетелся какой-то предмет — я не видел с такого расстояния подробности.

— Чаю? — услышал я справа неожиданно для себя и одновременно увидел сухую старческую руку, протягивающую мне пиалу тонкого фарфора, наполненную жидкостью, очень похожей на чай...

Приснится же такое... Впрочем, сон был уже привычным — это наводило на мысли. И, кстати, почему я до сих пор не воспользовался практиками осознанных снов? Надо будет попробовать. Зря, что ли, зачет по ним сдан на «отлично», включая эту самую практику.

Ладно, стандартные утренние процедуры: умыться, почистить зубы, побриться, покормить крысов, проверить почту на компе. А не пойти ли мне вечером после занятий в город проветриться? А пойти!

Стандартное «что изволите» бармена перестало раздражать давно — он по-другому не может. Восприятие у него такое: либо ты лох-турист, которого можно обсчитывать, недоливать, под видом крабового салата приносить нечто из такого крабового мяса, при котором ни одного краба не пострадало и так далее, или же ты — настолько важный клиент, который имеет право на все самое лучшее, поскольку платишь все равно в два раза — как минимум — больше положенного.

Выйдя из кладовки, я тут же заказал стандартную кружку пива, и на закуску — кальмары свежие? — порцию в кляре. И, разумеется, направился к своему столику.

Он был, как обычно, свободен — но вот за соседним сидел Алекс. В темных очках, которые не снял даже здесь, внутри бара. На столе стояла кружка пива, тарелочка с фисташками, а также — канцелярская папка совершенно затрапезного вида.

Как только я появился, Алекс тут же без единого движения сделал вид, что я ему незнаком. Вот только не спрашивайте, как это ему удалось...

Подавив желание присесть за его столик, я сел за свой постоянный и закурил. Алекс, не смотря на меня, одобрительно улыбнулся и тут же достал сигару.

— Вы позволите прикурить?

Я молча протянул зажигалку.

— Благодарю, — громко сказал Алекс, и тут же, очень тихо, но четко, продолжил, —

Папку я оставлю на стуле, она для вас.

В несколько глотков прикончив свою кружку, но — не спеша, достал из бумажника пару купюр, положил рядом с пустой кружкой, взял папку, сделал вид, что кладет ее в дипломат, стоящий у стула — а на самом деле положил на стул, и вышел из бара.

Любознательность пересилила осторожность — тем более, бомба в папке просто не уместилась бы. Внутри было три листка. На каждом — содержание моего сна. Так сказать, начало, середина и конец. К последнему «протоколу» был прикреплен степплером небольшой бланк, на котором было всего несколько слов: «В связи с просмотром нескольких частей за один раз фирма не может гарантировать поставку следующей части в ближайшее время».

Это уже походило на издевательство.

Надо было найти этих приколистов и поговорить. А еще лучше — сдать в клинику Доктору Менгеле для опытов... Единственная зацепка, которая у меня была — это птицефабрика.

Курорт косил под ретро-фантази, и даже при наличии денег приходилось ездить не на автомобиле, а в кабриолете или еще какой повозке с лошадьми. Хорошо, что хоть подвеска была на современном уровне, и почти не трясло. Дорогу, по которой я когда-то пришел в город, я запомнил — видимо, на всю жизнь — и легко нашел нужный перекресток.

Дорога, можно сказать, была знакомой — и я вдавил педаль газа. Не до упора, конечно, а так — километров до восьмидесяти, дорога все же грунтовая...

По моим расчетам, соотнеся скорость перемещения пешком и на автомобиле, я должен был увидеть птицефабрику номер 691 максимум через час. Однако прошло уже час двадцать, а дорога была все той же нудной, и без птицефабрик. Дело осложнялось тем, что дорога — я это прекрасно помнил — была на удивление однообразной. Ни ответвлений, ни заметных ориентиров на ней не было. Я тогда так и шел — по обочине вдоль лесополосы... И так же сейчас еду.

Не понял?! Рефлективно я нажал на тормоза с такой силой, что, будь под колесами асфальт, пошел бы юзом — и остановился.

На обочине стояла умопомрачительная блондинка в шортах и топике — и голосовала. Это была Ена.

— Привет! — дружелюбно бросила она, устраиваясь на переднем сиденье, — Куда едешь-то?

— До птицефабрики, — буркнул я не особо дружелюбно, поскольку гормоны были где-то на заднем плане, а на переднем было то, что обычно называют офигеванием.

— Номер 691? — с отчетливым ехидством поинтересовалась соседка.

— Угу, — немногословно ответил я, катастрофически теряя шансы познакомиться поближе.

Ена хихикнула, посмотрела на меня лукаво-искоса, еще раз хихикнула, и, не выдержав, рассмеялась в полный голос, утирая слезы, выступившие на глазах, и не замечая сползшую бретельку топика...

БАРМАГЛОТ 11

Обняв Ли, я нежно провел рукой по ее волосам, поцеловал ее в лоб, в глаза, в щеки, в губы, в шею... я целовал и одновременно шептал ей:

— Малышка моя... солнышко... девочка... милая... девочка... сладенькая моя... счастье мое... радость моя... глупышечка... милая...

Когда я взял ее на руки, она совершенно по-детски обхватила мою шею руками, совершенно доверчивая, беззащитная...

Я положил ее на кровать и начал, не спеша, раздевать, ласково целуя высвобождаемое из-под одежды тело. Притихшая, с закрытыми глазами, она покорно принимала мои ласки...

Настойчивый стук в дверь заставил меня подскочить в постели.

Ли рядом не было. Наверно, ушла, — подумал я, — забыла ключи и не может теперь войти, а я дрыхну и не слышу звонка.

Вскочив, словно солдат по команде «подъем», я бросился к двери. Но вместо Ли за ней стояла дамочка лет сорока и двое полицейских. В дамочке я безошибочно узнал одно из тех сумасшедших созданий, которые в силу врожденного короткого замыкания в мозгах вместо влечения чувствуют ни с чем не сравнимую ненависть ко всем представителям мужского пола.

Окинув Меня презрительно-враждебным взглядом, она представилась:

— Роза Цеткен. Служба судебных приставов, — затем, сунув мне в лицо удостоверение, бесцеремонно оттолкнула меня и вошла в квартиру.

— Чем могу? — удивленно спросил я.

— Алименты надо платить. Или вы думаете, что можно заделать ребенка, а потом бросить его на попечение матери и умыть руки? — язвительно выдавала она, окидывая взглядом ростовщика обстановку в доме.

— О каких, черт возьми, алиментах вы говорите? — взбесился я.

— О таких, которые вы так и не удосужились заплатить, — довольная вызванной реакцией, ответила она.

— Но это хрен знает что! Какие могут быть алименты, если у меня никогда не было детей?

— Только не говорите после этого, что вы уже все уплатили, но квитанция хранится у вас на работе. Мы этим сыты по горло. Приступайте, — последнее слово было адресовано уже полицейским.

— К чему приступайте? — опешил я.

— К описи имущества, которое будет у вас конфисковано в счет погашения задолженности по алиментам.

— Это уже ни в какие рамки не лезет... Сейчас я позвоню в полицию, позвоню адвокату...

— Никуда ты не позвонишь, говнюк, — оборвала меня Роза Цеткен, профессионально двинув ногой в пах.

Взрыв боли заставил меня проснуться...

Мои трусы, а заодно и постель были испачканы спермой — поллюция... Когда такое было в последний раз? И почему весь этот жуткий кошмар с феминистическим чудовищем в главной роли? Эротическим сон с подобного рода персонажем точно назвать нельзя. Или от свалившейся на меня чертовни я стал извращенцем? Чувствуя, что еще немного, и на меня снизойдет дух Чернышевского или Добролюбова, что еще хуже, я отправился в душ — омыть тело и мысли.

После душа можно было и поесть, а заодно и выпить чашку кофе. Поднявшись на лифте в башню отеля (разумеется, перед этим я оделся), я сел за любимый столик и заказал двойной эспрессо и фирменные колбаски с картошкой по-домашнему. Всеми этими сэндвичами, яичницами с беконом и тостами с черт знает чем пусть извращенцы завтракают, я же...

— Здравствуйте.

За мой столик, не спрашивая разрешения, уселся Человек-без-особых-примет.

— В прошлый раз я забыл представиться, — сообщил он. — Петерсон. Моисей Петерсон.

Уж лучше бы ты вообще забыл представиться, — подумал я. — А еще лучше забыл бы о моем существовании.

— Ка, — сказал я, пожимая ему руку. Это имя мне нравилось больше.

— Что вы думаете о бессмертии? — с ходу спросил он, словно эта тема была предназначена исключительно для разговора за завтраком.

— Для меня это один из наиболее ужасных кошмаров, рожденных в человеческом воображении, — ответил я.

— Интересная мысль.

— Нет, конечно, если говорить о здоровье и функциональном долголетии, то я двумя руками за. Кому ж не захочется в 90 лет чувствовать себя как в 25 и ловить на себе восторженные взгляды юных красавиц или красавцев, но если говорить о бессмертии, как о существовании в течение бесконечно долгого промежутка времени, то страшнее этого, вряд ли что-нибудь можно придумать.

— А как же идея вечного блаженства в раю? Насколько я понимаю, именно в ней воплотились самые вожаделенные чаяния человека?

— Идея рая хороша только для тех, кто не может или не хочет подумать хотя бы на два шага вперед. Вы только представьте себе... вечность... бесконечное повторение любых возможных комбинаций, включая бесконечную череду бифштексов на обед... полное отсутствие разнообразия...

— Но почему же?

— Почему? А сколько у вас может быть вариантов? Пусть даже ваших возможностей хватит на то, чтобы вносить что-то новое, к примеру, в течение тысячи лет. Ну и что? На фоне вечности, это — бесконечная череда однообразных тысячелетий...

— Согласен, от такой тоски того и гляди, потянет на адскую сковороду... — рассмеялся Моисей.

— Увы, даже адская сковорода не поможет в такой ситуации. Конечно, сотню-другую

раз это еще сможет как-то оживить впечатления и вернуть вкус жизни, но вечное пребывание в адском огне превратит даже пытки в нечто обрыдло-серое, неспособное вызвать более или менее ощутимые переживания. Именно вечность нивелирует любые различия между адом и раем, между оргазмом и болью, между страданием и блаженством, обрекая свои жертвы на пытку однообразием. И единственным спасением может быть только смерть, абсолютная смерть со всеми потрохами.

— А что, Господь, дарующий смерть души как высшее проявление своего сострадания и любви?.. Вот только вряд ли эта идея стала бы хоть сколько-нибудь популярной в народе...

— А для народа и так уже все есть. Хотя и здесь со временем приходится изобретать что-нибудь новое.

— Вы правы... Но к идее бессмертия или увековечивания можно подойти и с другой стороны. Еще те же древние греки считали, что, пока ты сохраняешься в чьей-то памяти, ты существуешь, поэтому люди всячески старались увековечить себя в искусстве, в науке, в народной молве. Эта же идея лежит в основе традиции создания надгробий на могилах, поминок, установки памятников... А не так давно людям удалось создать устройство, позволяющее увековечить человека на близкий к существованию вселенной период времени, и сейчас эти устройства есть практически в каждом доме. Догадываетесь, о чем я?

— Пока нет.

— Я говорю об обычном телевизоре. Только представьте себе: все, что когда-либо было передано в эфир, разлетается со скоростью света во все стороны от нашей планеты. И все это: каждое слово каждого диктора, каждый жест актера, каждый мелькнувший в массовке человек, каждый участник шоу... Все это обречено на вечное паломничество по вселенной... А хотите, я познакомлю вас с одним весьма интересным человеком? — спросил вдруг он.

— С кем? — поинтересовался я без особого энтузиазма.

— С Бенвеем.

— С доктором Бенвеем?

— С Джонатаном Бенвеем. Только прошу вас, не шутить при нем о Берроузе. У него эти шутки вот здесь, — Моисей провел ребром ладони по горлу.

Принесли еду, и я весь отдался чревоугодию.

— Вижу, вас не очень заинтересовало мое предложение, — нарушил молчание Моисей.

— Если честно, то да.

— И зря. Он единственный, кто мог бы помочь вам разобраться в происходящем, а заодно и найти вашу пассию. Кажется, в вашем трипе ее звали Ли?

— Откуда вы знаете?! — спросил я, чуть ли не подскочив на месте.

— Так как, будете знакомиться? — вместо ответа спроси он.

— Где и когда? — от нетерпения у меня начали трястись руки.

— Сегодня в десять. Он будет вас ждать у себя дома. Это недалеко, сразу за пределами туристической зоны.

— В десять?! Это невозможно! Сейчас уже половина одиннадцатого! — выдал я, посмотрев на часы.

— Ну и что?

— Как что? Только не говорите, что сможете отправить меня назад во времени.

— Все намного проще. Какие у вас часы?

— В смысле? — не понял я.

— Какой циферблат?

— Обычный, со стрелками.

— Можно?

Я снял с руки и положил на стол свой «будильник».

— Два часа вам хватит на сборы? — спросил Моисей, беря часы со стола.

— Более чем, — ответил я.

— Очень хорошо, — говоря это, он перевел стрелки на 8 часов. — Ровно в 10 вы должны будете выйти из гостиницы и своим обычным шагом отправиться на «Угол Всех Улиц». Знаете, где это?

— Да.

Это была небольшая площадь в паре минут ходьбы от гостиницы. Ее облюбовали извозчики, превратив в некое подобие стоянки такси.

— Очень хорошо. На «Углу всех улиц» вам надо будет сесть в третий по счету экипаж. Что бы ни говорил или ни делал извозчик, вы должны молча сидеть и никак не реагировать. Это — испытание, и если вы его провалите, вас убьют. Я говорю вполне серьезно, и если вы в чем-то сомневаетесь, то лучше отказаться прямо сейчас, и я вам больше не стану надо...

— Давайте без лирики, — перебил его я.

— Хорошо. Убедившись, что вы с честью выдержали испытание, извозчик отвезет вас к Бенвею. И помните, только после того, как к вам подойдет человек и скажет: «Здравствуйте. Я — Бенвей», вам можно будет покинуть карету и заговорить. Вам понятно?

— Да.

— Извините, но я вынужден попросить вас все повторить. Мне будет жаль, если вас пристрелят из-за забывчивости или невнимательности.

— Вопросы есть? — спросил Моисей, когда я раз, наверное, в десятый, смог без запинки повторить инструкцию.

— Зачем весь этот маразм?

— Таковы правила игры. Мне они тоже не нравятся, но поверьте, их устанавливаем не мы.

Извозчиком третьего по счету экипажа оказался здоровенный черный парень в жутком народном одеянии и с какой-то нелепой конструкцией из волос на голове — вылитый жрец Вуду, пожирающий христианских младенцев и незадачливых искателей приключений. Этот образ прекрасно дополнял грубый шрам, тянущийся сверху вниз через всю левую сторону его лица. Разумом я понимал, что бояться надо не того, у кого

обезображено лицо, а тех, кто его обезобразил, но милей от этот шрам извозчика в любом случае не делал.

— Куда едем? — спросил он, попытавшись скорчить приветливую гримасу.

Прочитав мысленно «Еб твою мать!», Я сделал вид, что не услышал вопрос.

— Послушайте, мистер, у меня сегодня не то настроение, чтобы со мной так шутить. Мы либо едем, либо выходите.

Я не реагировал.

— Вы не можете говорить? — решил извозчик, — Тогда напишите адрес. Могу дать бумагу и карандаш.

Писать я тоже не изъявил желаний.

— Послушайте, если у вас скрытая камера или что-то там еще, то мне такая фигня нахрен не нужна. Выматывайтесь, и прикалывайтесь над кем-нибудь другим, а мне работать надо.

Побелев лицом, я неосознанно вцепился руками в сиденье, но как Герасим на допросе продолжал хранить молчание.

— Слышь, мужик? Ты что, обдолбался? Так иди и торчи где-нибудь в другом месте. Это тебе не лавочка в парке. Слышишь? Выходи, или я позову полицию! — распаялся извозчик. Было видно, что он еле сдерживает себя, чтобы не наброситься на меня с кулаками. Но я лишь смотрел на него, как затравленный зверь на собачью свору, и молчал, мысленно проклиная все на свете.

— Ладно, кажется, я знаю, куда тебе нужно, — решил извозчик. На его лице появилась та самая улыбка, за которой обычно не следует ничего хорошего.

Сказав это, он повез меня в одном только ему известном направлении. Решив, что экзамен закончен, я облегченно вздохнул. Но моя радость была преждевременной — карета остановилась перед воротами, с табличкой «Госпиталь святого Антония. Психиатрическое отделение».

— Вот ты и дома, приятель, — довольно улыбаясь, сообщил извозчик, — Я ведь правильно понял, тебе сюда?

Я напрягся как пациент в кресле стоматолога после слов: «Расслабьтесь, пожалуйста».

— Ладно, сидишь — сиди. Я сейчас.

Извозчик спрыгнул со своего места и нырнул в калитку рядом с воротами. С огромным трудом мне удалось преодолеть желание броситься бежать, но обещание расправы, а я был уверен, что Моисей не шутил, заставляло меня еще сильнее вжиматься в кресло.

Минут через пять, мне они показались вечностью, извозчик вернулся в сопровождении двух шкафов в белых халатах.

— Здравствуйте, — сказал один из них, — вы позволите вам помочь?

Не зная, как себя вести, я забился в противоположный от открытой двери угол.

— Понятно, — сказал тот водителю. — А где его сопроизвозчикные документы?

— Какие еще нахрен документы? Этот тип залез ко мне в фиакр. Сидит, молчит, выходить не хочет...

— И вы не нашли ничего лучше, как привезти его сюда?!

Дальнейший их разговор в переводе с трехэтажного матерного выглядел бы примерно

так:

— Простите, господа, но куда, по-вашему, я должен был его везти?

— А зачем вам было вообще куда-то его везти?

— А что мне было делать? Он никак не хотел выходить. Не рукоприкладством же заниматься?

— Но вы могли бы привлечь полицию или «скорую», на худой конец.

— Ну что вы как маленькие. Зачем отвлекать многоуважаемых полицейских от других дел? О «скорой» я, правда, не подумал, но разве вы существуете не для таких вот случаев?

— Насчет полиции мы полностью с вами согласны. Не стоит лишний раз беспокоить этих многоуважаемых господ. Но вот в отношении нас вы, уважаемый извозчик, несколько ошиблись. Подобными случаями мы не занимаемся

— Но разве помогать таким вот несчастным не ваш гражданский долг?

— Бесспорно, но мы принимаем здесь только тех, кого направляют к нам на госпитализацию психиатры. У таких больных есть направление на лечение, страховка и все необходимые документы.

— Да, но мой пассажир — однозначно ваш клиент, и...

— Без направления он не наш, к тому же если мы начнем госпитализировать всех немного странных людей, нам придется госпитализировать весь остров.

— Тогда, может, подскажите, что мне с ним делать?

— Извините, но этот вопрос выходит за пределы нашей компетенции.

— А наличие элементарного сочувствия и ума... это тоже за пределами вашей компетенции?

— Я вижу, вы хотите, чтобы мы в виде исключения госпитализировали отдельно взятого извозчика с целью превращения его в полуодушевленный предмет, нуждающийся в постоянном уходе, если, конечно, тот не освободит занимаемое пространство в ближайшие тридцать секунд?

— Вы правы, мне пора. Приятно было пообщаться с такими милыми людьми, такими же милыми, как, наверно, и ваши родители...

Пока шел этот весьма впечатляющий диалог, я себе места не находил. Меня так и подмывало, вставить свое веское слово, особенно когда речь зашла об оценке моих умственных способностей, но страх смерти оказался сильнее. В результате я не нашел ничего лучше, как читать мысленно «Еб твою мать», и мысленно же проклинать от всей своей шокированной души себя, Моисея, Бенвея, шефа, санитаров, извозчиков «и прочих устроивших мне это гадов». Я повторял проклятия настолько прилежно, что если бы они действительно имели такую силу, как об этом кричат кармаебнутые создания, то извозчик, а вместе с ним и прочие перечисленные образы и подобию Господни враз заболели бы всеми болезнями и тут же отправились на тот свет всеми возможными способами одновременно.

Не стоит, думаю, говорить, что после этого разговора с санитарями, извозчик вернулся в на свое место в несколько возбужденном состоянии.

— Извини, приятель, промашечка вышла. Не знают, говорят, тебя в этом доме и знать

не хотят... — сочувственно начал он, — Вот что, сука! — заорал вдруг он, — Либо ты кончаешь выебываться и даешь мне хорошие чаевые, либо...

Я рефлекторно проглотил несуществующую слюну, не замечая, что во рту у меня давно уже пересохло.

— Молчишь? Ну молчи, молчи...

— А вы что стоите, а ну пошли! — рявкнул он на лошадей, которые после этого понесли так, словно всю свою жизнь только и делали, что мчались по ипподромам.

На этот раз для стоянки извозчик выбрал какой-то пустырь возле заброшенного склада или сарая. Людей вокруг было не больше, чем после ядерной войны. Настроение вид на урбанизированные развалины на фоне царящего бурьяна мне не поднял, и я, предчувствуя самое худшее, принялся морально себя готовить к последнему и решительному бою.

Извозчик спрыгнул с козел и молча вытащил меня из кареты. Приставив к моему горлу словно по волшебству появившейся в руке здоровенный нож, извозчик принялся обшаривать мои карманы. Он действовал так спокойно и методично, словно искал что-то в карманах собственного пальто. Экспроприировав содержимое моих карманов, извозчик от всего сердца выдал:

— Вот же ебанный урод! — и двинул мне кулаком в лицо.

От этого удара я рухнул, как мешок. Извозчик вернулся в карету. Через минуту от него остались только воспоминания.

Придя в себя, я сел, скрестив ноги, и обхватил руками голову. Происходящее не укладывалось в моем сознании. Такое могло произойти в кино, в романе, в дурацком сне, наконец, но никак не со мной, не наяву, не на этом чертовом острове...

— Блядь! Блядь! Блядь!.. — закричал я, — как же я вас ненавижу!

Тем временем на пустыре появилась еще одна карета. Подъехав ко мне, (я даже не заметил гостей), карета остановилась. Из нее вышли двое крепких парней. Без грубости, но и без особых церемоний они взяли меня под руки, отряхнули мою одежду и затем погрузили (меня) в карету.

Минут через тридцать мы были уже во дворе богатого дома. Меня вывели из кареты, поставили у парадного входа и позвонили в дверь, затем эта парочка вернулась в экипаж и отбыла восвояси.

Когда карета выехала за ворота, дверь отворилась, выпустив из дома высокого мужчину средних лет, одетого по моде века восемнадцатого. Он оценивающе окинул меня с ног до головы взглядом, затем внимательно посмотрел на меня в двойной лорнет и только после этого чопорно произнес:

— Здравствуйте. Я — Бенвей. Надеюсь, доехали хорошо?

Эти слова сыграли роль детонатора, и я накинулся на него с кулаками, но он ловко уворачивался от моих ударов. Если бы только реакция Бенвея оказалась чуть менее быстрой, я, не задумываясь, отправил бы его на тот свет, и потом еще долго считал бы этот поступок одним из лучших в своей жизни. Но Бенвей словно бы создан был для поединков с доведенными до нервного срыва туристами. Неуязвимость и нежелание Бенвея драться (он ни разу не попытался меня ударить) только подливали масло в огонь.

Он словно бы демонстрировал мне, что ни во что меня не ставит как противника, и это было большее любых возможных в данной ситуации физических страданий. Привлеченные шумом битвы, из окон дома начали высовываться люди. Они принялись что-то кричать и улюлюкать. А одна особо злобная старушенция вылила на нас содержимое ночного горшка.

Вместе с агрессией меня покинули и последние силы. Я сел на землю, уткнулся лицом в ладони и зарыдал. Я ревел в три ручья, словно забытый родителями младенец, ничего не видя и не слыша вокруг. Я сам был этим плачем, и когда он иссяк, вместе с ним иссяк и я.

— Пожалуйста, идите в дом. Давайте я вам помогу, — тихим участливым голосом сказал Бенвей, наклонившись надо мной. Он помог мне подняться на ноги и, держа под руку, словно тяжелобольного проводил, в похожую на больничную палату комнату.

Какие-то люди, (Я видел все, как в тумане), помогли мне раздеться. Мне дали что-то выпить, а потом на меня надели домашний халат. Через несколько минут я провалился в приятное забытье.

...уже хорошо. Туман был таким, как надо: белесым, густым, однородным, готовым к трансформации и желающим трансформироваться... Теперь предстояло самое трудное: воспоминание. Надо было вспомнить плоть до мельчайших деталей, прежде чем дать туману команду приступить к трансформации. Вспоминать нужно было с особой тщательностью, иначе вместо себя можно было бы трансформировать туман в какого-нибудь хренокрылого монстра, хотя, как знать, возможно, когда-то давно именно таким монстром я и был, и лишь благодаря бесконечному ряду погрешностей превратился в двуруко-двуногое существо со странным самоидентификационным обозначением «человек»... На подобные мыли отвлекаться было нельзя, и «СОЗНАНИЕ» принялось за работу с нуля, с сотворения нового тумана, так как прежний уже был заражен посторонним образом. Благо, сотворение тумана у меня получалось уже хорошо...

One-two — Freddy comes for you
Three-four — better lock your door
Five-six — grab your crucifix
Seven-eight — gonna stay up late
Nine-ten — never sleep again
Never-never-never sleep again

Пел приятный девичий почти детский голос.

— Интересно, можно ли считать Фредди Крюгера дзенским мастером? — спросил Бенвей, когда я открыл глаза. — Я понимаю ваше состояние после всего того, что с вами произошло, и хочу, чтобы вы поняли, что это не было моим или чьим-то еще капризом, — говоря это, он выключил проигрыватель компакт-дисков, — не мы устанавливаем эти правила, но я не извиняюсь. Прежде чем продолжить наше знакомство, мы должны были выяснить, как функционирует ваш психический аппарат в экстремальных условиях, и не только. Но пока что вам вполне достаточно считать происшедшее своего рода проверкой.

— Думаю, вы не удивитесь, если я скажу, что мне глубоко насрать на ее результаты, — бросил зло я.

— Вы любите футбол? — спросил меня Бенвей.

— Никогда не понимал эту игру, как, собственно, и другие...

— Но хоть представление о ней имеете?

Мое лицо побагровело от злости.

— Извините, я не хотел ничего сказать, просто... Пожалуйста, извините, я... — принялся извиняться Бенвей. Он вдруг показался мне таким жалким и беспомощным, что я рассмеялся. От злости не осталось и следа. Не будучи столь быстро отходчивым, я решил, что это результат действия той «гадости», которую мне дали.

— Так вот, давайте попытаемся представить себе некий трехмерный футбол, — продолжил Бенвей объяснение, как ни в чем не бывало, — как трехмерные шахматы. На игровом поле — энное количество команд. Причем число «N» постоянно варьируется, но это неважно... не принципиально. Задача игроков — забить мяч в единственные ворота, которые в более или менее случайном порядке материализуются в различных координатах поля. СЕЙЧАС вы в этой игре — мяч. Именно вас гоняет по игровому пространству куча игроков, остервенело пиная ногами. Вас передают от одного игрока другому. Вас теряют, потом находят, потом снова теряют. И так до тех пор, пока не забьют в ворота. Вопрос: какова ваша задача?

— Не знаю... Наверно, оказаться в воротах? — растерялся я.

— Так выглядит задача мяча в голове игрока. Но вы не игрок. Вы — мяч.

— Тогда не знаю.

— Уже лучше.

— Не нужна мне никакая игра! — психанул я.

— А вот здесь вы правы только наполовину, — обрадовался чему-то Бенвей. — Изначально игра была вам нужна, как воздух, которым, кстати, вас наполнили тоже только ради игры. Ради игры, не ради вас, кто-то потратил деньги, построил стадион, построил завод по производству мячей, нанял игроков... Без игры вы были бы попросту не нужны. Но теперь, когда вы стали центральным предметом на этом поле, вас то и дело пинают ногами, не давая возможности остановиться хотя бы на миг, не говоря уже о чем-то большем. К тому же вы тоже вовлечены в игру. У вас есть любимая команда, любимый способ попадания в ворота, любимое место на этом поле, вот только у вас нет возможности влиять на собственную траекторию. Более того, вы даже думать не можете ни о чем другом, как об отдыхе после игры...

— Наверно, я не в том настроении, чтобы вести подобные беседы, — перебил его я, моя голова окончательно пошла кругом.

— Хорошо. Тогда мы поступим следующим образом: вам сейчас принесут вашу одежду, полностью почищенную и поглаженную. Извозчик отвезет вас домой, а когда вы решите, что хотите меня увидеть, просто поищите мою визитку в кармане ваших штанов. И не волнуйтесь, ТАКИХ сюрпризов больше не будет.

Вернувшись в номер, я первым делом безразлично сбросил с себя одежду и отправился в душ. Там меня и накрыло. Мое тело сразу стало вдруг настолько тяжелым, точно земное тяготение мгновенно выросло в несколько раз. Ноги стали как ватные, и, чтобы не упасть, я лег на дно ванны. Сливное отверстие я затыкать не стал. Закрыв глаза, я начал наблюдать за тем приятным ощущением, которое рождали в теле струи теплой воды. Я не

заметил, как вода начала проходить сквозь мою плоть насквозь, как сначала тело, а затем чувства и мысли, начали медленно растворяться и вместе с водой уходить через сливное отверстие в канализацию...

Проснулся я от собственного крика.

The lab 11

Слышали выражение «наша жизнь — игра»? Я с некоторых пор даже знаю название этой игры: Цирцея⁴.

И сегодня с утра у меня отчетливо оформилась мысль: а что, если Цирцея не является игрой? Можно сказать, что даже слишком отчетливо — мысль зависла в голове, как навязчивый мотив. Иногда такое бывает — помню, в ранней юности мне рассказали анекдот про то, как Штирлиц упал с крыши, чудом зацепился на край, спасся, но чудо распухло и мешало ходить. А через пару часов, вынужденно торча на рынке, услышал из репродуктора идиотскую песню со словами «Небо голубое, как яйца дрозда». Все, тот день в голове крутилась причудливая смесь средненького анекдота с совсем уж низкопробной песней. Если бы меня в это время пытался бы мысленно прощупать какой-нибудь телепат, он бы сошел с ума.

Вот и сегодня с утра в голове бродит — ни с того, ни с сего — одна настойчивая мысль.

Я, конечно, не хочу сказать, что человечество — это что-то серьезное. Кто-то хорошо сказал, что оно похоже на коробку спичек: и серьезно относиться странно, и несерьезно — нельзя. Но, может быть, Цирцея — это лишь проекция некоей более глобальной Игры?

В детстве я, как и многие, играл «в Чапая» шашками: на доске выставляются шашки, и играющие щелбанами пытаются сбить с доски шашки противника.

А теперь представим шахматы. Это — Игра. Но что, если взять шахматы и играть ими «в Чапая»?

В шахматах фигуры ходят по правилам. Уйти с доски может только та фигура, которая будет съедена противником.

Можно попытаться сменить правила — и тогда уход с доски будет следствием удачного щелбана противника....

Для того, чтобы сойти с доски, будучи шахматной фигурой, надо не менять правила игры, надо изменить себя — и просто сойти с доски, получив свойство «уметь ходить самому», которого не было изначально.

Так что, может быть, Цирцея — это не Игра, а всего лишь «в Чапая»? А саму Цирцею разыгрывает кто-то еще?

Все же глупо себя чувствуешь, идя, можно сказать, на свидание, и рассуждая при этом о чем-то то ли духовном, то ли дебильном. Впрочем, чаще всего первое обозначает второе...

⁴ См. «Сатанизм в терминах Цирцеи»: <http://warrax.net/89/circea.html>

А вот и скрипторий, мне — на минус второй этаж...

— Привет, — услышал я, как только лифт доставил меня на место, — кофе будешь? Ена приветливо улыбалась мне из-за своей конторки.

— Конечно. А какое?

— Арабика, классическое... Кстати, а очень дорогой и очень редкий сорт не хочешь?

Знакомы мы были всего-то... Да вообще, можно сказать, не знакомы. Познакомились здесь же, в скриптории, и позавчера я подвез Ену из, скажем так, загородной поездки. Но в голосе отчетливо слышался подвох. Дружеская такая подначка.

— Как-то не тянет. Арабика вполне устраивает, а «дорогое и редкое» — это чаще всего «тысяча процентов прибыли на идиотах, которые это купят».

— Не спорю, — улыбнулась Ена, но тут на самом деле есть оказия. Подарили баночку... Вот, оцени, а я пока кофе сварю.

Роскошно оформленная рекламка представляла собой лист А4, свернутый пополам. На первой странице была фотография кофейной чашки. Снято было профессионально — красиво и без излишеств. Просто светло-голубая скатерть, полная кофейная чашка, ложечка рядом и парок как завершающий штрих.

Развернув буклет, я начал читать:

«Как вы полагаете, из чего производят самый элитный и дорогой в мире кофе? Из определенного сорта кофе? А вот и нет — его производят из переваренных и вышедших из кишечника зверька рода виверр кофейных зерен.

Речь идет о знаменитом сорте кофе *Kopi Luwak*, которому нет равных по редкости и цене — \$320-400 за килограмм. Родом этот кофе из Индонезии — он произрастает на островах Ява, Суматра и Сулавеси.

«*Kopi*» по-индонезийски означает «кофе», а «*Luwak*» — это небольшое животное, разновидность циветты, зверька семейства виверровых.

Лювак живет на деревьях и является мелким хищником. А еще он очень любит зерна кофе, причем выбирает самые спелые и ароматные. Этого любителя кофе считали вредителем до тех пор, пока кто-то не догадался зарабатывать на нём огромные деньги.

Дело в том, что лювак съедает намного больше зерен, чем способен переварить. Непереваренные зерна кофе, которые проходят через пищеварительную систему Лювака, претерпевают некоторую обработку его ферментами. В результате вкус зерен меняется.

Так появляется на свет *Kopi Luwak*. Несмотря на своеобразное происхождение этого напитка, изготовители клянутся, что он удовлетворяет всем стандартам качества. Кофе этого сорта обладает карамельным оттенком и пахнет шоколадом.

Большая часть *Kopi Luwak* традиционно отправляется в Японию. Недавно скромная партия попала в США и взбудоражила местных профессионалов кофейного рынка. Некоторые сначала восприняли эту информацию о сорте как розыгрыш, но потом взяли по чуть-чуть на пробу и в целом остались довольны.»

Разворот украшало фото симпатичного зверька... Хорошо, что он просто сидел на ветке, а не производил сырье для элитного кофе.

Мысленно я высказал благодарность самому себе, что не повелся на предложение. На

обороте буклета был другой текст, напечатанный шрифтом помельче.

«Канадский исследователь Массимо Марконе (Massimo Marcone) задался вопросом, можно ли воспроизвести эффект, который делает Kopi Luwak самым дорогим кофе в мире: из-за того, что бобы до обжарки проходят через желудок хищного млекопитающего, килограмм такого кофе стоит примерно 1000 долларов.

Kopi Luwak производят в Индонезии — меньше 230 килограммов в год. А участвуют в этом процессе виверры (или циветты), они поедают бобы и выделяют из желез пахучий секрет — цибетин. Считается, что именно прохождение кофе через пищеварительную систему виверр придает Kopi Luwak неповторимые вкус и аромат.

Тем не менее, Марконе решил попытаться их повторить и отправился в Эфиопию, где есть и кофе, и циветты. Там ему пришлось варить кофе из бобов, которые он лично собирал в фекалиях виверр, пить его и сравнивать с настоящим Kopi Luwak.

В обоих случаях он обнаружил, что “пищеварительное” воздействие животных расщепляет белки в бобах на меньшие молекулы, а некоторые белки были выщелочены из бобов полностью, что делало кофе менее горьким.

Выяснилось, что Kopi Luwak не так-то легко скопировать, поскольку индонезийские виверры справляются с белками куда лучше их африканских коллег. Также оказалось, что медленный проход бобов через бактерии и ферменты в кишках животных подобен сквашиванию, здесь даже используются те же самые агенты — кисло-молочные бактерии.

Марконе уверен, что смог бы смоделировать весь процесс без участия виверр, но считает, что оно того не стоит: “Если даже мы сделаем это, то и тогда не сможем похвастаться, что у нас — самый редкий и самый дорогой кофе в мире”. Тем более, что исследователь, признавая отличия Kopi Luwak, не думает, что он чем-то лучше других сортов кофе.»

— Что скажешь? Не передумал?

Кофе был готов, и я подозрительно смотрел на чашку.

Заметив мой взгляд, Ена рассмеялась:

— Я этот кофе сама пить не собираюсь, не бойся!

Отхлебнул. Вроде бы арабика как арабика...

— Кстати, а почему внутри буклета указана цена втрое меньше, чем во второй заметке?

— Ну не я же это составляла... Может, этому исследователю кофе по такой цене продавали. Надо кому-то все же это подарить, только без буклета. Буклет — потом, как кофе выпьют.

— Садистка.

Ена засмеялась.

Кофе был действительно вкусный.

— Про шоссе все же расскажешь?

— Так я еще в машине все сказала, — улыбнулась Ена, — когда ты меня подвез.

— Вообще-то ты лишь засмеялась, — как-то невежливо буркнул я. В самом деле, сколько можно издеваться?

— А ты предпочел бы, чтобы я достала какую-нибудь палку и стукнула тебя по лбу?

— Не понял, — ответил я после небольшой паузы нейтральным тоном.

— Ты что, никогда не слышал, как дзен-мастера использовали посох? Били по лбу ученика, который не понимал очевидного. Собственно говоря, знаменитое «как звучит хлопок одной ладонью?» — это и есть намек «ща в лоб дам!»⁵. А один сатанист в таких случаях грозился использовать ножку от алтаря...

— При чем тут ножки от алтаря?

— При том, что алтарь с железными ножками. Надежнее, чем деревянный посох. Сатанисты — куда меньшие гуманисты, чем дзен-буддисты, знаешь ли.

— Ладно, можешь мне дать в лоб, но все же — почему дорога была куда длиннее, чем я помню, а ты вообще сказала разворачиваться — все равно не доедем.

— Понятно, что не доедем. Слышал термин «анизотропное шоссе»?

— Стругацких читал, — слегка обиделся я, — а потом куча идиотов начала это название использовать во всяких «литературных проектах» и тому подобном, мол — глубокомысленно-то как!

— Идиотов вроде бы здесь не присутствует. Я про самый что ни на есть буквальный смысл — шоссе в одну сторону. Ты же возвращался, шел сюда — это нормально. А вот отсюда до птицефабрики по шоссе доехать, дойти, да хоть допрыгать — нельзя. Потому что одностороннее. Вот и все.

— И почему так?..

— Не знаю, — пожала плечами Ена, — местные это давно знают, привыкли. Отдыхающие за город и не выходят, кроме как на экскурсии в море.

— А... Как же туда меня туда привезли?

— Алекс с Боном? Иной дорогой. Точнее, не дорогой... Другим путем. Дорога — это нечто уже проторенное, созданное другими. Есть места, в которые попасть можно только самостоятельно, не по дороге. По-моему, элементарно. Кофе остыл.

— Элементарно-то элементарно, но раньше я на такое не натыкался, — буркнул я и отхлебнул кофе. Тот действительно остыл.

— Что, никогда? — несколько удивленно спросила Ена, — Конечно, это не обязательно должна быть дорога....

И тут я залпом выпил остывший и уже невкусный кофе. Дверь в коридоре, в Лабе. К которой я как-то уже привык — а она, можно сказать, привыкла ко мне, и, проходя мимо, я ощущал не «закрывается», как в самом начале, а, скорее «пожди немного...». Коридор, который имел разную длину стен при измерении и одинаковую — визуально. Но к этому я давно привык, более того — удивление у меня было всего дня два, а потом все воспринималось как факт. Непонятный, но не более того.

— Вспомнил что-то? — дружелюбно поинтересовалась Ена, — Я же сразу сказала, что должно быть что-то такое, привычное для тебя, но удивительное для других...

Ее рассуждения и мои мысли прервал грохот. Обернувшись, я увидел открытую дверь лифта и кого-то в бесформенном, но пестро расшитом балахоне, копошившегося на полу в попытках встать. Точнее, встать он пытался не с пола непосредственно, а с чего-то большого и деревянного, что прижимало края балахона к полу в нескольких местах.

⁵ К сожалению, интерпретация не моя — заимствована у Терри Прачетта.

Я взглянул на Ену — что это? — та недовольно поморщилась.

— Пойдем поможем.

Я встал и подошел поближе. Уже подав руку, чтобы помочь встать, я узнал потерпевшего — в первое посещение он сидел в читальном зале слева. По крайней мере, балахон был очень похож, и возраст совпадал — как говорится, «преклонных годов». Но при этом весьма крепкий старик. Это можно было утверждать с уверенностью, так как предметом, который валялся на полу и явно был принесен странным посетителем, была здоровенная дверь. Из натурального дерева. В комплекте с дверной рамой.

Вырвав полу балахона из-под двери, старик буркнул что-то — хотелось бы надеяться, что все же благодарность, — схватил свою дверь и понес ее в тот же читальный зал.

— Пойдем куда-нибудь поедим, что ли, — предложила Ена, — он безвредный, но грохоту сейчас будет....

— А что он собирается делать с...

— Я и говорю: грохоту будет... Он надеется совершить квантовый переход через дверь. Закрытую, естественно. Сначала искал методы по всем научным книгам, потом занимался каббалистикой какой-то, а последние месяца два решил пойти, как сам заявил традиционным путем — балахон его видел? Мол, нужна вера в себя и связь с древними великими магами прошлого...

— Какими еще магами? — я уже вообще ничего не понимал.

— Великими. Которые умели совершать квантовый переход через дверь, хотя тогда и квантовой механике и не знали. Интуиция и способности. И балахоны, расшитые всякой фигней...

Ена явно начала заводиться — видимо, старикан ее успел достать. И сразу же я понял, чем именно. Из читального зала слева раздался сначала стук, а через полсекунды — грохот от чего-то массивного и упавшего.

— Пошли, — Ена дернула меня за рукав и решительно направилась к лифту, — он еще часа два минимум будет пытаться, стучаясь лбом о дверь и сшибая ее на пол. Хоть бы крепление какое сделал, чтобы не каждый раз все падало, скотина...

— Куда пойдем?

— Да какая разница...

— Вот все вы, женщины, такие — предоставляете выбор мужчине, мол, все равно, а потом оказывается, что вовсе даже не все равно, а не понравилось. А мы оказываемся еще и виноватыми, — я старался произнести это как можно более шутливым тоном, но уже сталкивался с таким подходом не раз и решил подстраховаться.

Ена хихикнула — мол, а ты как думал? — и замахала рукой извозчику. Тот остановился.

— Поехали!

— И куда? — забираясь в традиционный для этого острова кабриолет (или как он там называется правильно?). Как ни крути, автомобиль и трясет меньше, и сидеть в нем удобнее.

— Дай монетку.

Вопросительно посмотрев на Ену, я полез в карман. Какая-то мелочь там была, и я протянул восемнадцатипенсовую монету.

Привык, кстати говоря, я к местной монете быстро. Исключительно благодаря тому, что при выходе в город я вполне мог брать на выходе с территории The Lab «денег на два пальца с полки», вспоминая старый анекдот, и считать мне их особо не требовалось.

Рекламные проспекты расписывали «экзотичность», «нестандартность» и «оригинальность» денежной системы, «которые помогут отвлечься от суровых и нудных будней метрической системы». Действительно, то, что система счисления для денег была одиннадцатиричной, можно было назвать вполне оригинальным решением. Собственно говоря, монета была «в переводе» на девятнадцать пенсов, что, сами понимаете, не облегчало подсчеты. В местном динаре было двадцать пять с половиной пенсов, а, кроме того, в обращении были дихремы в двадцать семь (в десятичной системе).

Что бы не говорили об экзотике, причина была очевидна — ни один нормальный человек не сможет подсчитывать требуемые суммы с ходу, а пользоваться калькулятором при оплате на столь престижном курорте... ну, вы понимаете.

— Решка — налево, орел — направо, — прервала мои размышления Ена и подбросила монету, ловко поймав ее на запястье, — Кэбмен, налево!

Я протянул руку, взял монету и внимательно ее осмотрел. То, что было на реверсе, на орла не походило ни в малейшей степени, разве что очень мутировавшего — какое-то мифическое животное.

— А почему «орел»? — решил я все же поинтересоваться.

— Не знаю, — пожала плечами моя спутница, — стандартная поговорка... Почему аверс называется «решкой», я тоже не в курсе. Бросай, сейчас перекресток будет.

— Орел. Извозчик, направо!

— Давай монету, следующий перекресток я кидаю.

— Держи. Кстати, а как определим, когда надо остановиться?

— Не знаю, — нимало не смутившись, ответила Ена, — может, в тупик заедем...

— И всенепременно там будет самое лучшее заведение на острове, — скептически заметил я.

— Обязательно! — улыбка была настолько очаровательна, что возражать я не стал.

Мы проехали еще с десятков развилок, я в очередной раз бросил монету, уже привычным движением подставил руку — но монеты не было. Ена рассмеялась:

— Вот и знак, что пора выходить!

Недоуменно я посмотрел вверх — в пологе над нашим диванчиком виднелась небольшая дырочка. Возможно, я слишком сильно подбросил монету и она как-то очень точно улетела именно в нее... Но не верится.

— Выходим, — слегка пихнула меня в бок Ена, — чего задумался.

Мы вылезли на какой-то площади, извозчик поехал дальше. И ровно напротив себя я заметил тот самый памятный ресторанчик, в который я когда-то заходил отнюдь не с целью пообедать. Странное совпадение.

Мне стало одновременно любопытно, что изменилось после того случая, а заодно и проверить меню. Может, стоит зайти еще раз? В принципе, можно оформить как эксперимент для закрепления условных рефлексов в мини-социуме или еще что...

Ресторан был переделан, но не так, как я ожидал — местные затейники превратили те

события в рекламу. Угол зала был огорожен полицейской лентой «не заходить за черту», на полу — обеденные мелом (нет, краской) силуэты трупов, пятна крови — думаю, тоже бутафорской. Стены отремонтированы, но в огороженном углу оставлено все, как было. Гм, я даже и не думал, что столько пуха выпустил...

«Человеческое, слишком человеческое», как писал великий философ. Не помню, у кого именно из фантастов, кажется, у Лема, было описание человеческих баров «с инопланетной стороны» — действительно, есть, смотря на извивающихся обнаженных самок своего вида, странное извращение на взгляд тех, кто размножается то ли делением, то ли спорами... Впрочем, с моей — тоже. Мужчине всегда приятно не просто пообщаться с умной и красивой девушкой (вот, например, Ена...), но и показать ее другим. Статусное — альфа-самцы, примативность и все такое. Работает даже для тех, кто осознанно не играет в социумно-иерархические игры. Впрочем, обычно напоказ выносятся именно «внешняя красота, продаваемая за деньги» — притягиваются, вопреки распространенной поговорке, не противоположности, а либо дополнения на высоком уровне, либо разные формы одного и того же — на нижнем. В данном случае пустота притягивается к пустоте... «Как познакомиться с девушкой? Надо ей сказать, что вы вовсе не такой высокий, просто сидите на своем бумажнике». «Надо быть очень умной, чтобы казаться прелесть какой дурочкой».

Но это хоть как-то можно понять, но как понять тех, кто приходит вроде бы поесть, но при этом смотрит на стриптиз? Понятно, зачем это показывают: клиент засиживается подольше, ублажается, расслабляется, с него можно настричь больше купонов и обсчитать на пару дополнительных хрустящих (пока новые) бумажек. Понятно, когда в низкопробном баре для дальнобойщиков в американских фильмах наряженные под ковбоев американцы хором исходят слюнями, вопят «тема сисек раскрыта!!!» и засовывают согнутые купюры в трусики танцовщицы. Именно поэтому закон во многих местах запрещает стриптизершам раздеваться полностью — деньги будет засовывать некуда, а с сумкой на боку как-то не эстетично и чересчур навязчиво. Но в солидных заведениях, когда за столиками сидят солидные ~~кошельки~~ мужчины с любовницами, которые отвечают всех их стандартам, иногда даже с двумя одновременно, плятятся при этом на сцену, на которой даже не танцуют, а показывают... Ну чего вы там не видели-то?

Но это, знаете ли, статусное. Как, скажем, «Сотерн» урожая 1787 года. Продавец будет разливаться соловьем (механическим, с подзаходом — читали Андерсена?): «когда собирали этот виноград, Мария Антуанетта еще сидела в Версальском дворце, ждала, когда ей отрубят голову, Джеймс Уатт изобретал свой паровой двигатель, а в США еще не успели избрать первого президента», а покупатель при этом будет довольно похрюкивать — такой раритет, и меньше, чем за сто тысяч! Вот только отличит ли он этот «Сотерн» от, скажем, молдавского «Совиньон» 1993 года? Если налить в бокал, а не предъявить ценник.

Самым мощным стимулятором после секса для обывателя служит страх смерти. Причем он относится к нему, выражаясь языком психологии, нуминозно: он и притягивает, и страшит его одновременно.

Этот ресторан сыграл на втором: посетителям явно нравилось работать челюстями,

смотря на инсценировку в углу и тихо радуясь тому, что их лично в тот момент здесь не было. Некоторые из них хотели бы видеть в композиции и трупы, хотя бы восковые, но большинству это перебило бы аппетит, и допустимым максимумом воздействия были якобы кровавые пятна, слишком ярко-красные для натуральных.

Одновременно с оценкой обстановки я проглядел меню. Что ж, ресторан мог существовать дальше — прежней экзотики в меню не наблюдалось, да и вообще блюда стали куда более европейскими. Возможно, в рамках компании «дизайн под гангстерские разборки». Тем лучше.

Впрочем, почти жаль, что мотив пострелять здесь еще раз отпал... Странно, почему — вроде бы я все же не Мясник и даже не Стрелок, которым только дай повод.

Быстренько сделав заказ, я откинулся в кресле и взял уже принесенный бокал с пивом — что приятно, кружка была из холодильника. Ена заказала какой-то коктейль — ничего не имею против, но не понимаю. Как-то пролистал толстую книжку на тему «что с чем мешать», и понял, что помимо джин-тоника и «отвертки», меня ни на что не тянет. А это и коктейлем-то не назвать.

— Как тебе тут? — поинтересовался я ради приличия.

— Горячее принесут — скажу, — ответ прозвучал как-то слишком серьезно, — а пока, — Ена показала рукой на угол с инсценировкой, — даже романтично.

— Понято. Слушай, а что у тебя в библиотеке этот псих с дверью делает?

— Проходит сквозь, я же говорила, только у него не получается, — пожала плечами Ена, — Понимает все слишком буквально, как еще лоб не разбил...

— А как надо понимать?

— Ну... — Ева взглянула на меня как-то оценивающе, — ты в курсе, что многие эзотерические школы говорят об «остановке ума», «непосредственном восприятии» и так далее?

— Остановка ума, если правильно помню, это — к Великому вождю и Учителю Карлосу Кастанеде, — ответил я с легким сарказмом, — а непосредственность восприятия — это буддизм. «Флаг колышется» и все такое. А что?

— А это и есть попытки приблизиться к непосредственному восприятию. К тому, что есть на самом деле.

Обрадовавшись знакомой теме, я наизусть процитировал:

— Наиболее распространенным в Катманду культом является секта «стремящихся убедиться», — как там дальше-то... — Цель их духовной практики — путем усиленных размышлений и подвижничества осознать человеческую жизнь такой, какова она на самом деле. Некоторым из подвижников это удается, такие называются «убедившимися». Их легко узнать по постоянно издаваемому ими дикому крику. Пелевин, а как называется рассказ, забыл, извини.

— Тонко подмечено, — с некоторой задержкой ответила Ена, — но я несколько про другое. Понимаешь ли, то, что мы воспринимаем, вовсе не обязательно совпадает с тем, что есть на самом деле... Думаю, с этим ты спорить не будешь?

— Нет, — я отхлебнул еще пива. Вкусно.

— А с тем, что действительность субъективна?

— Без субъекта нет объекта, как нас учит Шопенгауэр! — оттарабанил я, — Кот Шредингера! Друг Дирака! Мышь... э-э-э... забыл...

— Эйнштейна, кажется, точно не помню, — слегка поморщилась Ена, — но, проща говоря, я всего лишь хочу сказать о том, что действительность и реальность — это не синонимы.

— Ежи это не только знают, но еще и кастанют, — с пафосом ответил я, — а вот и горячее несут.

Официант принес дымящиеся порции. Что радует — правильного размера, а не «ресторанная порция — половина нормальной».

— Не будем отвлекаться. Ты квантовую механику изучал?

— Сложный философский вопрос, — всю орудя ножом и вилокй, заметил я, — что-то такое проходил. Но в основном — мимо. Набл квадрат и так далее. А что?

— Квантовый переход — если совсем для тупых — это когда частица оказывается на другом месте, не проходя по стандартной траектории.

— Какая траектория? — на «совсем тупых» я решил слегка обидеться, — потенциальный барьер...

— Не имеет значения, — прервала меня Ена, — ты не зачет по физике сдаешь.

Я заткнулся.

— Главное, — ее тон стал назидательным, — что ты оказываешься в необходимом тебе месте таким образом, каким напрямую ты туда попасть не можешь.

— И?

— А иногда ты сам не знаешь, зачем тебе это место необходимо, — с этими словами Ена начала увлеченно копать в креветках.

Остаток вечера она посвятила тому, что тщательно избегала той самой темы, которую подняла сама.

БАРМАГЛОТ 12

Наверно, в ванной хорошо спать только с перерезанными венами. А вот с целыми... думаю, это как заниматься любовью в «Запорожье». Тело затекает, болит, остеохондроз начинает в полный голос заявлять о себе, и так далее. В общем, выбрался из ванны я не в самом лучшем расположении духа. Решив, что вытираться мне лень, я надел халат прямо на мокрое тело.

В моей гостиной, или как эта комната называется в гостиничных номерах, хозяйничали Алекс и Бон. Они достали из бара бутылку самого дорогого коньяка и теперь пили его, закусывая лимоном. Говорят, лимоном коньяк не закусывают, но пить эту одубовленную чачу глоточками по-моему извращение.

— Проснулся? — спросил меня Алекс, когда я нарисовался в гостиной.

— Присоединяйся, — пригласил меня Бон, ставя на стол еще одну рюмку.

— Какого хрена вы тут делаете? — опешил я.

— Пьем коньяк. Не видишь? — ответил Алекс.

— Ты не брал трубку и не открывал дверь, — сообщил Бон.

— И что? По-вашему, это повод чтобы так вот вламываться без приглашения в чужой дом и пугать до смерти людей?

— Вообще-то это не дом, а гостиничный номер, — съязвил Алекс.

— А вы никогда не слышали о неприкосновенности жилища?

— Да чего ты кипятишься, остынь. Мы же по-свойски, — начал говорить Алекс, но его перебил Бон.

— Мы можем, конечно, выйти, а потом зайти с ордером, — грозно предупредил он.

— С каким еще ордером? — не понял я.

— С самым что ни на есть обычным, — ответил Алекс, хлопнув себя по карману пиджака.

Я был настолько ошарашен происходящим, что забыл и про адвоката, и про права и про то, что я один из тех, с кем все же стоит вести себя несколько вежливей. Конечно же, сам по себе я был не бог весть какой персоной, но я был постояльцем Раксиса, а это все же кое-чего да значило. Раксис является главным кормильцем Толеро, и его владелец — фактически некоронованный король острова, а каждый постоялец — привилегированный гость короля. Это входит в стоимость... По крайней мере...

— Ладно, господа, какого хрена вам надо? — миролюбиво спросил я.

— Услышать более или менее внятный ответ, какого хрена ты делал в доме муниципального советника? — спросил Алекс.

— Какого еще советника?

— Я же говорил, по-хорошему с этой публикой нельзя, — заметил Бон.

— Подождите. Несколько дней назад я был выписан из психиатрического отделения, и сейчас нахожусь на амбулаторном лечении у Доктора Раймонда Кессинджера. Его визитка должна быть среди моих документов. Дело в том, что я стал жертвой...

— Под дурака косить вздумал? — зло спросил Бон, — так это без проблем. Наденем браслетики, отвезем в управление, а там тебе будет и адвокат, и психиатр...

— Вот только нахрена тебе это нужно? — спросил Алекс.

— Да не хочу я ни под кого косить! — разозлился я, — меня какой-то хрен накормил кислотой или чем-то еще, и меня до сих пор накрывает.

— Мы тебе сочувствуем, — сказал Алекс.

— Или завидуем, — сказал Бон.

— Тогда давайте вы мне нормально объясните, что вам от меня нужно, а я постараюсь ответить на все ваши вопросы.

— Хорошо, — согласился Алекс, — тогда я тебе кое-что расскажу. Дело в том, что ты уже не первый гость в доме советника, и он, будучи не особо лояльным человеком по отношению к незванным визитерам, настоятельно попросил нашего шефа присмотреть за домом, и когда патрульный полицейский обнаружил следы несанкционированного проникновения, вызвали нас. Ну а мы нашли целую кучу твоих пальчиков. И вот мы здесь.

— Сегодня я действительно был в гостях у господина Бенвея, которого мне рекомендовал Моисей... Черт, фамилия вылетела из головы, но в последние дни он все время вертелся возле меня, так что в ресторане гостиницы его должны знать.

— Это все здорово, вот только советника зовут далеко не Бенвеем. Бенвеев нет у него

ни среди родственников, ни среди слуг, ни даже среди собак.

— Хорошо, я расскажу все, как было.

И я рассказал все.

— Хочешь сказать, что некто любезно принимал тебя в доме советника, выдавая себя за хозяина дома? — недоверчиво спросил Алекс.

— Скорее всего, это так.

— Скорее всего? — нахмурился Бон.

— Есть еще шанс, что меня снова накрыло.

— Ладно, давай прокатимся в управление, — предложил Алекс.

— Но я же все рассказал.

— Расскажешь еще раз шефу. Одевайся.

К счастью, обошлось без наручников и прочих унижений. Алекс и Бон вели себя более чем корректно, и все, кто видел нас выходящими из гостиницы, увидели трех задушевных приятелей.

Управление находилось в шестиэтажном доме за пределами туристической зоны. Судя по вестибюлю, управление больше напоминало гостиницу, чем государственное учреждение, и даже служащие были одеты в обычные «штатские» костюмы. Наверно, если бы к нам подрулил какой-нибудь посыльный, портье или консьерж, я бы не удивился.

— Нам сюда, — сказал Алекс, толкая дверь с надписью «Посторонним вход строго запрещен».

За дверью был небольшой тамбур и лифт. Вместо кнопки вызова было устройство для чтения пластиковых карт.

Бон засунул в прорезь свой пропуск, и через минуту двери лифта раскрылись.

Вместе с нами в лифт вошли два типа в комбинезонах с надписью на спине: «Служба технической поддержки». Они появились в тамбуре, что называется, в последний момент.

— Извините, господа, — сказал один из них, — небольшой тест. Это займет не больше минуты. Еще раз извините.

Сказав это, он с быстротой виртуоза пианиста пробежал пальцами чуть ли не по всем кнопкам. Панель отъехала в сторону, и за ней появился интерактивный экран, к которому другой уже тип приложил ладонь. Свет на мгновение потух, а потом в лифте заработал мощный стробоскоп. Вспышки света были настолько яркими, что вызывали боль в глазах. Я зажмурился.

— Можешь открыть глаза, — услышал я через несколько секунд.

То, что я увидел в следующее мгновение, заставило меня закричать. На полу лифта лежали мертвые Алекс и Бон. Из глаз, носа и ушей у них текла кровь.

Педагогический удар под дых заставил меня замолчать.

— Вот так уже лучше, — улыбнулся мне ударивший. — Полегчало, или еще?

— Спасибо, хватит, — хватая ртом воздух, ответил я.

Только когда лифт резко остановился, я понял, что мы достаточно долго ехали вниз. Дверцы открылись, и... То, что я увидел, заставило меня попятиться назад. Сразу за лифтом начинался длинный узкий коридор. Примерно через каждый метр из стены

торчали зловещего вида стволы калибра противотанкового ружья, над которыми горели красные глаза прицелов. По нашим телам заплясали характерные пятна красного цвета.

— Не обращай внимания, — сказал мне один из типов, — это для психологического эффекта. Прицелы роботов работают в другом диапазоне, невидимом для глаз.

— Но согласишься, эффект великолепный, — вставил другой тип.

Эффект был настолько великолепным, что мне вообще расхотелось выходить из лифта. Поняв это, оба типа, как по команде, слегка подтолкнули меня в спину.

— Иду, иду, — поспешно заверил я, выходя из лифта.

Пройдя метров двести по коридору, мы вошли в похожую на стоматологический кабинет комнату, посреди которой стоял гибрид электрического стула со стоматологическим креслом.

— Прошу, — мне указали на кресло.

— Господа... я... я... я все скажу.

— Разумеется. Да ты не бойся, больно не будет.

— Я действительно все скажу... что я не понимаю...

Взяв меня под руки, типы настойчиво, но без грубости усадили меня в кресло, затем один из них защелкнул фиксаторы на руках, ногах, на уровне груди и в районе лба, в результате я при полном своем желании не смог бы пошевелиться. Затем тип надел мне на голову похожий на мотоциклетный шлем, связанный толстым пучком проводов с компьютером, за которым все это время возился второй тип.

— Тебе удобно? — спросил меня первый тип.

— Господа... может, не надо... я и так... — запричитал в ответ я, но тот меня брезгливо оборвал:

— Да успокойся ты, — прикрикнул он, — ничего плохого с тобой не будет. Заткнись и сиди спокойно.

— Готово! — радостно сообщил второй тип и нажал на клавишу «ENTER».

Я приготовился к мучительной боли или мощному электрическому разряду, но никаких неприятных ощущений включение оборудования не принесло. Наоборот, я почувствовал, словно кто-то приятно поглаживает меня рукой по голове.

— Кстати, можете звать меня Менгеле, — представился первый тип, садясь на табурет подле меня.

Второй решил сохранить анонимность.

— Скажите, господин Ка, вы помните, откуда вы узнали об этом замечательном острове?

— Не помню, — признался я.

— Я вам напомню. Вы нашли в почтовом ящике туристический буклет, после чего у вас появилось непреодолимое желание «непременно там побывать». При этом вы даже не подумали о том, что никогда раньше ничего не слышали ни о Раксисе, ни о Толеро. А знаете, почему?

— Если честно, я об этом не думал.

— А зря, потому что если бы вы об этом хорошенько подумали, вы бы поняли, что острова Толеро нет ни на одной карте, о нем нет ни одного упоминания, его просто нет.

— И?..

— Я повторяю, в той реальности, откуда вы прибыли сюда, этого острова нет, и никогда не было. И вы, где-то в глубине подсознания знаете, что это так, — продолжал он, — как знаете и то, что отсюда нельзя, например, улететь на самолете. В данном случае самолет — это модифицированная версия ладьи Херона, а он, как известно, возит только в один конец. Помните как в песне? «Все равно поезда никогда не уходят из уездного города N». Кстати, вам только кажется, что вы прибыли сюда на самолете, как до этого казалось многое другое. Вы же не поверили в версию о наркоте в супе? Я знаю, что не поверили.

— Я что, умер? — решил вдруг я.

— Нет, что вы, упаси бог! — рассмеялся он, — Вы не живее всех живых, но и мертвым вас назвать...

— Готово, — сообщил второй тип.

— Отлично, господин Ка, теперь можете рассказывать.

— С чего начать?

— С начала.

До этого момента я не подозревал, сколько мучений может доставлять обычное задавание вопросов. Меня заставили, наверно, раз двести повторить автобиографию, вдаваясь в мельчайшие подробности и детали. Менгеле интересовало буквально все, а когда я не в состоянии был дать вразумительный ответ, второй тип менял настройку шлема, и интересующее их воспоминание появлялось в моей голове с необычайной отчетливостью. Они прекратили меня пытаться, только когда я не смог больше назвать даже своего имени. После этого с моей головы сняли шлем, и разомкнули фиксаторы.

— Вот и все, господин Ка, — сказал Менгеле (казалось, он был неутомимым, по крайней мере, выглядел он также свежо, как и перед началом процедуры допроса), — как видите, ничего страшного с вами не произошло. А это, — он достал из ящика стола шприц с белесой мутной жидкостью, — поможет вам прийти в чувства.

Я хотел, было, сказать, что я в порядке, но мышцы лица были настолько чужими, что я не смог даже открыть рот. От испуга я попытался вскочить на ноги, но вместо этого мешком свалился с кресла на пол.

— Не глумите, господин Ка, — принялся уговаривать меня Менгеле, — это лекарство должно вам помочь, а иначе вы, как тот ежик, забудете, как дышать и задохнетесь.

Оба типа рассмеялись. Мне было не до смеха.

Укол подействовал благотворно, и уже минут через пять я мог вполне сносно говорить, (правда, при этом немного шепелявить и растягивать слова), и двигаться.

— Итак, господин Ка, — сказал Менгеле, — теперь вы работаете на нас. Надеюсь, вы не против?

— Что я должен делать? — спросил я, решившний раз не нарываться.

— Все то же самое. Только теперь, если на вас выйдет Бенвей или еще кто-нибудь в том же духе, просто сообщите нам по этому номеру, — он положил в карман моей рубашки визитку какого-то общества защиты блох, — после того, как вы наберете номер, дождитесь коротких гудков. Затем скажите: «Макс, это — я». После этого можете смело

диктовать свой отчет. Кстати, в случае неприятностей позвоните по этому же номеру. Мы вас не оставим без помощи.

— А если действительно будет занято?

— Это уже не ваша проблема. На сегодня все. Вас подвезти?

— Думаю, мне будет лучше пройтись пешком.

Психика требовала разрядки, и я действительно хотел пройтись пешком.

— Ну, это как вам будет угодно.

— До свиданья, господин Ка, — сказал мне Менгеле у дверей лифта, — с нетерпением буду ждать вашего звонка.

— До свиданья, — ответил я, мысленно посылая его ко всем чертям.

У входа в подземный переход на Углу Всех Улиц как обычно отвешивала поклоны старая нищенка. Ее и без того, мягко говоря, непривлекательное лицо было изуродовано застарелым сифилисом. Она механически повторяла заученный за долгие годы работы какой-то жалостливый текст, но из-за прескверной дикции разобрать можно было одно лишь слово: «подайте», которое она произносила с ужасным подвыванием. При этом из ее беззубого зловонного рта вытекала жуткая смесь из гноя и слюны. Поговаривали, что вместо благословений старуха щедро одаривала прохожих проклятиями. Особенно доставалось тем простакам, которые, потакая своей глупой сентиментальности, бросали деньги в стоявшую у ее ног картонную коробку.

Брезгливо поморщившись, я на полной ходу проскочил мимо старухи, но уже в переходе внезапно остановился.

— Какого черта! — сказал я себе и вернулся назад.

Я встал в нескольких шагах от старухи, и посмотрел на часы, словно у меня здесь назначена встреча. Когда же она нагнулась подобрать брошенную каким-то уродом монету, я подскочил к старухе и мастерски дал ей пинка, от которого она кубарем полетела вниз по лестнице. К сожалению, мне не дано было в полной мере насладиться результатом своих трудов — принявшая сторону поверженной наземь нищенки общественность вспылала жаждой расплаты. Недолго думая, я бросился бежать. Вскоре погоня отстала, и я перешел на шаг.

Едва я вернулся в номер, зазвонил телефон.

— Господин Ка, это Моисей. — сказала трубка знакомым мужским голосом.

— Ну? — не очень дружелюбно спросил я.

— Нам надо поговорить. Это срочно. Спуститесь, пожалуйста, в вестибюль.

— А позже нельзя?

— Это не терпит отлагательств.

— Ладно, — буркнул я в трубку.

Моисея я не узнал. Свое смешное одеяние он сменил на шорты, шведку и кроссовки на босу ногу.

— Пойдемте пройдемся, — предложил он.

— Далеко?

— Думаю, да.

Он не соврал. Мы шли около часа максимально возможным быстрым шагом.

Остановились мы только возле скалы, расположенной в «дикой» части острова. У подножия скалы рос колючий и, как мне всегда казалось, непроходимый кустарник. Но среди кустов была протоптана практически незаметная тропинка. Так что к месту назначения мы прибыли почти без потерь. Тропинка привела нас к входу в пещеру.

— Надеюсь, вы не страдаете боязнью пещер? — спросил Моисей, входя внутрь. Вместо ответа я проследовал за ним.

Пройдя по длинному извилистому «коридору», мы оказались в довольно-таки просторной «комнате» с высоким «потолком», сквозь отверстие в котором внутрь проникал лунный свет.

На одной из стен я увидел рисунок, образованный игрой лунного света и тенью. Это были две колонны и череп с костями. Причем это великолепие было сделано так, что увидеть осмысленное изображение можно было только лишь в определенную фазу луны в строго определенное время.

— Это Иахин и Воаз, — пояснил Моисей, указав на колонны, словно эти названия для меня что-то значили. — Знакомый символ, не так ли? — спросил он, имея в виду череп с костями.

— Настенная пиратская живопись?

Честно говоря, этот знак меня немного разочаровал. Я уже был в курсе, что для большего притока туристов на острове было создано несколько заманух в виде древних пиратских кладов или подобных пещер. Здесь и на тайнах делали деньги.

— Ах да! Пираты, — рассмеялся Моисей, — «Веселый Роджер», Стивенсон, «черная метка» и все такое. Это мы помним все, при этом большинство из нас даже не догадывается, что когда-то под этим флагом бороздил моря тамплиерский флот.

— Тамплиеры?

— А потом и масоны. Они получили этот символ по наследству. К тому же вряд ли пираты были знакомы со священными колоннами.

— И что? — спросил я.

— А то, что происшедшее с тобой, — он вдруг перешел на «ты», — напрямую связано с одной из масонских тайн. Именно эти колонны образуют дверной проем, сквозь который возможен квантовый переход.

— Куда? — спросил я.

— Что куда?

— Куда переход?

— Вы это узнаете в свое время, а пока... Сейчас нам лучше уйти. Не стоит дольше тревожить духов.

The lab 12

Никогда не понимал, почему и зачем девушки обожают игру «он должен позвонить первым». Казалось бы — общаться приятно и с той, и с другой стороны, какие проблемы? У кого мысль первой возникла — тот и звонит.

Но нет — даже ратующие за равноправие полов (не путайте только с феминизмом)

будут ждать, чтобы мужчина позвонил сам. Еще и норовят обидеться — мол, что так долго?

А ведь давно известно, что выбирает всегда женщина, мужчина же лишь может согласиться или не согласиться с выбором. И, делая звонок первой, выбор она хотя бы слегка подтверждает. Поэтому логичнее звонить как раз ей.

Ена же куда-то пропала на неделю, хотя обещала позвонить на днях сама. Сейчас решил позвонить ей — не идти же на принцип? Но трубку, магический кристалл или что еще с той стороны — никто не поднимал. Ни по личному номеру, ни по рабочему — в скриптории.

Пойду, прогуляюсь. Зайду в скрипторий — может, Ена сменила работу?

Если решение принято — выполнять его следует быстро, так что я встал, открыл дверь, и почти уже пошел к лифту. Далее «почти» дело не продвинулось: около двери лежал пакет. На вид — бандероль, на конверте стояли штампы почты, были наклеены марки... Откуда?!

Почтой у нас, как понимаете, не пользовались. Разве что электронной, но пакет был материален до отвращения.

Я присел на корточки и рассмотрел пакет внимательнее. Почтового адреса у меня, да и ни у кого в Лабе, попросту не существовало — его на конверте и не было. Графа «куда» была не заполнена, и лишь в «кому» стояло мое имя. Причем не паспортное, а настоящее, которым я сейчас пользовался...

Обратный адрес был. Какая-то строительная компания «Независимые каменщики», отправитель — менеджер Поль Вечеровский... Не знаю такого. И даже не слышал никогда, если память меня не подводит.

Аккуратно я сдвинул конверт на несколько миллиметров. По тяжести — бумага, вряд ли бомба. Так, это уже паранойя... С другой стороны, здоровая паранойя никому еще не вредила, а вовсе даже наоборот. Да ну вас всех!

Я поднял с пола и вскрыл конверт. Там лежала газета. Наверное, со стороны это выглядело смешно, но я даже слегка отшатнулся.

Это была не просто газета, а та самая газета, подшивку которой я когда-то видел на птицеферме № 691.

Но когда я попытался найти газету сначала в продаже, а затем — в базе данных, то закончилось это ничем. Но вот он — свежий номер...

Как и все виденные мной на птицефабрике, этот экземпляр также был с пометками маркером. Но стиль отличался: если ранее все было исчеркано пометками вида «Чушь» или «Бред», то сейчас их не было, лишь два объявления были аккуратно обведены.

Первое гласило:

«Завтра и только завтра в клубе "BARMAGLOT"! Интеллектуальный семинар на тему "Игра в Цирцею"».

Я пожал плечами и посмотрел на второе объявление. Это был некролог. Удивившись, я посмотрел на заглавие рубрики — все правильно, объявления... Некрологи на последней странице занимали свое обычное место.

«В результате дорожной катастрофы погибли двое почетных граждан Толеро: Нил Маккензи и Поль Вечеровский...».

Но еще более интересны были фотографии умерших. Со страницы газеты на меня цинично улыбались Алекс и Бон.

Газета была датирована сегодняшним числом.

Да ну ее на хрен, эту газету! Еду в скрипторий, а с газетой разберусь вечером.

Бармен быстренько организовал мне карету, и я покатил по направлению к скрипторию. Кстати, какой идиот на острове решил, что кареты запрягаются тройкой? Всегда лошади запрягались цугом — либо по четыре, либо по шесть. А тройка — это из жизни русских крестьян. Или мелких помещиков. Сани, скажем, тройкой запрягали...

А тут и выглядит странно, и на улице сложно разъехаться. Впрочем, местные отдыхающие и не такое стерпят, они же заплатили за экзотику — вот она и есть.

Лифт привычно доставил меня вниз. Но, сделав шаг вперед, я остановился, ошарашенно оглядывая помещение. Кажется, здесь сначала кто-то устроил глобальный дебош, а затем кто-то очень странный начал ремонт, который был в самом разгаре, просто все ушли пообедать и заодно покурить какой-то крепкой дури, иначе достигнуть такой живописности беспорядка невозможно.

На полу валялись кирпичи, какие-то бочки и прочий строительный хлам. Кирпичи при этом валялись кучками ровно по дюжине штук, но каждая кучка была сложена своим особым образом. А вот впереди, где когда-то была служебная перегородка, за которой сидела Ена, помещение было переделано странным образом: по бокам стояли две здоровенные мраморные колонны, причем из разного мрамора, а пролет между ними был заделан кирпичом на высоту больше человеческого роста.

Я осторожно, лавируя между кирпичами и мусором на полу, прошел в центр комнаты. Справа был зал, где я когда-то изучал выданный мне Еной документ... Мебель в нем была разломана на куски и валялась в беспорядке. Освещения не было, и я видел только тот участок, который освещался из коридора.

Слева был зал, где энтузиаст от оккультизма некогда пытался пройти через дверь. Я на всякий случай заглянул в комнату. Большой стол стоял на том же месте, но уже без книг на нем. Оплывшая свеча, чернильница перевернута, и чернила залили стол и стекла на пол... Внизу в луже валяется некогда белое перо. Чуть поодаль, когда глаза привыкли к темноте, я углядел ту самую дверь... Воспоминания вызвали улыбку: упорный старичок, идущий в любовную атаку, — это сильно.

Что-то мне показалось подозрительным, и через секунду я понял, что именно: дверь лежала не на полу, а на чем-то достаточно большом. Сделав шаг ближе, я почувствовал сладкий запах... Откидывал дверь, я уже практически зная, что я увижу. Труп старика. Борода задралась вверх, с носа (или изо рта?) вылетело несколько мух. Причина смерти была ясна: из левой глазницы торчал здоровенный циркуль. «Оригинальное орудие убийства», — подумал я и вышел обратно в коридор.

Колонны вблизи производили странное впечатление. Они как будто бы всегда были

здесь, хотя я ранее их и не видел. Массивные, уходящие основанием в пол и органично встроенные в потолок. Еще более странное впечатление производили вырезанные на них рисунки.

Левая колонна была из черного мрамора. Резьба в египетском стиле изображала человека, идущего среди десятков стражников к большим весам.

Белый мрамор, пошедший на правую колонну, был украшен резьбой, изображавшей множество народа с руками, протянутыми к восходящему Солнцу.

Над каждым рисунком было вырезано по одной из букв иврита. Языка я не знал, да и алфавит целиком тоже, но эти случайно помнил: «Йод» на правой и «Бет» на левой...

Что бы это значило?

Стена кирпичей между колоннами была приблизительно в два метра высотой, неровная, видимо, делали наспех, но при этом производившая впечатление прочности. Справа стояло корыто с застывшим цементным раствором, из которого торчал мастерок. Машинально, решив проверить, прочно ли застыл раствор — как давно это все тут лежит? — я пошевелил инструмент. Он провернулся неожиданно легко и отделился от застывшей поверхности с куском цементной корки. Под ним оказалась густая масса неопределенно-коричневого цвета, лениво скетающая с мастерка у меня в руке в корыто... Запах сказал мне все ранее, чем я успел удивиться, и я брезгливо бросил мастерок обратно в корыто.

Дерьмо.

Кому и зачем пришло в голову натаскать целое корыто говна, а затем аккуратно покрыть его цементом?

Но все же — что за стенкой? Я уцепился за верх кладки и начал подтягиваться.

— А вот и нашелся, — произнес кто-то за спиной удовлетворенно (как они подобрались? лифта я не слышал), и меня грубо сдернули назад и профессионально, в одно плавное движение, заломили руки за спину и защелкнули наручники.

Руки за спиной тут же подняли вверх, от чего пришлось согнуться, и по пути к лифту я видел только ноги: две пары, в одинаковых черных ботинках и черных же брюках. Но когда меня затолкнули в лифт, то дали распрячиться.

Я поднял взгляд.

— Бон? Алекс?!

— Ничего личного, — сказал один из них, и я даже не успел понять, кто именно, как второй заехал мне кулаком в солнечное сплетение коротким профессиональным ударом, и я согнулся в судорожной попытке вдохнуть воздух.

Вдохнуть мне удалось уже на улице, где, не церемонясь, меня кинули в ожидающий экипаж и уселись с обоих боков. Впереди маячил бритый затылок возницы с двумя складками на шее. Точнее, на весьма условном переходе головы в плечи.

Я уже понял, что старые знакомцы не особо настроены на дружескую беседу. С другой стороны, в мои планы не входило ехать, куда везут. Мало ли что, в конце концов?

Через три квартала я успел наметить точку бифуркации: доезжаем до следующего перекрестка, прямо как раз находится обычно людная площадь, и я выталкиваю Бона

влево вместе с дверью, вываливаясь на асфальт. Конечно, не привлекательно, но паника, свидетели... Стража, в конце концов...

Планирование прервал возница, дернувшийся и завалившийся на бок, хрипя и пытаясь схватиться за арбалетный болт, торчащий у него из груди. Думать было некогда — Бон с моей подачи проломил дверь и вылетел наружу, я — вслед за ним.

Асфальт, знаете ли, все же жесткий, и сгруппироваться в такой ситуации не всегда получается...

Очнувшись, я обнаружил, что наручники с меня сняты, а я лежу на Боне, у которого аккуратно перерезано горло. Хорошо, что кровь вытекала в другую сторону. Пошатываясь, я поднялся и поглядел вокруг. Возница свисал с козел с болтом в груди. С другой стороны виднелись ноги Алекса, которые лежали настолько равнодушно и спокойно, что я даже не пошел проверять, жив ли он. Но что меня больше всего поразило, так это отсутствие кого-либо вокруг. Ни на улице, ни на той части площади, которую было видно отсюда.

Видимо, мозги от удара все же повредились, и я решил вернуться в скрипторий — что там, за стенкой? Это вопрос стал для меня очень важным и выяснить его надо было безотлагательно.

Слегка пошатываясь, я побрел обратно. Уже через квартал мне начали попадаться навстречу прохожие, и вскоре они наполнили улицы привычным потоком. Я оглянулся, но отсюда уже не было видно, стоит ли толпа вокруг экипажа и трупов.

За последним поворотом был скрипторий... Вот только он был покрыт строительными лесами, по которым деловито шныряли рабочие. Рядом стоял строительный кран, деловито поднимавший какой-то блок, компрессор, бетономешалка, еще что-то строительное... И стояло явно не один день.

Я подошел к мужчине в строительной робе, каске и сигарой, которую он лениво курил.

— Извините, а скрипторий не работает?

— Мы уже неделю реконструкцию ведем, — лениво ответил тот, — Не работает и месяца два точно еще работать не будет.

— Еще?

— А как же.

Доктор Джекил налил по третьей. Каждый раз, когда мы сидели вот так, по-дружески, за литровой бутылкой на двоих, я вспоминал нашу первую встречу. Да уж, тест Роршаха — это и есть тест Роршаха...

У Джекила была приятная особенность — он появлялся с предложением «не вижу причин, почему бы двум благородным донам немного не выпить» только тогда, когда у меня было время и настроение одновременно.

Дружили мы давно, но по какой-то причине я не хотел рассказывать о происшедшем сегодня даже ему. Но упорно «не думать о белой обезьяне» я тоже не мог. Поэтому предпринял обходной маневр:

— А тебе никогда не приходилось сталкиваться с ситуаций «дежа ву наоборот», когда вот вроде бы был на месте, видел одно, а потом заходишь снова — и там совсем другое?

— Мне, — назидательно начал Джекил, — приходилось видеть многое. А слышать — вообще все, что угодно. Ты спрашивай либо конкретно, либо в общем виде, а не смазанными полунамеками.

— Скорее в общем виде, — я попытался замаскировать свой вопрос, но не думаю, что удачно, — Вот представь: ты нечто видишь привычное, а потом оно резко изменяется — и приходится считать, что либо ты в ранее глючил не по-детски, либо начал только что.

— Либо — неучтенный вариант, — кивнул Джекил, — Ты как к Лавкрафту относишься?

— Ну, честно говоря, уважаю, но не люблю. Бывает такое, скажем, в музыке я также отношусь к Led Zepplin или Rolling Stones. Ветераны-основатели, уважаю. Но слушать не могу — слишком близко они к рок-н-роллу еще. В общем, хотя человек от обезьяны и произошел, но с обезьяной я целоваться не буду, а вот с девушкой — с удовольствием... Тут я немного задумался, скрипторий со сстройкой — это ладно; не факт, что все это — не провокация того же Джекила или Менгеле, но Ена-то куда делась?

— Ну и что Лавкрафт? — вопрос Доктора вернул меня к реальности.

— Так же. Главная мысль у него интересная, но вот реализация... Во-первых, все достаточно стандартно. Некто куда-то зачем-то лезет или идет, а там нечто приводит его в такой ужас, что он сходит с ума. Вот, собственно говоря, и все. Дополнительно — очень уж занудно написано. Это не в претензию, тогда у большинства писателей стиль был такой. Но читать от этого не легче.

— Понятно, — Джекил кивнул, — Значит, Лавкрафт для тебя скучен, а не страшен?

— Ну, пугаться книги... — разливая по четвертой, продолжил я, — Я и в детстве этим не страдал. Кстати, не обращал внимание, как по-разному воспринимаются персонажи относительно их антропоморфности?

Доктор поднял на меня выразительный взгляд, отрезал кусок колбасы и попытался спасти его от наглого крыса, который прыгнул с полки на стол и удрал с колбасой на пол. Один-ноль в пользу хвостатого. Вон и второй поспешил в угол — пусть брат поделится...

— А им колбасу можно? — задумчиво спросил Джекил, осматривая тщательно отглаженные брюки. Следов протащенной по ним колбасы вроде бы не было заметно.

— Иногда — можно, не отбирать же. Так вот, у Лавкрафта есть два основных класса персонажей, не считая людей. Во-первых, конечно, это Великие Древние. Обрати внимание: они, несмотря на попытки описать их как страшных монстров, таковыми не являются. Они слишком чужды. Ну, есть у Ктулху щупальца на голове, и ладно. Ну и фтанг с ним. А вот во-вторых, есть шогготы. Которые изначально бесформенны, а в нашем мире нередко частично приобретают форму людей. Было в каком-то рассказе, помню — сидит кто-то за столом, до пояса выглядит как человек, а ниже — переплетение щупалец, которые вообще в какую-то грибницу переходят... Вот это и есть страшное, в отличие от Древних. Впрочем, даже не страшное, а... — я на секунду задумался, — отвратительное.

Доктор улыбнулся знаменитой улыбкой Менгеле (видимо, взял взаймы), налил еще по двадцать грамм и заботливо пододвинул ко мне маринованные грибы.

— Ну, за литературу! — произнес он тост, мы чокнулись и выпили. Грибы он принес очень даже ничего — явно не магазинные.

— Вообще, ты замечал, что отвращение вызывает не что-то совсем чуждое, но

извращенное каким-либо образом привычное и естественное?

Доктор кивнул с одобряющим видом. Что-то подозрительно мало он говорит сегодня... Но мысль я, кажись, додумал верно: стройка в скриптории вполне себе обычна, всякие приколы типа корыта с дерьмом под цементом — странно, но не сверхъестественно, да и строителю я поверил на слово, а, если задаться целью, то леса можно за час поставить — сколько я там без сознания валялся-то? Ладно, переведем разговор в общий вид, вот не хочу я говорить о скриптории, и все тут. Имею право.

— Скажем, если те же щупальца будут не у Ктулху, а вокруг рта обычного человека — это будет именно что не ощущение чуждого, а уродство, — продолжил я рассуждать вслух, — Как и осьминог с человеческой головой. Самое забавное, что все это распространяется и на расы, хотя, казалось бы, это один вид — так называемый хомо сапиенс. Помнишь, еще Дюринг сказал: «Между человеком одной расы и человеком другой расы может быть большая разница, нежели между человеком и животным»?

Джекил неопределенно пожал плечами.

— Ламарк же, выдвинувший теорию о влиянии среды на наследственные признаки организмов, все равно был вынужден признать, что... гм... Подожди секунду, — пришлось быстренько покопаться в компьютере, — вот, цитирую: «Вид есть совокупность одинаковых индивидуумов, неизменно повторяющихся из поколения в поколение, до тех пор, пока внешние обстоятельства сами не изменятся настолько, чтобы изменить их привычки, признаки и формы».

— Ты хочешь сказать, что человек одновременно появился в разных местах, и что разные расы произошли от разных «перволюдей»? Есть такая теория, но палеонтология, насколько мне известно, ее не подтверждает...

— Да по фиг, если честно, — перебил я, радуясь, что разговор ушел далеко в сторону, — вопросами палеонтологии пусть палеонтологи и занимаются. Я хочу сказать лишь то, что есть вполне себе наглядные эмпирические факты о том, что разные расы воспринимаются именно как разные виды психологически. Либералы и подобная публика упирают на то, что-де все люди, и, следовательно, — кстати, не понимаю, откуда берется это «следовательно», — равны между собой. Расологи бегают то с краниометрами, то с анализами ДНК. А на самом деле все просто: вопрос «почему оно так и откуда это взялось» очень интересен и важен. Но — для науки. А вот для того, чтобы в этот мире хоть немного сократилось количество маразма, вполне достаточно признать тот простой факт, что расы — именно что принципиально разные. Именно по психике, а не просто по цвету...

— Тоже мне, Америку открыл, — небрежно заметил Джекил, но я-то знал его уже не первый день, и видел, что он чем-то заинтересован... Странно, говорю я одни банальности, причем, если он сам не думает точно так же, то я готов сегодня больше не пить, а вместо этого съесть свою шляпу... Впрочем, шляпы у меня никогда не было. Ладно, фуражку Менгеле вместе с тотенкомфом на околыше.

— А самое забавное на мой взгляд, это два общеизвестных факта, которые практически никто публично не встраивает в ту же систему. Из-за чрезвычайной неполицорректности. Во-первых, существует множество ритуалов, калечащих тело, но

все они — у не-белых рас. Каждому ребенку известно, что негры прокалывали нос и уши и носили там здоровенные, — я замялся, — украшения, у них же существовали обряды отрезания пальцев в знак скорби... Обрезание, удаление половых губ и клитора — такое белому человеку в голову придет? А в некоторых местах — популярный народный обычай. Ритуальные шрамы, выбивание зубов и так далее — как-то не характерно для былой расы, не так ли? Даже татуировка делается скорее как шрамирование, а не как внесение краски в кожу. А вот промежуточная желтая раса, к примеру, делает правильные татуировки, но при этом у них в норме расписать все тело. Вспомнил — у якудза есть обычай отрезать себе мизинец как знак признания вины. То есть — распределение очень четкое.

Я глянул — Доктор слегка улыбался и внимательно слушал.

— А второй факт в том, что логично было бы предположить, что для каждой расы наиболее привлекательна внешность представителей той же расы. А на самом деле все не так. Ну, то, что у наших любимых отдыхающих, — я показал рукой неопределенно-вверх, в стороны поверхности, — есть заметная корреляция между черньюностью-волосатостью и тягой к блондинкам, спорить будешь? Так я и думал. Где-то читал, что в какой-то стране невесту перед свадьбой специально парят в бане, где удаляют с ее тела волосы каким-то примитивным способом, кажется, специальной глиной... Из чего легко сделать вывод, что, во-первых, женщины там волосатые, во-вторых, почему-то это местным мужчинам не нравится. Ладно, это я все равно не найду, где читал, давно было... Возможно, и выдумка. Но вот про готтентоский передник слышал?

— *Labiorum minorum*? Я все же доктор, хотя и не по этой части.

— Так вот, я читал, что как только население христианизировали и запретили удаление «передника» перед выходом замуж, то вспыхнули восстания, ибо девушки не могли найти себе женихов-соплеменников, так как даже по их туземным понятиям данное «украшение» не привлекательно. Папы римскому пришлось позволить аборигенам соблюдать старинный обычай, чтобы не было препятствий в распространении христианства.

— Гм, а где-то читал, что там наоборот, специально все это дело вытягивали, так как считалось красивым...

— Ладно, спорить не буду. Мы, в конце концов, оба не антропологи. Но с тенденцией-то ты согласен?

— Было бы сложно спорить. Но при чем тут Лавкрафт? Мы же вроде про него говорили?

— А очень просто. Великие Древние спят. И не очень-то стремятся просыпаться. А вот шогготы вынуждены паразитировать на людях, сливаясь с ними. Это проявляется как физически, так и ментально. Как я уже говорил, наиболее это выражено среди черной расы, которая привычно уродует свое тело, отходя от естественной человеческой формы. А сейчас проникает во все страны под предлогом мультикультурности. Вот еще в первой половине прошлого века мог бы кто-то представить, что белые люди будут заниматься пирсингом или, что еще показательнее, шрамированием? Белая раса всегда носила серьги в ушах, а не в носу или еще где. А шрамы украшали мужчину не сами по себе, а

именно тем, как они были заработаны... Сейчас же чего только не увидишь. Те же дреды — такие «шупальца» даже у негра на голове смотрятся странно, но у них в Африке хотя бы вода не везде есть. А вот когда на голове белой девушки такое, то сразу хочется спросить: а что, мытье головы уже отменили за ненужностью?

То же идет и в мозгах — вместо исконных ценностей белой расы идет размножение чего-то склизкого и аморфного. Прибыль вместо развития, «умение устроиться» вместо гордости, умение продать себя подороже вместо чести. Многие уже гордятся своей бесхребетностью и склизкостью: мол, в любую щелочку пролезу и там устроюсь. Что это, если не оккупация человечества цивилизацией шогготов?

— Мда, — после небольшой паузы сказал Джекил, — сильно. Вот, держи, — он протянул небольшой пластиковый прямоугольник, — это карта доступа на седьмой уровень. Тебя там завтра Мясник ждет на спецкурс. После обеда, успеешь отоспаться.

Я взял ключ-карту и машинально кивнул. Было приятно и несколько неожиданно — подаю надежды, так сказать.

— Ладно, по последней, и я пошел.

— Тут и осталось ровно по последней, так что проблем нет, — улыбнулся я.

— В том и заключается искусство пить, чтобы заранее рассчитать норму, и не взять меньше, так как, идя за добавкой, всегда возьмешь больше, — наставительно сформулировал Доктор, — Ну, за крепость желудка!

— В смысле? — уже выпив, спросил я несколько недоуменно.

— Я же сказал — завтра к Мяснику на занятия идешь, — доктор поднялся, кивнул на прощание и неспешно пошел к двери. И только тут я понял, что он не просто зашел, чтобы отдать мне карту доступа. Мог и не отдать, и наш разговор за бутылкой был одним из бесконечных текстов...

— Доктор Джекил! — окликнул я его, когда тот уже был в дверном проеме, — А вот если бы везде запретили смертную казнь, кроме одного-единственного преступления, то за что бы ты ее оставил?

— За увеличение энтропии мира, — не задумываясь, ответил тот и закрыл дверь.

БАРМАГЛОТ 12

В кафе за моим любимым столиком сидела Ена. Увидев меня, она приветливо помахала рукой.

— Привет, — сказал я, садясь напротив.

— Привет, — поздоровалась она.

— Как дела...

В общем, мы пили вино, разговаривали ни о чем, пьянели... С Еной было легко, и даже возникающие в разговоре паузы не казались нам чем-то катастрофически ужасным, как это обычно бывает. После третьего бокала мы уже были друзьями, а после четвертого захотели стать близкими. Причем это произошло абсолютно естественно и как бы помимо наших стараний.

— Ты когда-нибудь вкушал амброзию? — спросила Ена.

— К счастью, только косил.

Она улыбнулась.

— Хочешь попробовать?

— Разве из твоих рук. А где ее подают?

— Пойдем.

Она встала из-за стола и пошла к выходу. Оставив на столе какие-то деньги, я бросился за ней.

— Куда мы едем? — спросил я, садясь в карету.

— Ко мне, — ответила она.

Мы процеловались с ней всю дорогу, и из кареты я вышел пьяным скорее уже от страсти, чем от вина. Ена жила в окруженном высоченными деревьями симпатичном старинном доме за пределами туристической зоны. Больше о ее жилище я ничего сказать не могу — тогда мне было не до обстановки. Если бы на то моя воля, это произошло бы прямо на пороге, но Ена... Вырвавшись из моих объятий, она сказала:

— Сначала амброзия.

— А может ну ее нахрен? Я хочу вкушать тебя и только тебя...

— Нет! — резко перебила она. — Сначала амброзия.

— Амброзия так амброзия... Хоть цианид.

Я был слишком возбужден, чтобы вступать в спор. Тем более, что ее «сначала» обещало то самое «потом».

Ена достала из шкафа две золотые рюмки и обычную бутылку из-под дешевого вина. Но мне было не до этого несоответствия. Она наполнила рюмки.

— За любовь, — сказал я и залпом выпил напиток.

Я даже не успел почувствовать его вкус...

Двери лифта открылись, и я очутился в довольно-таки прелестном уголке практически дикой природы. Передо мной был пруд с квакающими лягушками — вот уж поистине настоящие ангелы, поющие Осанну на разные голоса. На берегу росли высоченные деревья, но вся земля под ними была буквально усеяна цветами. Среди этого растительного великолепия чинно бродили животные. Причем рядом с экзотическими представителями фауны я обнаружил пару обычных дворняг, резвящихся на цветущем лугу. Вот уж точно пастух и пастушка, — решил я.

На берегу пруда стояла увитая чем-то благоухающе цветущим беседка. В беседке был накрыт стол. За столом...

Совсем забыл сказать: Все это великолепие было расположено на крыше «самого высокого в мире небоскреба», как о нем писали газеты. Принадлежал этот небоскреб, как и множество заводов, газет, пароходов, Бармаглоту. За столом в беседке сидел он. Он курил стоившую целое состояние сигару и лениво смотрел на экран стоявшего напротив его кресла телевизора. По телевизору показывали умирающих от голода негритянских детей; извержения вулканов, цунами, ураганы, массовые расстрелы, бомбежки и прочее в том же духе.

— Привет, — сказал Бармаглот, — проходи, садись. Угощайся. Можешь не

скромничать, за это уже заплатили. Что будешь пить? Виски, вино, кофе, чай? Все лучшее. Кофе, правда, не тот, которым срут какие-то там твари. Несмотря на то, что это считается круто, жрать чье-то говно не по мне. Хотя мед я ем с удовольствием. Ну да мед — не говно. Мед — это перебродившая отрыжка насекомого выделений половых органов растений. Ну да ты ешь, пей, кури...

Признаюсь, уговаривать меня не было нужды. Я и так уплетал за обе щеки все, до чего мог дотянуться.

— А я тут пытаюсь натянуть на себя человеческую шкуру, — сообщил он, кивая в сторону телевизора.

— Ну и как? — спросил я с набитым ртом.

— Так уж устроены люди, что им надо все всегда сравнивать. Поэтому христиане не так уж и неправы, предусмотрев в своем раю окна с видом на ад. Только наблюдая за мучениями грешников и злорадствуя по этому поводу, способны праведники в полной мере насладиться райским блаженством. Хотя это свойственно не столько христианам, сколько людям вообще.

Я чего тебя позвал... Хотя нет, сначала расскажу одну весьма забавную историю, пусть она и не имеет никакого отношения к делу:

Один охотник нашел в джунглях раненого слоненка. Он пожалел его, выходил и стал слоненку и отцом и матерью. Тот привязался к охотнику, и ходил за ним все время, никому не давая его в обиду. Они не расставались ни на минуту. И вот однажды охотник допустил непростительную оплошность. Он поранил себя стрелой, отравленной ядом кураре. Как известно, яд кураре не убивает, а вызывает временный паралич, включая паралич органов дыхания, в результате чего жертва умирает не от яда как такового, а от удушья из-за неспособности дышать. Отравленного человека можно спасти, делая ему искусственную вентиляцию легких. И слон откуда-то это знал. Когда охотник отключился, слон аккуратно положил его ничком на землю и принялся осторожно делать искусственное дыхание, с ювелирной точностью надавливая ногой на грудную клетку охотника. Тот уже начал дышать сам, когда слону в нос залетела мошка. Чихнув, тот слишком сильно наступил на грудь охотника.

Поняв, что он натворил, слон заплакал. Он не отходил от тела своего друга, не ел и не пил, пока не умер от истощения.

Ну да это херня, лирика. Я пригласил тебя для того, чтобы сказать три вещи:

Во-первых, все, что вы знаете о масонах, иллюминатах и других тайных обществах — есть ничто иное, как некий гипертрофированный хвост ящерицы, по сравнению с которым сама ящерица настолько микроскопична, что вы ее попросту не замечаете. Так все эти многоступенчатые системы посвящения созданы исключительно для того, чтобы отвлекать внимание профанов и заставлять дураков бесплатно вращать мельничные жернова. И лишь маленькая группа людей, спрятавшаяся в тени этого нагромождения, в действительности и есть реальное тайное общество.

Во-вторых, каждый раз, когда мы имеем дело с так называемыми фактами, мы имеем

дело исключительно с нашей интерпретацией этих фактов. При этом многие из нас знают об этом, читали, слышали, соглашались, но, сталкиваясь с фактом один на один, полностью выпускают это из виду.

И в третьих, на самом деле неважно, говорят тебе правду или врут, важно то, зачем тебе этот говорят. Сегодня врут, то есть намеренно говорят неправду, исключительно незнакомые с психологией долбоебы, которых видно за версту. Тому же, кто хоть немного знает толк в науке манипулирования сознанием, врать совершенно не обязательно. Достаточно правильно говорить правду, чтобы получить необходимую реакцию публики на информационный посыл.

Теперь держи и поваливай.

Бармаглот всучил мне лист бумаги, на котором было написано:

ПРИГЛАШЕНИЕ:

Уважаемый организм!

Позвольте пригласить Вас совершить квантовый переход сквозь дверной проем!

Август к.

Очнулся я в карете. Ена была рядом. Она совала мне под нос флакон с какой-то вонючей гадостью. Судя по небу, поздняя ночь уже начала переходить в раннее утро.

Карета стояла возле небольшого, но весьма милого дома за пределами туристической зоны. Кучер был в длинном черном балахоне, а на голове у него был капюшон. В общем, ему не хватало только косы.

— Где мы? — спросил я.

— Это не важно, — ответила Ена. — Выходи, нас ждут.

Я вышел из кареты.

— Церемониться не обязательно, открывай дверь и входи, — сказала Ена, когда мы поднялись на крыльцо. Я так и поступил.

В слишком большой для такого источника света прихожей горела заботливо оставленная кем-то свеча. Она чуть не погасла от проникшего через открытую дверь ветра. Это настолько напугало тени, что они принялись носиться в панике по полу, стенам и потолку.

В также освещенной одной-единственной свечкой и оттого практически темной гостиной нас ждал Бенвей.

— Входите, господа, располагайтесь, — приветливо улыбаясь, сказал он. — Прошу принять мои извинения за неудобства... Обстоятельства заставили меня задержаться, в результате я не успел подготовиться к встрече...

— Опять вломились в чужой дом? — без малейшего намека на дружелюбие спросил я.

— Разумеется, — ответил он. — У меня нет дома, нет счета в банке, нет имени... Меня нет. Я — социальный призрак. Сегодня, мой друг, вы встречаетесь с официально несуществующим человеком. Да и Бенвей, кстати, это мое имя для вас, — он встал с кресла и театрально мне поклонился.

— Похоже, вас это забавляет.

— Мы вообще живем в очень забавном мире. Вершиной государственного управления считается массовое бросание бумажек в специально предназначенные для этого ящики, в специально отведенные дни. В ближайшем будущем на смену реальным придут виртуальные бумажки, и вершиной сего процесса станет массовая рассылка СМС. В качестве наиболее почитаемых экспертов СМИ демонстрируют нам артистов, священников, колдунов, тусовщиков, парикмахеров и прочую гламурную хрень, которая в принципе максимально далека от понимания обсуждаемых тем. Америкой и Европой правят пидоры, негры и феминистки. А так называемая Наука давно уже стала валютной проституткой, готовой лечь под любого, у кого туго набитый карман. В результате направление развития технологии или просто научной мысли устанавливают политики, богатые самодуры, попы и прочие общественники, не способные с первого раза произнести слово «синхрофазотрон». Как итог мы имеем массовую истерию вокруг клонирования и генномодифицированных продуктов. И так далее.

— У меня кое-что есть для согрева изнутри, — сообщила Ена, доставая из сумочки фляжку с бренди.

— Пойду принесу посуду, — решил Бенвей. — В ближайшие пару часов здесь я вроде как хозяин.

— Что ты знаешь о межпиксельном пространстве? — спросил он меня, вернувшись с бокалами.

— Ровным счетом ничего. Я вообще плохо разбираюсь в компьютерах.

— А здесь компьютеры не причем. Межпиксельное пространство — это такая же хрень, как пространство или время. Некая еще одна неопределимая грань реальности, которую ни наши чувства, ни до последнего времени приборы не были в состоянии зафиксировать. Его недавно в очередной раз переоткрыли.

— Переоткрыли? — механически переспросил я.

— Ну да. Согласно одной старинной легенде, межпиксельное пространство закрыли от нас драконы. Когда-то давно они жили в одной реальности с людьми, но позже, когда поняли, каков путь люди избрали в своем развитии, они отгородились от людей некоей ширмой, и теперь межпиксельное пространство нам недоступно. Остались одни лишь воспоминания. Так некие отголоски этой тайны присутствуют в масонских ритуалах, а их две колонны так вообще символизируют дверной проем в межпиксельную реальность. Кстати, учителя Карлоса Кастанеды отправились именно в межпиксельное пространство.

Замолчав, он изучающе уставился на меня, а Ена спросила:

— Тебе не интересно?

— Если честно, то я не понимаю, зачем мне было тащиться в такую даль, чтобы слушать эти сказки, — признался я.

— А затем, мой друг, что наука давно уже перестала быть независимой, — продолжил Бенвей. — Сейчас, когда независимая наука полностью канула в лету, о так называемых результатах исследования нужно судить с учетом источника финансирования. Другим приколом современной науки является то, что ее развитием управляют менеджеры, политики и общественники, ничего не понимающие в том, чем они пытаются управлять. Так, например, в истерии вокруг клонирования роль дирижера и первой скрипки

принадлежит тем, кто меньше всего способен понять, о чем вообще идет речь. Источники финансирования требуют демонстрации причем доступной их пониманию. В результате одной из таких демонстраций ты и оказался здесь, на этом острове.

— Хочешь сказать, что меня забросило в параллельный мир?

— Параллельными считаются те миры, где всем все параллельно. Ты же находишься в межпиксельном пространстве. И здесь все совершенно иначе, чем там. Поэтому твоя психика справляется со всем этим с таким трудом. Ей приходится адаптировать не подлежащие адаптации вещи, а это сложно. Вообще удивительно, что твои мозги до сих пор не сгорели, как у других.

— У других?

— Ну да, ты не Гагарин и даже не белка со стрелкой. Ты далеко не первый, но пока что единственный, кто сумел продержаться так долго. И знаешь, почему? Тебе повезло обзавестись здесь своим покровителем. Твое сознание воспринимает его как Бармаглота.

— Так вы его знаете? — обрадовался я.

— Да, но не так, как ты. С его реалиями твоя психика вообще не может справиться, поэтому ты видишь его в причудливом виде и только во сне. Но если ты будешь следовать за ним, он, может быть, и сумеет вывести тебя из этого лабиринта.

— А Ли? — спросил я.

— Она твой якорь или страховочный канат. Здесь ее нет, но ее образ вложили в твое сознание, прежде чем отправить тебя сюда. Это они сделали для того, чтобы ты вернулся. Но в твоей исходной реальности ее тоже может не быть...

— Надо уходить, — перебила его Ена.

— У нас гости?

— Будут минут через тридцать, но уходить надо сейчас.

— Что за женщина! Настоящее сокровище! — восхищенно заявил мне Бенвей. — Всегда чует опасность, причем сама не знает как. Ладно, пошли.

Мы вышли первыми. Ена, не оглядываясь, пошла быстрым шагом по улице. Я же, забыв о том, что стало с Орфеем, оглянулся. Бенвей выходил из дома. Он запер на ключ дверь и положил его под камень у порога.

— Если ты не задашь этот вопрос, ты не сможешь спокойно спать, — сказала мне Ена, когда мы прошли с ней молча квартала два.

— Ты что, мысли мои читаешь? — удивился я, насколько точно попали ее слова в цель.

— Это другой вопрос.

— А что бы вы делали, если бы нас там кто-то застукал?

— Смотря кто. Если полиция или сторож, мы для начала бы поздоровались, затем, пригласили бы выпить. Потом объяснили, что хозяйева пригласили нас погостить, а сами попали куда-то по дороге.

— А если бы это были хозяйева?

— Тогда бы мы смутились и принялись долго извиняться. Мы — чертовы идиоты, — сказали бы мы, — наверно, мы перепутали дома, принесли бы еще пару тысяч извинений и предложили бы компенсацию за неудобство. В результате нас бы оставили в доме хоть

до второго пришествия и даже угостили бы выпивкой.

— Ну а если бы не прошло и это?

— Тогда бы мы впали в крайнюю форму негодования и неловкости. Ты только представь, некто, не важно кто, приглашает нас к себе на дачу, говорит, где лежит ключ, а сам посылает нас в совершенно чужой дом к незнакомым людям. И теперь мы, как какие-то хулиганы, бродяги или взломщики...

— Ну а полиция?

— Что полиция?

— Они начали бы проверять...

— Зачем?

Этот вопрос поставил меня в тупик.

— Надо быть конченным идиотом, чтобы добровольно добавлять себе работы. А здесь в полиции идиотов не держат. Здесь это экономически не оправдано. Лучше скажи, понравилось тебе в Лаб?

— Где? — переспросил я.

— Ну там, где тебе сканировали сознание.

Меня аж передернуло от воспоминания мертвых тел на полу лифта.

— Между прочим, они приказали мне докладывать о каждой встрече с кем-нибудь из вас.

— Правильно. Для этого Бенвей навел их на тебя.

— Бенвей?! — я не верил своим ушам.

— Ну да. Бенвей.

— Но зачем? За каким хреном?

— Скрывать нам особо нечего, а если ты будешь вовремя пользоваться телефоном, они возьмут тебя под свою защиту, а лучшей охраны на острове просто не придумаешь.

— Только не говори, что Бенвей это сделал из чувства заботы обо мне.

— Бенвею на тебя наплевать. И это хорошо. По крайней мере, для тебя.

— Ну а какого хрена нужно ему?

— Об этом тебе лучше не знать и даже не догадываться.

— Ладно... Ну а эти Лаб, они кто?

— Они — такое же состояние ума, как и все здесь.

— Какой-то буддизм.

— Ты прав. Здесь все какой-то буддизм, только без лотосов и бодхи.

Остаток пути мы шли молча. Ена сообщила мне все, что хотела сказать, для меня же и этого было выше крыши.

— Ты выглядишь разочарованным, — сказала она, когда мы подошли к гостинице.

— Это потому, что вместо любви была... Черт знает что.

— Извини, но любовь в мои планы не входила. По крайней мере сегодня.

— Поэтому я и чувствую себя последним лохом. Повелся на такой развод.

— Ладно, до встречи, — сказала она и нежно, но не более чем по-дружески поцеловала меня в щеку.

— Пока, — грустно попрощался я.

В номере я вдруг почувствовал себя настолько вымотанным, что, не раздеваясь, плюхнулся на кровать. Мне потребовалось меньше секунды, чтобы уснуть глубоким сном.

The lab 13

Есть такие люди — многие из них называют себя философами — которые просто обожают с умным видом и чертовски заумными словами «доказать», что вселенная именно такая, какой они ее считают. То у них материя порождает сознание, то наоборот — идеальное первично, а материя откуда-то взялась (хорошо еще, если не заявляется что-то типа «бог создал» с видом «как это можно не понимать — раз бог, то вопрос, откуда он взял, задавать неприлично»). Некоторые вообще заявляют, что-де предмет и то, что мы о нем мыслим, — одно и то же. Можно подумать, о психбольницах они никогда не слышали.

Другие же заявляют о том, что весь мир — иллюзия. Самые забавные из этой категории — субъективные солипсисты. Это такие странные люди, которые считают, что, кроме них самих, никого и ничего не существует, и они это доказывают всем подряд.

Впрочем, у них есть конкуренты — та многочисленная орда философов (не говоря уж про обывателей), которая всерьез полагает, что некое их любимое «Я» всенепременно существует. Мол, мыслю — значит, существую! А с какого бодуна, скажите на милость? Откуда такой странный вывод?

Еще великий философ, рассказывая про ту сторону добра и зла, писал:

«Что касается суеверия логиков, то я не перестану подчеркивать один маленький факт, неохотно признаваемый этими суеверами, именно, что мысль приходит, когда “она” хочет, а не когда “я” хочу; так что будет искажением сущности дела говорить: субъект “я” есть условие предиката “мыслю”. Мыслится (Es denkt): но что это “ся” есть как раз старое знаменитое Я, это, выражаясь мягко, только предположение, только утверждение, прежде всего вовсе не “непосредственная достоверность”. В конце же концов этим “мыслится” уже много сделано: уже это “ся” содержит в себе толкование события и само не входит в состав его. Обыкновенно делают заключение по грамматической привычке: “мышление есть деятельность; ко всякой деятельности причастен некто действующий, следовательно — “».

«Нечто мыслится» — единственное утверждение, в котором невозможно сомневаться. «Мысль есть» — и все; мысль об этом есть мысль, и отрицание этого есть также мысль. И сомнение по поводу этой сентенции — тоже мысль. Все остальное подлежит сомнению.

Но есть еще более худший сорт людей, нежели философы со странно работающими мозгами. Это те, кто критикует не философов, а философию как таковую — мизософы, пафосно говоря.

Эта публика сама расписывается в своей непроходимой тупости. Мизософы, например, утверждают, что философия не имеет смысла, что от нее нет никакого толка, что она только мешает; что ее критика тех или иных догм мышления ровным счетом ничего не значит. При этом, правда, мизософы игнорируют тот факт, что философия не

исчерпывается одним из ее течений. Кроме того, они, критикуя философию вообще, не могут уяснить, что любой вид мизософии является — как минимум — философским взглядом, а как максимум — тем же философствованием, т. е. в данном случае мизософы, сами того не понимая, играют роль гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла.

И для того, чтобы все это понимать, нужен интеллект. Развитый.

А ведь есть еще один сорт... скажем, оригиналов. Которые призывают вообще отказаться от интеллекта.

Один из таких уродов заунывно верещал (да, я тоже не мог представить, как это, пока не услышал) в десятке метров от меня. А я стоял, ждал, пока придет доктор Менгеле... Стоп — или доктор Джекил?

Дожил. Голова раскалывается, жара, как в муфельной печи, мозги соображают, как перегретый процессор — с перебоями и почты дымят, но чтобы забыть, с кем я договорился пересечься тут — это уже клиника. Все, приплыл. Переутомление или тепловой удар.

А этот гад все завывает.

— Вы должны избавиться от интеллекта! Только непосредственное восприятие реальности позволит вам избавиться от иллюзий восприятия! — надрывается некто в оранжевой простыне (я не могу это назвать одеждой), стоя за прилавком. На столе висят стопки какой-то литературы. Как ни странно, ее достаточно бойко раскупают, причем часто просят продавца поставить автограф. Он с видимым удовольствием макает какую-то палочку в чернильницу и что-то там пишет на форзаце. При этом книги были разные — их автором он явно не был. То ли местный гуру, широко известный в узких кругах, то ли вообще какое-нибудь шоу или скрытая камера... На Толеро было много способов развлечь туристов. Шикарный отдых за шикарные деньги.

Честно говоря, призыв избавиться от интеллекта звучал смешно — чтобы заплатить сумму, которая требуется для проживания на этом курорте, не говоря уже о развлечениях, интеллекта и так надо не иметь в принципе...

Вообще говоря, вопрос интеллекта в интерпретации таких вот гуру поражает своей примитивностью. Мол, если обманываются люди посредством ума, то надо от него избавляться, и тогда всем будет щасте и благорастворение воздухов. Я понимаю древних буддистов — в их время наука, как и философия, тоже были весьма древними — если даже счесть, что были вообще. Скажем, науку до появления хоть какой-то методологии иначе, чем «натурфилософия», и не назвать... Как там было у Борхеса? «...животные делятся на а) принадлежащих Императору б) набальзамированных в) прирученных г) сосунков д) сирен е) сказочных ж) отдельных собак з) включенных в эту классификацию и) бегающих как сумасшедшие к) бесчисленных л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти м) прочих н) разбивающих цветочную вазу о) похожих издали на мух».

Возражения «против интеллекта» на самом деле являются возражением против фетишизации рассудка, *ratio*. Даже интуиция уже выходит за эти рамки. Но это же не значит, что надо «останавливать ум»! У нас нет другого способа восприятия, чем через

построение моделей действительности. И при этом неизбежно проявляется так называемый «эффект наблюдателя»... Все, что мы думаем, идет именно от осмысления. Правда, остается вопрос «что есть мысль», но это уже совсем иной вопрос...

— Извини, слегка опоздал, — услышал я басовитый голос. Мясник. Все, пора лечиться. Электричеством. Если уж я его перепутал с Джекилом или Менгеле...

— Ничего, — пробормотал я, и тут же с удивлением заметил, что голова прошла. И это хорошо — по крайней мере, я точно помню, зачем я назначал встречу. Загадка скриптория буравчиком вертелась в голове (может, отсюда и головная боль? хе-хе, я еще шутить могу...), а с докторами связываться не хотелось. Никогда не знаешь, когда они общаются дружески, а когда ставят над тобой опыты. Стрелок мне был приятен, но там, где надо было не стрелять, а думать, была все же не его сфера компетенции. Хотя и не дурак, конечно.

Мясник же мне нравится железобетонной уверенностью в себе, принципиальным нежеланием «говорить по душам», но при этом, как ни странно, выдающимся умом аналитика. В конце концов, надо же было мне кому-то довериться: одному в скрипторий идти не хотелось, а «на всякий случай» из хорошо знакомых подходили лишь Стрелок и Мясник.

— Пошли?

Мясник был, как обычно, немногословен. Он даже сейчас не спросил, куда я попросил сходить его за компанию и зачем. Надо — значит, надо.

А это что за два деятеля? В паре метров поодаль стояла пара типов, явно подошедших вместе с Мясником. Впрочем, он не спрашивает, куда идем, а я не спрашиваю, с кем мы идем. Все по-честному. Хотя вид у этих... Рабочие роботы с капюшонами, которые — в такую-то жару! — накинута так, что наполовину скрывают лицо, в перчатках, с каким-то даже не рюкзаками, а вещмешками за спиной. Ну и фиг с ними.

— Пошли, здесь недалеко.

До скриптория было минут пятнадцать пешком. Мясник молча шагал рядом, двое его работяг (назову их так) топали позади. От них отчетливо пованивало.

А вот и скрипторий... Леса обступили здание, там-сям валяются строительные причиндалы, но рабочих не видно. Что ж, тем лучше.

— Мне надо внутрь, в подвальный этаж. Хочу там кое-что проверить, — сообщил я Мяснику. Тот молча кивнул и метким щелчком пальцев отправил наполовину выкуренную сигару в какое-то ведро.

Знакомый холл, следов строительства не видно. А вот и лифт. Работает, что не может не радовать.

Поехали.

Колонны из черного и белого мрамора стояли на месте, рисунки и буквы на них были те же самые... Вот только проем был заложен кирпичом уже полностью. Корыта с дерьмом видно не было.

Я аккуратно, вдоль стенки, пошел ближе к колоннам, по пути заглянув в боковые

комнаты — вроде бы ничего не изменилось. Хотя... Точно, трупа дедули-недомага уже не было, а его любимая дверь лежала в стороне.

А вот и стенка. Да, кирпичная, хорошо сложенная, цемента не жалели. Я опасливо потянул носом — нет, просто цемент. Не из того корыта.

Я оглянулся — Мясник подпирал могучим плечом стенку у лифта и задумчиво курил очередную сигару.

Постучал по стенке. Глухо. Минимум в целый кирпич.

— Не ожидал, — обратился я к Мяснику. — Как думаешь, наверху строители случайно кувалду или лом не забыли?

Мясник лениво махнул рукой с сигарой.

— Ломайте, — и оба сопровождающих рабочих сняли вещмешки, достали оттуда один — ломик, другой — кувалду, подошли к стене и начали размеренно, по очереди, бить ими в стену. Она оказалась на удивление прочной, и пришлось ждать с полчаса, пока не появится сквозная дыра. Далее работа пошла более споро, и еще через полчаса дыра расширилась до полуметра.

— Хватит пока, — сказал Мясник, причем это была вторая фраза, которую он произнес, пока мы были внизу. Я тоже не спешил начинать разговор — еще чего, высказывать нетерпение. Так и молчали хором.

Рабочие как-то мгновенно перестали стучать железками и синхронно отступили в сторону.

Мы помолчали еще минут несколько.

Осела пыль, Мясник шагнул вперед и поглядел в отверстие. Хмыкнул. Отошел в сторону.

— Ну, смотри.

Да уж, заглянуть за стену мне следовало еще в прошлый раз.

Сделав шаг вперед, я наклонился и посмотрел в дыру. После чего офонарел — если не выразиться более грубо — минут на несколько. Конторки, за которой когда-то сидела Ена, не было. Не было и ксерокса, как и книжных полок. Вместо всего этого была стена метрах в трех, причем выглядела она так же, как и боковые, — как будто стояла с самого начала постройки здания. Следов от мебели не было — это я отметил машинально.

Но куда больше меня впечатлило то, что я увидел на торцевой стене. С нее на меня смотрела Ена. Барельеф был выполнен с потрясающим искусством, сходство было, как иногда говорят, фотографическое. Ена как бы выходила из стены. Обнаженная, с дерзко выставленной вперед грудью, правая рука поправляет волосы, левая находится «за стеной»...

Я повернулся к Мяснику и хотел уже удивиться по поводу всего этого вслух (как-то я ему показывал фотографию Ены), но удивился еще сильнее.

— Бля... — вырвалось у меня наиболее адекватное описание ситуации.

Двое рабочих, покрытые сейчас толстым слоем пыли, были мне знакомы. Капюшоны от работы слетели, и лица стали видны. Алекс и Бон собственными персонами. Они стояли неподвижно, глядя куда-то вперед, и не проявляли ни малейшего интереса к окружающему. Прямо как зомби... Или — не «как»?

— Все посмотрел? — привел меня в чувство Мясник.

Я машинально кивнул.

— Ну тогда все, — произнес он, обращаясь уже к Алексу и Бону.

Они синхронно подняли свои инструменты, и со всего размаха вlepили ими друг друга по голове. После чего как-то буднично рассыпались в пыль — как вампиры в кино, когда на них попадает солнечный свет.

— У Менгеле позаимствовал, — пояснил Мясник. — Так и думал, что тебе либо таскать надо что, либо ломать. А обратно вести неохота — у него они все равно в брак пошли, воняют.

Спрашивать, откуда они попали к Менгеле, я не стал. Не факт, что Мясник знает, да и вообще... Пока не разберусь, что к чему, придется не раскидываться информацией всем подряд, даже коллегам. Так я и поверил, что лом с кувалдой были «на всякий случай». Я-то Мясника знаю...

— Знаешь, у тебя вид какой-то измученный, — задумчиво произнес Мясник, вызывая лифт, — отоспался бы, что ли...

Я машинально кивнул.

Действительно — домой и спать! Кажется, я действительно переутомился.

— А что вы, уважаемый, думаете о Будде? — наставник задал вопрос с обычной непринужденностью.

Гм.

Честно говоря, история буддизма весьма странная. Помните «просветление» основателя? Царевич Сиддхартха Гаутама был сыном правителя. С рождения его готовили как преемника своего отца. Воспитывали во дворце и никогда не выпускали за его пределы. Позже он женился, у него родился сын — и все это время он не выходил из дворца. Мило, не так ли? Вроде бы взрослый мужик уже... Но как-то ему все же пришла в голову мысль — может, стоит заглянуть за пределы дворца?

Согласно легенде, полученные Гаутамой впечатления полностью преобразили его. Что же так впечатлило принца?

Для начала он впервые увидел старика и спросил возницу, почему тот такой сгорбленный и худой, и поразился, услышав, что таков неизбежный удел всех существ, включая его самого, таков единственный и неизбежный итог жизни. Тогда он воскликнул: «Какой смысл и какая польза от юности, от жизнеспособности и силы, если все завершается вот так?!». Получается, что во всем дворце не было ни одного пожилого человека. А как же, извините, хотя бы папа и мама? Или советники правителя?

Затем Гаутама впечатлился видом больного человека. Похоже, что во дворце никто никогда не болел. И в любом случае — может, имело смысл медицину развивать?

Ну а в третий раз Гаутама увидел труп, который несли на носилках, чтобы предать его сожжению. И это его тоже весьма впечатлило — похоже, уже просто по привычке. В дворце, надо думать, никто не только не старел и не болел, но и не умирал.

А уж каким образом будущий Будда из увиденного сделал такой интересный вывод о

том, что люди не могут контролировать свою собственную жизнь и влиять на свою судьбу, как-то вообще представить сложно. Всегда удивляло мнение, что, если что-либо невозможно контролировать полностью, то не надо пытаться этого делать даже частично.

«Если смерть неизбежна, тогда бессмысленна жизнь» — как вам такая «логика»? Нет уж! Как говорил великий дзен-мастер поручик Ржевский: «Детей я не люблю, но сам процесс!».

Ну и в-последних Гуатама впечатлился четвертой встречей — он увидел святого, который ходил по улицам с миской для подаяний. Сиддхартху тут же осенило: мир устроен так, что в нем невозможно обрести дом. Но даже если так, то почему тогда нельзя взять от этого мира все, на что будешь способен — остается за кадром.

И после всех этих инсайтов Гуатама бросил все на фиг (не только трон, но и жену и ребенка) и ушел из дворца, начав бродяжничать и пытаться «познать истину». Метод познания был тем же: что в голову взбредет.

Далее он наворотил концепцию избежания страданий, что по сути сводится к избежанию жизни как таковой, что-то там наговорил про нирвану, в которую надо стремиться, избегая желаний... Интересно, а желание попасть в нирвану считается за желание или нет?

Но я уже привык, что отвечать надо кратко и по сути.

— Увижу — убью, — ответил я.

Наставник кивнул, но явно безразлично.

— Что ж, займись практикой, как допьешь чай. Сегодня будешь отрабатывать похмельную обезьяну, притворяющуюся тигром, который дерется в стиле богомола. Начало медитации через пять минут.

Я кивнул. У меня было еще целых пять минут наслаждения чаем. Хотя гадость еще та. В том-то и секрет — наслаждаться такой бурдой можно было, лишь отрешившись от всего мирского.

— Что вас переполняет?

— Ненависть! — с восторгом выкрикнул я.

— Из чего вы состоите?

— Из ненависти! — мой голос вплелся в хор других послушников.

— Что вы несете в мир?

— Ненависть!

— Что победит ваших врагов?

— Наша ненависть!!

— Каков наш девиз?!

— Наше кунг-фу круче твоего!!!

БАРМАГЛОТ 14

Они ввалились в кабинет без всякого намека на стук. Двое мужчин в одинаковых серых костюмах. В их лица намертво въелось хамско-высокомерное выражение,

характерное для государственных чиновников и прочей должностной сволочи. Я сразу понял, что они работают на правительство.

— Господин Ка? — спросил один из них.

— С кем имею? — вопросом на вопрос ответил я.

Как и большинство нормальных людей в нашей стране, да наверно и во всем Мире, я терпеть не могу все, что хоть как-то связано с правительством.

Они одновременно, как по команде сунули мне под нос удостоверения помощников Садиста-администратора. Оба удостоверения были выписаны на фамилию Смирнов.

— И так, господа Смирновы, чем обязан? — спросил я, даже не удосужившись предложить им сесть. Я был вольной птицей, и мог себе позволить немного откровенного отношения к представителям власти.

— Господин Ка, вы нужны Родине, — патетическим тоном произнес Смирнов.

— Как сильно? — спросил я.

Я прекрасно знал, что субъекты вроде этих Смирновых прибегают к высокому штилю исключительно в тех случаях, когда хотят получить услугу, не оплачивая счет, поэтому меня и насторожил тон Смирнова.

— Положение очень серьезное, — теперь уже доверительно сообщил Смирнов, — нельзя терять ни минуты.

— Тогда давайте перейдем непосредственно к делу, — предложил я.

— Думаю, вы понимаете, что разглашение... — произнес второй Смирнов с той строгой серьезностью, с которой учителя объясняют детям, почему надо нести деньги в школу.

— Я же просил к делу, — перебил его я.

— Вы когда-нибудь слышали о генераторе психоделической активности ГПА-7?

— Насколько я понимаю, вы пришли ко мне именно потому, что знаете ответ на этот вопрос.

— Так вот, в воскресенье эта штука была активирована в одном из подмосковных городов.

— Жопа, — со знанием дела произнес я.

— Вы совершенно правы, — согласились со мной Смирновы.

И это еще было мягко сказано. ГПА-7 был одной из лучших разработок в формате «оружие следующего века». Он мог сколь угодно долго генерировать особого рода волны, которые вызывали психоделический эффект у всех, кто находился в зоне действия генератора. Заброшенный на территорию врага, он мог полностью дезориентировать противника, заменив привычную реальность сколь угодно сложным бредом. По сравнению с ним кислота была детской игрушкой.

— Его надо отключить в течение 24 часов, иначе самоактивируются все имеющиеся у нас генераторы. Мир захлестнет хаос.

— Согласно теории хаоса, хаос — это порядок более высокого уровня. Следовательно, абсолютный хаос — это абсолютный порядок, — улыбаясь не без ехидства, изрек я.

— Так вот, нельзя допустить, чтобы этот абсолютный порядок поглотил мир.

— И какая роль отводится мне?

— Вы должны будете проникнуть в зону действия генератора и отключить его.

— И что Родина предлагает мне в качестве спасибо?

— Родина надеется, что вы поступите, как достойнейший из ее сынов.

— То есть, благодарить меня Родина не собирается.

— Подобное служение Отчизне уже само по себе является благодарностью, — авторитетно заявил Смирнов, который, подобно другим агентам правительства, совершенно искренне считал, что денежные средства Родины существуют только для представителей касты государственных управленцев и законотворцев.

— Пожалуй, за сто тысяч наличными я соглашусь стать достойным сыном Отечества, — решил я.

— Как вы можете так говорить! — с неподдельным негодованием вскричал Смирнов.

— Вы правы, — согласился с ним я. — Двести тысяч. Наличными. И деньги вперед, — добавил я, вспомнив, с кем имею дело.

Оскорбленный до глубины души моим поведением Смирнов тем не менее позвонил по телефону.

— Он хочет двести тысяч... Сейчас... Наличными... Понял. Деньги сейчас придут, — сообщил он, убирая телефон в карман, — но должен заметить, что ваше поведение вряд ли можно назвать достойным.

— Достойным чего? — поинтересовался я.

Мой вопрос остался без ответа.

— Ладно, — решил я, раз уж мы договорились, выкладывайте, что там у вас произошло.

Случайно или нет, но генератор был активирован во время воскресного праздничного молебна... в общем, в городском соборе была праздничная служба, посвященная возвращению какой-то там суперсвященной иконы. Кроме обычной толпы в храм прибыли все представители власти, начиная с мэра и заканчивая меринком. Служба была, как служба, и если бы черт не дернул отца Батюшкина взмолиться богу, чтобы тот «ниспослал нам истину» или хотя бы правду, возможно, ничего ужасного бы и не случилось.

Но черт его дернул, причем именно в тот момент, когда заработал генератор, и над городом черной тучей нависла правда. Но собравшиеся в церкви люди еще не понимали, какой ужас их ждет впереди.

А впереди у них была абсолютная неспособность лгать или умалчивать правду, и такие безобидные в любое другое время вопросы, как: Ты где был?; Ты меня любишь?; Ты хочешь на мне жениться?; Что ты думаешь о том, чтобы пригласить маму?; в тот день превратились в запал к настоящей бомбе выяснения отношений честно и без обиняков. В городе начались побоища и смертоубийства.

Дальше — больше:

Наиболее перспективный кандидат в депутаты от главной фракции назвал в

прямом эфире избирателей ни на что не годным быдлом, на которое он хотел срать, и если бы не выборы...

Начальник милиции нанес себе серьезные увечья, пытаюсь прикрепить язык к столу при помощи стиплера. К приезду врачей его психическое состояние было еще хуже физического, и его, замотанного в смирительную рубашку, отправили в психиатрическую лечебницу.

Отец Батюшкин, после того, как во время крещения начал публично приставать к крестному отцу младенца, заперся в церковном погребке, откуда доносились плач и богохульства.

Прокурору пришлось в срочном порядке ломать себе челюсть, а заодно и правую руку, чтобы не признаться лет так на десять строгого режима.

Но больше всего досталось господину мэру. Он впал в такое отчаяние, что попытался повеситься на собственных подтяжках в конференц-зале под портретом президента, куда в этот момент пришла делегация журналистов. В результате он очутился в больнице, а его фото — на страницах газет.

Начался сущий ад...

— Представляю, — сказал я, изо всех сил пытаюсь не рассмеяться.

— Ты не представляешь, что значит вообще не мочь врать или умалчивать! — воскликнул Смирнов.

— Действительно, что может быть хуже правды! — согласился я.

Пришел человек с деньгами.

— Я готов, — сказал я, убрав деньги в сейф... А вообще, вы идите, а я догоню.

— Что-то не так? — насторожились Смирновы.

— Да нет, хочу заглянуть в туалет. Я быстро.

Выпроводив гостей, я переложил на всякий случай деньги в тайник, затем действительно сходил в туалет. После этого я запер дверь и быстро спустился вниз.

У самого подъезда стояла черная машина с тонированными стеклами и правительственными номерами. Внутри было четверо.

— Знакомься, это — Ли, — представил Смирнов молодую, красивую женщину, сидевшую на переднем сиденье, — наш лучший специалист по психоделическому моделированию. Она поедет с тобой.

— Количество человек — это показатель степени, основанием которой служит возможная череда неудач, — недовольно пробурчал я.

— Несмотря на это, вы будете работать вдвоем.

— Ладно, поехали.

Машина остановилась на границе с терпящим бедствие городом.

— Удачи, — сказали Смирновы, дав тем самым понять, что дальше они не поедут.

Высадив боевой десант, машина резко развернулась и поехала прочь, набирая максимальную скорость. Мы двинулись по направлению к городу.

— Это модифицированная модель, — начала объяснять по дороге Ли, — действие начинается сразу и по полной программе. Учитывая, что наша группа укомплектована без предварительной психоделической адаптации, каждый из нас ТАМ будет вариться в

собственной реальности. Но даже в искусственном мире мы будем сами собой, а генератор — генератором. Главное не терять цель.

Вдруг из кустов на дорогу выскочил всклокоченный сержант милиции. Лицо его было безумным. В руках он сжимал штопор, какими обычно извлекают пробки из бутылок.

— Деньги, быстро! — завизжал он, — или я... — внутри у него что-то сломалось. Он сел на асфальт, схватил руками голову и запричитал, как баба на похоронах, — Я конченный мудака и ничтожество!..

Мы спокойно обошли незадачливого налетчика.

— Становится жарко, — сказал я, обнажая энергетический меч.

— Откуда у тебя эта гадость? — брезгливо спросила Ли.

— Это — новейшая разработка. Такой, если хочешь знать, есть далеко не у каждого мастера-джедая.

— Выброси его.

— Чем ты недовольна?

— Надо быть полным идиотом, чтобы в век высоких технологий пользоваться подобным утешением для импотентов. Вот оружие настоящих бойцов! — гордо сказала Ли, извлекая из кармана хромированную рогатку с суперрезиной и системой самонаведения.

— Я предпочитаю старый добрый «Кольт», — ответил на это я.

Вскоре показался город, выросший на месте бывшей свалки технологических отходов галактики. Он был похож на гигантский промышленный муравейник. Повсюду были горы технологического мусора, вздымающиеся до самых облаков. Они и служили жильем обитателям города. Между кучами были узкие извилистые тропинки, на которых одиноких путников могло ждать все, что угодно.

Труп лежал на спине, сложив лапки, словно молясь своему богу. Вокруг никого не было — кто ж добровольно станет связываться с полицией. Предполагаемое орудие убийства, баллончик из-под дихлофоса, которыми обычно пользовались солдаты мафии, валялся в двух шагах от трупа. Все это было слишком очевидно похоже на мафиозную разборку, чтобы я мог в это поверить.

— Что скажешь, коллега? — спросил я у Ли, она явно с небескорыстным вниманием разглядывала часы покойного.

— Этот кусок дерьма сдох отчего угодно, но только не от дихлофоса, — процедила она сквозь зубы.

И точно. Буквально через пару минут эксперт обнаружил чуть заметный след от укола.

— Террористическое жало? — спросила Ли.

— Похоже, — ответил эксперт.

Переглянувшись, мы отправились к машине. За руль села Ли. Проехав немного вверх по улице, машина остановилась возле церкви. Двери в храм были заперты, и мы принялись колотить в них ногами и рукоятками пистолетов.

— Может, стоит пальнуть из гранатомета? — предложила Ли.

Я не успел ничего ответить. Дверь отворилась, и перед нами предстал похожий на крысу субъект с бегающими по лицу глазками.

— Привет, УО, мы по тебе соскучились, — сказал я, входя в церковь.

Упал-Отжался или УО в прошлом был сержантом в галактическом легионе, а когда его оттуда вышибли за излишнюю жестокость, он устроился священником в Объединенную Галактическую Церковь, получил в свое распоряжение городскую церквушку, под прикрытием которой торговал оружием и наркотой. Был пойман, после чего стал не то, чтобы ревностно, но вполне сносно сотрудничать с полицией.

— У нас к тебе пара вопросов, — сказала Ли, вытаскивая из кафедры бутылку вина, — надеюсь, ты не откажешь нам в причащении? — спросила она, закусывая облаткой.

— Что угодно господам, кроме крови и плоти Господня?

— Господам сегодня интересно узнать, кто мог завалить старину Бойля? Что об этом говорит господь? — спросила Ли, передавая мне бутылку.

— Господь говорит, что это могли сделать кто угодно, но только не ОЗ.

— Почему?

— Не далее, как вчера они заключили сделку... После таких обычно не убивают.

— Тогда кто мог его грохнуть?

— Не знаю, — развел руками УО.

— Перефразирую: Кому интересно сделать так, чтобы семьи перемочили друг друга?

— В городе появился новый человек, — немного подумав, сообщил УО, — но я не гарантирую, что это он. Поговорите с мадам Ян.

— Спасибо, святой отец, — сказала Ли, ставя пустую бутылку на алтарь.

Выйдя из церкви, мы поймали извозчика.

— В аллею маков, — сказал я. Извозчик заулыбался. Он прекрасно знал туда дорогу, хотя сам там никогда не был.

Поднявшись по мраморной лестнице, по которой несколько веков назад ступала нога фараона, мы постучали в дверь.

— Ваши шпаги, господа, — попросил слуга.

Сдав оружие, мы вошли внутрь.

— Кого я вижу, — сказала, очаровательно улыбаясь, мадам Ян, женщина, чья красота могла бы затмить солнце, — любовь и шампанское?

Она действительно была рада нас видеть, так как мы не раз совершенно бескорыстно спасали ее от больших неприятностей, а один раз спасли даже жизнь.

— С удовольствием, но сначала мы хотели бы задать вам пару вопросов.

— Тогда пройдемте в мой кабинет.

Она пригласила нас в комнату, по сравнению с которой апартаменты короля-солнца выглядели как нищенская лачуга.

— Я к вашим услугам, господа.

— Кто-то хочет поссорить банды. Не знаешь, кто бы это мог быть?

— Дворец грез снова обрел хозяина, — ответила она.

Зайдя в кабинку телепортации, мы набрали код.

Дворец Грез казался безжизненным. Мы позвонили в дверь. Никто не открыл.

— Рискнем? — спросила Ли.

— Рискнем, — согласился я.

Ли достала из кармана киберотмычку, и открыла дверь.

В зеркальной комнате на столе лежал кейс, поблескивающий красной кнопкой.

Я собрался уже отключить психоделический генератор, но Ли меня остановила.

— Подумай, ты действительно этого хочешь? Одно нажатие, и мы вновь вернемся в мир строго детерминированной унылости со своими прокурорами, мэрами, депутатами, милицией и прочей пакостью. Может, стоит подождать еще два часа, чтобы вся их дурацкая машина мироустройства оказалась смыта в унитаз к чертовой матери?

— Решайте быстрее, господа, — услышали мы знакомый голос, который заставил нас обернуться.

Меня разбудил голод. Настоящий звериный голод, от которого сводит живот и чешутся зубы. Наскоро одевшись, я отправился в один из ресторанов гостиницы. Посетителей было много, и мне достался столик напротив внушительных размеров телевизора. Показывали какое-то дурацкое шоу — здесь, как и везде, телевидение работало на повышение кармических надоев домохозяек. Так что на экран я практически не смотрел.

Но телевизор все-таки привлек к себе мое внимание. Шоу сменил выпуск новостей. Вначале это была обычная брехня на тему событий в Море, а потом, уже практически перед астрологическим прогнозом диктор произнес:

— И последние новости о спасательной операции на горе Бармаглот. Альпинисты больше не терпят бедствие. На них сбросили авиабомбу. Благодарные наследники...

Я посмотрел вокруг, — все вели себя так, будто все было нормально или, лучше сказать, как обычно. Это что, у меня снова глюк или сбрасывать бомбы на альпинистов стало чем-то обыденным? Едва закончился репортаж о празднующих наследниках, как диктор ошаршил меня еще одной новостью.

— Мы только что получили сообщение от нашего корреспондента о трагической гибели в результате взрыва алхимического сосуда (газового баллона) попечителя детей-сирот Нила Маккензи и менеджера строительной кампании Поля Вечеровского. В тот момент, когда диктор произносил их имена, на экране появились фотографии погибших. Это были Алекс и Бон.

Меня это совсем не удивило. С какой стати островным средствам массовой дезинформации вести себя не так, как везде? Да и кем еще прикидываться ребятам из спецслужб, как не полицейскими? Ну да это все рационализации. Скорее всего, я уже просто устал от всех этих «околошпионских» игр. Вот только игра меня отпустить явно не собиралась.

Вернувшись из ресторана, я застал в своем номере того самого типа, который был мной-номер-два или, проще говоря, Дублем. Несмотря на какие-то «засохшие сопли» на лице, я сразу его узнал. Развалившись на диване, он самозабвенно лакал пиво. Мое пиво!

Его собутыльником была здоровенная крыса леопардового окраса. Она сидела на моем столе и пила пиво из крышки от бутылки.

— Похоже, на неприкосновенность чужого жилища здесь всем насрать, — констатировал я совершенно недружелюбным тоном.

— Ты не позвонил, — флегматично сказал он.

— У меня были другие дела, и вообще я потерял номер.

— Ты не позвонил, — повторил он, включая телевизор.

То, что я увидел, заставило меня похолодеть от ужаса. Это был сюжет из местных новостей. Спасатели выловили утопленника, и этим утопленником был я. Лицезреть себя в таком виде... Брррр!!!

— Ты позвонишь, или звонить мне, чтобы это пошло в эфир? — также меланхолично спросил Дубль, кладя на стол визитку с номером.

Чувствуя себя полным дерьмом оттого, что я не могу превозмочь свой страх и двинуть его чем-нибудь по голове, я набрал номер. Дождавшись коротких гудков, я сбивчиво рассказал все, что со мной случилось за это время.

— Звони, — сказал Дубль, затем встал, посадил крысу себе на плечо и вышел из номера.

Буквально через минуту кто-то постучал в мою дверь. Это заставило меня буквально подпрыгнуть на месте. Похоже, я уже начал привыкать к тому, что в этом мире все вламываются друг к другу без стука.

Открыв, я увидел Алекса. Моя нижняя челюсть с характерным звуком приняла крайнее нижнее положение.

— Ты? Ты же умер? — выдавил я из себя.

— Боюсь тебя разочаровать, но я жив, — улыбаясь как своему лучшему другу, изрек он, — можно войти?

— Входи.

Он даже сел на диван только после того, как я предложил ему это сделать.

— Так с чего это вдруг ты стал таким вежливым? — спросил я, наливая ему виски.

— Я с частным дружеским визитом, — ответил он.

— Понятно. Чем могу?

— Я хочу тебе кое-что показать. Так что собирайся, поехали.

— Куда?

— Здесь рядом. Не пожалеешь.

Учитывая, что частный дружеский визит в любой момент мог превратиться в строго официальный, я не стал ему перечить.

Возле гостиницы нас ждало прекрасное ландо с одетым в красную ливрею, или что там они носят, кучером. Когда мы сели в карету, он поехал, не спрашивая адреса. Минут через пятнадцать карета остановилась возле милого парка.

— Держи, — Алекс дал мне мощный бинокль.

— И? — спросил я.

— Кафе видишь?

Я часто бывал в этом кафе. Тихо, мило, недорого... Столики стояли прямо на траве,

а крышей служили ветви поистине гигантских деревьев. Даже в самый сильный дождь под этими великанами было сухо.

В кафе я увидел Ену. Напротив нее за столом сидел Дубль. Они мило о чем-то беседовали, периодически переходя на смех. Какое-то шестое чувство говорило мне, что они вместе спят. Это же чувство утверждало, что это был чистый бизнес. Ничего личного, — как любили говорить герои «Крестного отца».

Интересно, кто из них кем манипулировал в этой игре? То, что манипулировали мной, было понятно. Но кто из них вел в этом шизофреническом танце?

— Хорош, — сказал Алекс, отбирая у меня бинокль. — Нам пора. Домой, надеюсь, сам доберешься?

Она позвонила часа через два.

— Ты еще хочешь наверстать упущенное? — спросила она?

— Ты еще спрашиваешь!

— Тогда жди. Через полчаса я буду. Только никакой романтической ерунды. На свечи и шампанское у меня времени нет.

— Понял, буду ждать тебя в условиях голого реализма.

Не знаю... Наверно, даже в глубокой юности я так не дергался перед свиданием. Меня буквально трясло. И дело было даже не в желании обладать этой женщиной, а... Боюсь, я не смогу это толком объяснить, а если говорить честно, я и сам толком не понимаю, что заставило меня так отреагировать на ее предложение. Чтобы хоть как-то компенсировать выброс адреналина, я сделал несколько подходов приседаний и отжиманий от пола. Помогло.

Она пришла, едва я успел выбраться из душа и надеть футболку и шорты. На ней был легкий сарафан на голое тело (то есть без белья) и босоножки на в меру высоких каблуках.

— Ну, привет, — сказала она.

Это были единственные слова, произнесенные кем-то из нас до конца соития. Ена была самым совершенством, а я... Я вгонял в нее свой болт с таким остервенением, точно трахал не ее, а Дубля, Менгеле, Бармаглота, Бенвея и всю прочую сволочь, устроившую мне этот пикничок.

— Полегчало? — спросила Ена, когда я распластался в изнеможении рядом с ней на кровати.

Ответил я затылком поцелуем.

Вернувшись из ванной, Ена закурила. Меня же побило на откровения.

— Знаешь, — начал я, — я вдруг вспомнил одну историю. Так, ерунду... Но если я не расскажу ее прямо сейчас, я еще долго буду не в своей тарелке.

В знак согласия Ена выпустила струю дыма.

— Несколько лет назад мы с одним хорошим человеком, грузином, ездили в Адлер. Сам он был из Сухуми, но оттуда ему пришлось бежать в девяностых, иначе бы его попросту расстреляли, причем просто так, не за хрен собачий. Мы остановились у его друзей. Они тогда только-только приобрели какое-то заводууправление на берегу моря,

где хотели сделать гостиницу для отдыхающих. Ну да не в этом дело.

В честь нашего приезда они приготовили мамалыгу — это такая каша из кукурузной муки или крупы. На Кавказе ее едят вместо хлеба.

Приготовили мамалыгу, брынзу, — ее едят с брынзой, — накрыли на стол. Сели. И все смотрят на меня — как яотреагирую на мамалыгу. Я взял ложку или вилку, уже не помню, и попробовал. Мне понравилось. Они были счастливы. Тогда я попросил хлеб. Это привело их в такой восторг... Не знаю, почему я это вспомнил сейчас и зачем рассказываю тебе...

— Я видел тебя сегодня в кафе с одним типом, — сообщил я ей, когда она начала собираться, — ты с ним спишь?

— Тебя это не касается.

— Еще как касается.

— Только не думай, что раз я тебе отдалась, то ты можешь лезть в мою жизнь, — достаточно резко сказала она.

— Дело в том, что он приходил сегодня утром, и...

— Ты просто делай, что тебе говорят, — оборвала меня Ена, — и никуда сам не лезь. Поверь, эти люди умеют ставить на место.

The lab 14

Проснулся я от того, что на полке верещал дигитбук. Сволочь. Пришлось подойти и открыть. Мда, такого я еще не видел: на экране не было ожидаемой сентенции от Августа к, а просто сверху вниз бежали нули и единицы. Зеленые по черному экрану. Напомнило старый фильм «Матрица». Случайное совпадение? Ох, не верю я в случайные совпадения. Чем они случайнее на вид, тем больше вероятность, что их кто-нибудь подстроил.

На часах было 7:30. Прямо как в старом анекдоте: «спите быстрее, поручик, вам всего полчаса спать осталось». Ложиться обратно смысла мало, все равно вставать. Минут через сорок Стрелок зайдет — обещал какой-то сюрприз...

Попью пока кофе. А Стрелок предпочитает чай, надо посмотреть, остался ли бергамотовый.

Или подремать еще полчаса? Ладно, пойдем на компромисс — можно одеться, чтобы быть готовым к визиту (ага, вот и «Earl Grey» на полке), застелить постель и плюхнуться помедитировать.

Я что-то действительно устал. Знаете, бывает такое состояние — вроде бы все вокруг хорошо, гладко, а иногда и просто замечательно, но при этом — нудно. Хотелось бы как-то отдохнуть, поразвлечься... В смысле — сменить вид деятельности.

Ладно, все равно поспать не удастся.

Включив электрочайник, я привычно проверил наличие еды и воды у крыс, которые, как обычно, где-то шкерились вне клетки, и сел за комп.

Включил, винты зажужжали, BIOS начал выводить информацию о загрузке...

А это еще что такое?!

Посередине рабочего стола нагло расположился ярлык на какой-то текстовый файл. Я, знаете ли, вообще не люблю загромождать экран даже ярлыками программ, а о текстовых документах и говорить нечего. У меня их, мягко говоря, много, экрана не хватает.

Что ж, откроем...

Беззащитную кровь
Беззастенчиво пьет Бармаглот.
До предела и вновь —
Пятитысячный, кажется, год.

Не сумеешь — так хоть
Попытаешься выстрелить влет...
Неповинную плоть
Бармаглот беззастенчиво жрет.

Беззастенчиво жрет
И еще беззастенчивей пьет...
Бармаглот, Бармаглот,
Бармаглот, Бармаглот, Бармаглот⁶.

Не понял. Даже так: НЕ ПОНЯЛ.

Что это за бред? И откуда он взялся? Ко мне в комнату войти без меня никто не может — что-что, а система допусков и пропусков в Лабе работает досконально, апартаменты же — личная территория.

Да и вообще — из того, что я не могу войти без приглашения в личные помещения других (проверял, да), равно как из того, что ко мне никто без меня не заходил (насколько я в курсе), никак не следует, что никто и ни при каких обстоятельствах ко мне зайти не может... Все, приехали.

Если у вас нет паранойи, это не значит, что ОНИ за вами не следят.

Но кому надо проникать ко мне и писать явно бредовый текст? Распечатку бы подкинули, что ли... А то — в текстовом редакторе, не спеша так...

Знаете, обычно люди живут согласно двоичной логике. Да/нет — вот и все. В эту логику обычно не включается даже «не определено», не говоря уж о неучтенном варианте... Часто такая «логика» сбоят весьма оригинальным образом. Как-то можно понять, если некто мыслит по принципу «если не черное, то белое» — может, у него мозги однобитные, но вот «если не зеленое, то круглое» я понять не в силах. А ведь встречается такое очень даже часто.

Некогда мне описали более продуктивную схему двумерной логики, ей-то я обычно и пользуюсь. Есть две дихотомии. Одна стандартная — да/нет, а другая —

⁶ Стих написал специально для этой главы, © Т. Борцова

понятно/неизвестно. Как все это работает, проще пояснить на примере. Представьте себе кабель из двух проводов. Подключаем с одной стороны лампочку, с другой — батарею. В норме все должно работать, назовем это состояние «холостой ход» — ХХ. Но иногда не работает, и можно найти причину — короткое замыкание, КЗ. Это все — обычная двоичная логика.

А вот комбинируя буквы их КЗ и ХХ, получаем еще два состояния — ХЗ и КХ. Первое, ХЗ, означает такое странное состояние: вроде все нормально, а лампочка не горит, и все тут. Хрен знает почему.

А изредка бывает совсем интересное — вроде бы не должно работать, вот и провода перерезаны, болтаются... А лампочка горит. Какого хрена — непонятно. Это и есть четвертое состояние, КХ.

В конце концов, если нечто глупо, но работает, значит, это не глупо, не так ли?

Стоп.

Самый необычный объект поблизости — это дверь. Та самая. Напротив. Втиснувшаяся в коридор...

Выскочил в коридор я быстро, но перед дверью затормозил. Слишком долго я проходил мимо нее, не решаясь открыть. Иногда протягивал руку — и отдергивал, «не время!» слышалось почти явно.

Но теперь мне было наплевать, и я распахнул дверь сразу настежь.

О!

Не ожидал...

Вы когда-нибудь осознавали себя во сне? Забавное ощущение. Иногда ты смотришь фильм с самим собой, иногда — управляешь окружающим, как компьютерной игрой... Сейчас я именно что смотрел фильм. Забавно иногда посмотреть на себя со стороны.

Да и ничего особенного не происходило. Я стоял в начале длинного коридора. Стены были сложены из камней, относительно обработанных, но разного размера. Как замке, причем даже не натуральном средневековом, а таком, знаете ли, фэнтезийном.

Кстати, обращали внимание, что осознать себя во сне можно, но не в самом начале? Понимаешь, что ты во сне; но вот начало сна вспомнить невозможно, хотя оно точно было и даже что-то «вспоминается» до момента осознания? Вот и я сейчас не представлял, что это за коридор, куда он ведет и что это все значит. Самое интересное — оглядываться не хотелось. Не «страшно было оглянуться», а просто не хотелось. Незачем. Ну и чудненько — пойду вперед.

Практически сразу возникла первая дверь в стене. Как-то не очень подходящая к обстановке. Деревянная, простенькая, но гладкая — к стенам больше бы подошло что-то грубое и даже не обструганное. И цвет такой желтенький...

Замка видно не было, а вот ручка была. Тоже не подходящая к обстановке, скорее от шкафа, чем от двери. А, была не была — тем более, что сон — откроем-ка...

Бытовка. Метлы какие-то, швабры. Хотя стоит и пара вполне современных пылесосов, причем покрытых пылью. Ящики разнообразные, упакованные достаточно тщательно, и куча каких-то коробок в углу. Вот и все.

Я пожал плечами и пошел дальше. Не трать же время на копание в коробках, сон не бесконечен. Терпеть не могу просыпаться на самом интересном месте.

Зеленая дверь, как раз из неоструганных досок... Как-то странно эти двери появляются — коридор прямой, видно далеко (но конца не видно), казалось бы, двери было бы видно заранее. А они появляются неожиданно, и к двери не подходишь, а она оказывается буквально в шаге, и надо срочно решить — открывать или идти дальше. Открываем.

А это уже не комната, а выход наружу: холм, окруженный лесом, на холме — столбы. Нет, не просто столбы — кажется, языческие чурь. Плохо видно.

Выйти? Нет, не сейчас...

Синяя дверь. Тоже выход наружу, но на берег моря. Замусоренный пляж, грязный прибой и отчетливое нежелание выходить. Как будто люди только что замусорили пляж и удалились. За новой порцией мусора, ага. И стоит спуститься на берег, и они появятся вновь, заполняя все собой и мусором. Захлопываю дверь... Жаль, что нет замка. А еще лучше — засова попрочнее, чтобы можно было открыть только отсюда, если уж очень понадобится.

Красная дверь. Солидное такое сооружение: то ли банковское хранилище, то ли бомбоубежище. Замка нет, а вот штурвал для открывания есть. Открывать или не открывать — вот в чем вопрос. Ладно, еще раз вспоминаю, что я во сне и бояться нечего...

Штурвал сначала упирается, затем идет туго и со скрипом, но постепенно разрабатывается и в конце вертится без особых проблем. Приоткрываю. Да уж, толщина двери — ого-го. Может, не стоило открывать? Хотя да — проснуться никогда не поздно.

Гм... Выход на балкон. Железный. Где-то на стене гигантского цеха. Лязг железа, сполохи огня... «Здесь куют металл» — всплыли в голове строки песни, которую слышал еще в ранней юности. Лесенка вниз есть, но — нет, не пойду. Как-то боязно соваться в такое буйство стихий в одиночку. Даже во сне. Кстати, знаете, что у китайцев первичных элементов пять, и одним из них является металл?

Ладно, дальше... Оранжевая дверь, с какой-то лабораторией типа алхимической, за ней.

А вот новенькое — парные двери, друг напротив друга, по обоим сторонам коридора. Как оригинально — черная и белая.

За черной — еще одна лаборатория, заставленная уже не алхимическими, а научными приборами, хотя и с какими-то странными деталями... И стеллажи со старинными фолиантами по стенам.

Я думал, что белая дверь не откроется — мол, надо выбрать. Но нет — открылась, из нее пахло дезинфекцией и запахом разложения. Больничная палата. Белый кафель, белое белье на кровати, белые шкафчики, какие-то приборы, видимо, жизнеобеспечения. Нет уж, сюда точно даже заходить не хочется.

Что я вижу! Конец коридора. Тупик.

Дверь глубоко фиолетового цвета. И двое по сторонам. Уже не удивляюсь, что это Бон и Алекс. Стоят по стойке «смирно», только руки скрещены на груди. Дыхание глубокое, размеренное, взгляд устремлен прямо вперед, бдителен, пронзителен и пронциателен,

прикрыт черными очками.

И что мне с ними делать?

Надо же — тут еще одна дверь, прозрачная. Сквозь нее виден Стрелок, рассматривающий какую-то свою очередную игрушку.

Дверь открывается легко и бесшумно, Стрелок поворачивается и слегка улыбается.

Глаза серо-стального цвета, честные и наивные, как всегда. Видели когда-нибудь честный и наивный прицел со стороны ствола? Оно самое.

— Привет! Пострелять хочешь?

Можно подумать, кто-то даст выбор. Все равно уломает. Оглядываюсь — тир большой, на стойках оружия много... разного... совсем разного. Я до этого и половины не видел. И не слышал. Или видел и слышал, но только в кино. То ли бластеры, то ли скорчеры. А еще лазерные винтовки, ионные излучатели и... и... это что — BFG-2000?!

Хотя сон, чему удивляться-то.

Так, что тут у нас поухватистей для начала?

...

— Ну тогда до встречи. Ты забегай, завтра обещали Смит-и-Вессон, 57-ю модель, со стволом на восемь с половиной дюймов. Кучность опробуем...

Я кивнул и вышел.

Оба агента стояли на своих местах все также неподвижно. Что-то в их облике выдавало, что им сейчас говорить по Уставу не положено, и даже если прищемить яйца, то переживать по этому поводу они будут все в той же позе — руки скрещены на груди, подбородок вперед, очки отбрасывают ровно по два блика.

А, была не была... Подхожу к последней двери, фиолетовой, из... гм, из непонятного материала, протягиваю руку, и дверь меня проглатывает. Честное слово, именно так — ну, может, всасывает, от чего не легче.

Шлеп!

Если меня действительно съели, то не хочу знать, откуда я только что вывалился. На твердую, утопанную землю. Больно...

— Чаю?

Что за... С трудом приподнявшись, я увидел очень даже знакомую фигуру настоятеля, сидевшего передо мной в позе лотоса и протягивавшего чайную чашку, от которой шел парок.

Я молча кивнул и аккуратно взял чашку обоими руками — еще неизвестно, что у меня с координацией после такого способа передвижения. Вроде все нормально, только правое колено зашиб.

Мы молчали хором и потягивали чай. Выливали больше, чем выпивали — как только чай становился не обжигающим, а просто горячим, мастер безжалостно его выливал и заваривал новый.

Не знаю, сколько точно прошло времени — во время медитации оно не ощущается. Но наконец-то меня вернули к действительности вопросом:

— Так каков наш девиз?

— Наше кунг-фу круче? — с сомнением вспомнил я.

— Интересно.

Я вопросительно промолчал.

— Каждый слышит свой девиз, — на редкость оперативно пояснил настоятель, — который сейчас ему подходит больше всего.

— То есть нет «нашего» девиза, а есть у каждого свой?

— Ну почему же нет, — удивленно приподнял бровь мастер, — очень даже есть. Его и произносят. Но слышит каждый свое, — тут пауза несколько затянулась. — Ладно, будем считать, испытание ты прошел.

— Какое? — спросил я на автомате и тут же догадался сам: — Коридор с разноцветными дверями?

— А-а-а, — лениво потянул наставник, — значит, это был коридор с разноцветными дверями... Интересно, очень интересно.

— Вы не знали, где я был?

— Ты думаешь, мне больше нечего делать, кроме как отслеживать все твои иллюзии?

— А я мог не пройти испытание?

— Мог. Например, оставшись в одной из комнат. Или побоявшись посмотреть, что за дверью.

— Ага, так, значит, вы знаете, где я был! — не сдержался я.

— Нет, — наставник посмотрел на меня как на идиота, и даже протянул руку, чтобы постучать по мне лбу костяшками сухих, но очень крепких пальцев.

Стук-стук-стук-стук...

...стук-стук-стук...

Это же Стрелок! Все же задремал.

Почти подпрыгнув на кровати, я пошел к двери открывать.

Визит был недолгим — Стрелок зашел, выпил здоровенную кружку чая и заодно извинился за отсутствие сюрприза, который обещали доставить с утра, но уже успели извиниться за задержку — то ли тайфун, то ли магнитная буря, то ли нашествие тараканов в мозгах работников службы доставки никак не позволило совершить доставку вовремя.

Договорились на завтра.

— Ну, тогда до встречи. Ты забегай, завтра точно обещали Смит-и-Вессон. 57-я модель, со стволом на восемь с половиной дюймов. Кучность опробуем.

Стрелок кивнул и вышел.

Где-то я подобное сегодня уже слышал...

Ладно, пойду прогуляюсь — раз сюрприз имени Смита-и-Вессона не привезли, то время освободилось.

Привычно захлопнув дверь, я сделал пару шагов и оказался как раз у моей любимой «лишней» коридорной двери.

Неожиданно даже для себя я распахнул ее и буквально впрыгнул внутрь.

Последнее, что я увидел, это стенку, которая была буквально в ладони за дверью,

прочная и твердая; в нее-то я и врезался со всего размаху.

Занятия под чутким руководством Мяслика даром не прошли — усилия тренированных мышц хватило, чтобы от удара я потерял сознание.

БАРМАГЛОТ 15

Ена обещала прийти, но вместо этого позвонила по телефону.

— Ты где? — разочарованно спросил я.

— Приезжай в «Сластену», — чуть ли не приказала она, проигнорировав мой вопрос.

— У тебя все нормально?

— Да, все хорошо. Приезжай.

— А, может, ты придешь?

— Нет. Приезжай в «Сластену». Это очень важно. Ты приедешь?

— Приеду. Когда?

— Сейчас.

— Хорошо. Уже еду.

Сменив парадные брюки и рубашку с коротким рукавом на джинсы и футболку, — вот уж действительно мы надеваем красивые вещи чаще всего для того, чтобы побыстрее их снять, — я вышел из гостиницы. Ко мне сразу же подрулил экипаж.

— Куда прикажете? — спросил водитель кобылы.

— В «Сластену», — приказал я. За скорость двойная оплата.

— Домчу, как в «Формуле 1», — пообещал он. И не соврал. До этого момента я вообще не думал, что лошадки способны так бегать.

Сунув извозчику чуть больше, чем обещал, я пулей влетел в «Сластену». Вот только Ены там не было. За нашим столиком сидел Бенвей. Увидев меня, он приветливо замахал рукой, приглашая меня за стол.

— У нас что, открыли телепортацию? — спросил он, глянув на часы.

— Где Ена? С ней все нормально? — вместо ответа спросил я.

— С ней все нормально, но здесь ее нет.

— А где она?

— Не знаю. Я попросил ее вызвать тебя сюда, и она с этим справилась великолепно. Она придет к тебе чуть позже, — улыбнувшись, пообещал он, поняв по выражению моего лица, насколько я счастлив от такого поворота событий.

— Что будете заказывать? — спросил материализовавшийся рядом со мной официант.

— Кофе по-балкански и вишневый штрудель, — заказал я первое, что пришло в голову.

— Нам надо поговорить, — сообщил мне Бенвей, когда официант удалился, — и если бы это не было так серьезно...

— Тогда давайте к делу, — перебил его я.

— Ты когда-нибудь видел, как трахаются слизни? — спросил он. — Обычные слизни, похожие на бомжей-улиток? Камасутра просто отдыхает! Слизни являются двуполыми существами, то есть каждый из них одновременно самец и самка. Желая спариться, слизняк выделяет в слизь особое приглашающее к сексу вещество, и другой слизняк, если

он тоже не прочь позабавиться, находит своего собрата по этому следу. Догнав будущего партнера, слизень покусывает его хвост, сообщая тем самым, что он полон желания. После этого они ищут вертикальную поверхность по которой ползут вверх, пока не найдут подходящий уступ. Одним из вариантов супружеского ложа им служит, например, ветка дерева. Найдя ее, они спускаются немного вниз на нити из слизи и сплетаются в клубок. Затем у них из-за головы появляются белесые половые члены весьма внушительных размеров. Слизни сплетаются членами, образуя нечто похожее на цветок или шар. Страстные объятия продолжаются что-то около тридцати минут, пока на членах не выступит сперма. Тогда они обмениваются спермой и в изнеможении падают на землю.

— Действительно важный разговор, — съязвил я, — рад, что вы меня пригласили, чтобы рассказать об этом. До свиданья.

Я хотел встать и уйти, но Бенвей меня остановил.

— Ты что думаешь, я тут просто так выставляю себя на всеобщее обозрение?

— Откуда мне знать, — ответил я, — от вас же можно ожидать чего угодно, кроме адекватного поведения. Если бы я знал, что это вы меня пригласили, я бы вообще не пришел.

— Поэтому я и обратился за помощью к Ене. Да ты не кипятись. Она все равно сейчас занята, — сказав это, Бенвей мерзопакостно улыбнулся.

— Она с ним? — вырвалось у меня, и этот вопрос заставил меня покраснеть.

— Ревнуешь, — скорее, констатировал факт, чем спросил, Бенвей.

Я же не ревновал, я сходил с ума от ревности, разрываясь между логикой и страстями, и главной моей проблемой было то, что он был мною. То, что он — это я, не вызывало к тому времени у меня ни малейших сомнений. А раз так, то и ревновал я к самому себе. То есть, по логике, будучи с ним, она была со мной, но вот страсть заставляла меня ревновать женщину, которую я не мог даже назвать своей, не к кому-то другому, а к самому себе. И когда я временами хотел его убить, логика заставляла меня видеть в этом желание покончить с собой. Вот только, кончая с собой в этом случае я убивал бы другого, что с точки зрения логики было уже полной чушью, как, впрочем, и все мои рассуждения на эту тему.

На вопрос Бенвея я не ответил.

— Если бы мы не сходили из-за баб с ума, человечество давно бы уже вымерло, так что... на этом не стоило бы вообще заострять внимание, если бы твое отношение к нему не было бы настолько важным.

У меня мой второй я вызывал страх, отвращение и желание двинуть его чем-то по голове. Вот только физически он был сильнее меня. Оставалось лишь уповать на случай или на умственное превосходство, мыслями о котором (о превосходстве) я тешил себя без каких-либо доказательств. Об этом я тоже не стал говорить Бенвею.

— Хочешь ты того или нет, но тебе придется с ним подружиться.

— Даже под дулом автомата я смогу только сделать вид.

— Тем хуже для тебя.

— А щеки подставлять никому не надо?

— Видишь ли, чтобы вернуться, тебе надо совершить квантовый переход через дверь,

а для этого надо быть в мире с самим собой.

— Тогда я лучше останусь. Этот дурдом ничуть не хуже любого другого, а по сравнению с тем, где я жил раньше, так вообще сказка.

— Вот только сказка скоро кончится былью, и ее исход может быть совсем не похожим на хэппи-энд. Так что у тебя нет выбора. Ну да тебе нужны доказательства?

— А у вас они есть?

— Постарайся не мигать, — попросил Бенвей, достав из кармана похожий на фонарик прибор и направляя мне его в лицо.

Фонарик выдал порцию ярких вспышек, и я... Все исчезло в бело-сером тумане, а когда тот рассеялся, я увидел больничную палату, кушетку и человека, опутанного трубками и подключенного к системе жизнеобеспечения. Несмотря на то, что я видел не очень четко, и что человек этот выглядел не самым лучшим образом, увиденное заставило меня закричать. Там на кровати лежал я, и я был в коме. «Вернувшись» за столик ресторана, я обнаружил, что все плятятся на меня.

— Я сильно кричал? — спросил я у Бенвея.

— Не настолько, чтобы вызывать акушера. Расслабься. То, что ты увидел, намного важнее... у нас все в порядке, — сообщил он подбежавшему к нам официанту. — Мы тут еду заказали. Вы не забыли?

— Одно мгновение, — ответил тот и исчез.

— Похоже, благодаря твоим вокальным данным нас быстрее обслужат. Так вот, — вернулся он к разговору, — здесь, в межпиксельном пространстве, находится только твое сознание. Как тебя сюда занесло, ты не знаешь, поэтому не знаем и мы. Мы можем вытащить из тебя лишь то, что содержится в твоём сознании. Этого же там нет, а раз так, ты здесь не по своему желанию. И не по своим способностям. Обычно, чтобы сюда попасть, люди изменяют свое сознание, накапливают особого вида энергию, развивают специальные системы жизнеобеспечения, чтобы их тела могли выдержать эту нагрузку. Ты же для этого слишком слаб, и твое тело долго не протянет. Поэтому тебе необходимо вернуться в ближайшее время, а иначе ты надолго переберешься на кладбище. Вернуться же ты сможешь, только решив все свои проблемы, и главная из них — неприязнь к нему. Именно поэтому ты и интересен его друзьям из Лабы, так как он без тебя тоже обречен на скорую смерть.

Он хотел еще что-то сказать, но официант принес нашу пищу. Когда же тот удалился, Бенвей сказали лишь:

— Надеюсь, это не помешает тебе насладиться пищей.

Не помешало. Здесь, на острове, или же в межпиксельном пространстве, я настолько привык к различным сюрпризам и бурной жизни, что для меня это стало уже чем-то само собой разумеющимся. А штрудель был просто великолепным.

— Теперь ты знаешь, почему так важно и в первую очередь тебе самому, чтобы ты звонил по известному тебе телефону и максимально подробно пересказывал наши беседы. Так что не забудь позвонить. Потом принимай душ, чисти зубы и жди Ену. Она скоро придет.

The lab 15

Что-то прохладное и влажное коснулось моего лба и я открыл глаза.

Зрение — присутствует, уже хорошо. Потолок вижу. Белый. В первом приближении.

Положение — горизонтальное, что не удивительно.

Голова просто раскалывается, что удивляет еще меньше. Возможно, она и слегонца так расколота и свинчена какими-нибудь шурупками.

Так, как меня зовут? ... Приехали. Только этого мне и не хватало для полного счастья.

Откуда я? Ага, помню: стажер the Lab. Не «лаборатории», а именно the Lab, или просто «Лаба», по-свойски. Так, чуть лучше. Теперь — а где это? Ага, помню — на Талеро. Остров такой. Уже почти хорошо.

Ну-ка, еще разок... меня зовут... блядь!!! не помню!

— О, смотрю, вы очнулись, — раздался нежный голосок.

Я слегка повернул голову и увидел кого-то из медицинского персонала. Светло-салатовый халат, а в нем — очень даже симпатичная девушка с восточными чертами лица, которые были проявлены в самую меру — до слегка экзотичной привлекательности, а не «луноликости», которая понятна как критерий красоты лишь азиатам.

Вероятно, медсестра — врач была бы постарше.

— Как самочувствие? — девушка улыбнулась и прикоснулась к моему лбу влажной салфеткой (от этого, видимо, я и проснулся).

— Пока еще не знаю, — честно ответил я, — А что со мной?

— Сотрясение головного мозга, пара трещин в ребрах и несколько синяков.

— Понятно.

Честно говоря, понятно еще не было — сотрясения-то разные бывают. От некоторых и память теряют, например...

— Ну, раз вы очнулись, все будет хорошо. Вот тут — кнопка вызова персонала, на тумбочке — графин с водой, я сейчас вам градусник поставлю и вернусь через пятнадцать минут, договорились?

Незнакомка встряхнула градусник, сунула его мне подмышку и направилась к двери. Сзади она смотрелась ничуть не менее симпатично, чем спереди.

— Как вас зовут? — вырвалось у меня уже в спину уходящей.

— Ли, — улыбнулась она в ответ, слегка повернувшись, и скрылась за дверью, уже не услышав «Это имя или фамилия?»

Ладно, треснулся я здорово, конечно, — сам от себя не ожидал. Но я хотя бы в больнице, и... и какого хрена я в какой-то больнице, а не в Лабе, где меня бы уже давно починил Менгеле?!

Впрочем, через десять минут Ли вернулась, и я уже не стал спрашивать про фамилию — не самый лучший способ завязать знакомство с девушкой. Разговорились мы на совсем другую тему, на следующий день она полдня провела у меня в палате, потом выяснилось, что вообще-то она работает не здесь, а просто походит какую-то стажировку, и пришла ко мне уже не уколы ставить а, так сказать, в частном порядке...

Где-то через неделю я — так и не вспомнив, что со мной случилось — переехал жить в квартиру Ли.

...и все же я промок. Дождь, который по всем прогнозам погоды должен был начаться только послезавтра, залег в засаде и напал неожиданно. Я как раз переходил бульвар, когда подлая тучка буквально выскочила из-за крыши ближайшей высотки и с хлопом вылилась точнехонько на меня.

Бр-р-р...

Кто сказал, что летом дожди теплые? Конечно, когда летний неспешный дождичек, успевающий нагреться на лету, да и облако теплое такое, пушисто-кучерявое... А это была туча, которая охладилась на лету и пролилась прицельно на меня, не отвлекаясь на мелочи типа «предварительно прогреться».

В результате к двери комплекса я подошел мокрый с головы до ног и с литром воды в каждом кроссовке. Ага, вот и звонок. Дзыыыиннь.

Дверь открылась, Ли глянула на меня и прыснула со смеху.

Я попытался обидеться, но не смог. Я вообще не могу обижаться на Ли.

Вообще-то я ни на кого не обижаюсь, просто запоминаю как хорошее, что мне делают, так и наоборот; обижаться — пустая трата времени. Но тут другая ситуация... Ладно, не люблю говорить банальности.

— Заплывай, — хихикнула Ли, — только смотри, чтобы тебя с местными не перепутали в таком виде.

Да уж, в психиатрическом отделении в таком виде посетителям ходить не рекомендуется, могут и спутать с, так сказать, аборигеном каким-нибудь, вылившим на себя пару ведер воды по приколу. Или следуя Высокой Идее, имеющей сложное латинское название.

Честно говоря, мне нравилось заходить за Ли к концу смены. Когда видишь местных обитателей, сразу становится так легко и спокойно на душе, что даже описать сложно. Полное самадхи. Подумаешь, легкая диссоциированная амнезия. О том, что это могла быть и диссоциативная fuga, я старался не думать. Прошло-то всего три недели, посттравматический синдром, ничего страшного.

Ничего страшного, я сказал!

— У нас новенький, — заговорчески подмигнула Ли, — в пятницу привезли. Будешь диагностировать?

Откуда-то я достаточно хорошо знал психиатрию, и мы так развлекались — смогу ли верно поставить диагноз. Я вообще, как выяснилось, много чего знал — не в совершенстве, но на уровне ощутимо выше среднего. Вот только имени не помнил, адреса... ну и еще кое-чего.

А когда я попытался найти в интернете, где находится Толеро — то самое осмысленное, что я нашел, было «гибридный сорт белокочанной капусты».

— Конечно, буду, — только сначала обсушиться бы.

Ли кивнула, и жестом пригласила идти за собой.

Чем хороша вторая смена — сотрудников мало, охранники сидят на вахте и смотрят

телевизор, и, если войти через заднюю дверь, то никто и не узнает, что кто-то зашел в гости.

В какой-то подсобке я разделся, вручил Ли мокрую одежду и надел принесенный ею комплект врачебной униформы. Сойдет, пока мое высохнет. У них тут сушилка есть, так что быстро...

Мы вошли в палату. Одиночную, как и все здесь. Это вам не богадельня какая-нибудь, а серьезный VIP-профилакторий. Правда, некоторые клиенты сюда поселялись действительно на профилактику, особенно когда на них заводили уголовные дела или налоговики задавали очень уж неудобные вопросы, а некоторые оставались и на пожизненную профилактику. Сами понимаете, что про какого-нибудь хорошего мальчика из приличной интеллигентной семьи в энном поколении куда лучше сказать, что он для профилактики нервы успокаивает, чем лежит в психушке. Ну а вопрос «что же так долго успокаивает» в приличных семьях не задают, как и не спросят «и в какой раз вам тридцать пять лет?» у мамочки хорошего мальчика.

Палата не отличалась разнообразием мебели — не всем ее тут можно — кровать и тумбочка. Еще пара крепко свинченных полок, пустых.

Тумбочка была сдвинута от стены приблизительно на метр, пациент стоял за ней по стойке «смирно». «Кататония?» — возникла мысль, но глаза на ранее неподвижном лице шевельнулись, уставились на меня, и полилась торжественная речь:

— Родился на улице Герцена. В гастрономе №22. Известный экономист. По призванию своему библиотечарь. В народе — колхозник. В магазине — продавец. В экономике, так сказать, необходим. Это, так сказать, система... эээ... в составе 120-ти единиц. Фотографируйте Мурманский полуостров — и получаете «Те-ле-фун-кен». И бухгалтер работает по другой линии. По линии «Библиотека». Потому что не воздух будет, а академик будет!

Что-то мне это напоминало... Пока я копался в памяти, пациент продолжал делиться своими соображениями:

— Электрическая лампочка горит от 120-ти кирпичей, потому что структура у нее, так сказать, похожа у нее на кирпич. Илья Муромец работает на стадионе «Динамо». Илья Муромец работает у себя дома. Вот конкретная дипломатия! «Открытая дипломатия» — то же самое. Ну, берем телевизор, вставляем в Мурманский полуостров, накручиваем, там... эээ... все время черный хлеб... Дак что же, будет Муромец, что ли, вырастать? Илья Муромец, что ли, будет вырастать, ребята?

Пациент замолчал, с укором глядя на меня.

— Шизофазия, — уверенно заявил я, — но что-то тут не то...

Ли улыбнулась.

Меня осенило.

— Слушай, он же дословно цитирует аудиоприложение к Большой медицинской энциклопедии 62-го года! Классика, именно из статьи «шизофазия»!

— Именно. Наизусть тарабанит. Вместо «здрассте», каждый раз

— Гм, тогда, значит, не шизофазия, раз этот текст...

— Ну почему же не шизофазия, — перебила меня Ли, — очень даже шизофазия. Потом-то он тоже бред несет, но уже другой. — Вот смотри.

Ли подошла к больному чуть сбоку, изящно приподняла полы халата (она всегда носила его в обтяжку), показав кружевной верх чулок (ручаюсь, что специально), и отвесила больному пендель.

Тот вздрогнул и начал как-то заунывно:

— Нужна религиозная революция в стране и мире. Переворот ума в мировом масштабе. Чем мы, в принципе, и займемся, начав этот разговор. Присоединяйтесь, мужи-воины под хоругви поста и молитвы. И тому подобное. Приписывайте по ходу. Иначе — в воздухе уже витает — гнев прольется и сожжет бесстыжих теток и забытых, закомплексованных, затюканных, спившихся, гомоозабоченных подкаблучников-мужиков. Бабы, возьмите примером для себя мать блаженного Августина Монику, что терпела от своего мужа-язычника и измены и унижения, и ни разу не пикнула, чем и своего мужа приобрела для господа и сына обратила в православие! — проповедник истово перекрестился, попытался отвесить земной поклон, стукнулся с размаху лбом о тумбочку перед собой, вернулся в исходное положение и продолжил декламацию более высоким и слегка истеричным голосом. — Итак, каково же общее число строк стихотворения Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха»? Оказывается — ровно 128. И это число нетривиальное, а, значит, можно говорить о его неслучайности. 128 — это два в седьмой степени. Если число «два» интерпретировать как двойственность, разделение, например, можно вспомнить такие символы двойственности, как Инь и Янь, кабалистическая «звезда Давида», масонские «Солнце и Луна», языческий Двуликий Янус, и, если число «семь» интерпретировать как знак полноты нынешнего временного века в отличие от вечности, означаемой числом «восемь», то тогда два в седьмой степени прочитывается так: «полное совершенное разделение», то есть, распад, смерть. Обратившись к Апокалипсису, мы находим там следующие слова: «и он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон», что означает «рассечение» или «убийство», то есть, то же самое, что и число 128.

Тишина.

Я посмотрел на Ли.

— А это он говорит вместо «как дела?»

— Не знаю. Кроме самого первого отрывка, он говорит достаточно разнообразно... но смысла нет никакого, шизофазия. Сам попробуй.

— Что попробуй?

— Включить. Ну, видел же, как включается.

— Пинком, что ли?

— Фи. Дозированным воздействием давлением на *gluteus maximus*.

Я пожал плечами, подошел сбоку и пнул.

— Маркс неисчерпаемо глубок и неизменно злободневен, — назидательно началась речь, и тут я наконец понял, что тумбочка для больного — это трибуна. — Идейное наследие Маркса не подвержено старению. У Маркса всегда найдется слово, сказанное будто сегодня. Маркс и сейчас в передовых рядах действующих борцов за социальное

переустройство мира. В каких бы словосочетаниях — этих или же бесчисленном множестве иных — мы ни выражали непреходящую свежесть, вечную современность мысли Маркса, их всегда желательно подкреплять достоверным, точным, обстоятельным, конкретным изложением марксистских истин. Философский камень оптимистического восприятия жизни найден научным коммунизмом, им быстро овладевает добросовестно изучающий наследие Маркса. Маркс, нераздельно с которым должны изучаться Энгельс и Ленин...

При упоминании всей троицы я не выдержал и с размаху пнул ногой докладчика, чтобы он заткнулся, однако тот, пошатнувшись и восстановив равновесие, лишь переключился, забубнив без знаков препинания:

— От богатого в выборе ботанического питания никогда не бывает чувства голода человек всегда силен и намного сильнее тех кто ест и создает потребность убийства в пищу чью-то полноправную личную жизнь когда покупаешь в магазине убитых животных в виде изделий продуктов то ты платишь деньги чтобы животных убивали ты создаешь потребность убийства животных ты заказываешь убийство животных измени мир жизнь в лучшее сейчас и спаси животных. ешь только ботаническую пищу рис и т.д., — тут шизик воздел руки и завопил: — ГОСПОДЬ НЕНАВИДИТ ВАС ВСЕХ ТРУПОЕДОВ!!! — я успел подумать, что он вернулся к уже прослушанной программе, но громкость упала и бубнение продолжилось. — Людей маньяков поэтому все вы несчастны во всей истории существования маньяков человечества животноедство все проблемы все несчастья проклятия и вся неправильность в мире возникла и возникает из-за того что человечество ест убивает животных любимых детей господ животного в этом вся причина катастрофического несчастья человечества во всем мире и всей истории человечества.

— Фигасе, — только и смог сказать я, — а что он еще может?

— Да много чего, — Ли сделала неопределенный жест рукой. — Иногда забавно, но быстро надоедает. Еще разок, если уж понравилось, и пойдем.

Хотел сказать, что не так уж понравилось, но Ли уже произвела дозированное воздействие давлением на *gluteus maximus*. В самом деле, такой ножкой и просто пнуть — как-то незящно.

Пациент благодарно набрал воздух в легкие и бабьим голосом заверещал:

— Либералы должны стать миссионерами, прогрессорами, пророками. И быть готовыми к тому, что воздаяние будет на небесах, а не на земле. Сейчас идет отлив, и нет сил, способных остановить силы лунного притяжения. Но либералы должны стоять, как маяки, ожидая неизбежного прилива. Тогда народ начнет искать берег, и либералы укажут его. Смирение, покаяние, ненависть к советскому прошлому, к ложным победам, к Сталину и СССР — вот тот учебник, который либералы должны принести в тот класс, которым станет кающаяся Россия, — пауза на вдох, и человек за трибуной из тумбочки хлюпнул носом и перешел на доверительный тон, — Как организовать детское сексуальное просвещение — я здесь абсолютно не судья. Мне в детстве сказали, что меня нашли на луковой грядке, потому что я очень любила лук, и я этой истиной вполне удовлетворялась до шестнадцати лет и не спрашивала никаких разъяснений на эту тему. Вас не волнует вопрос, как в школе поставлено преподавание словесности, истории, что

они получают из философии или гимн советский их заставляют распевать в середине дня? Так что, честное слово, сексуальное воспитание — это дело десятое...

Стало как-то противно. Поморщился, легче не стало. Захотелось сплунуть, причем прямо в рожу, — тогда точно полегчало бы.

Но больной стоял смирно, и на лице у него была легкая улыбка, даже лишь намек на такую. Видимо, был доволен. Выговорился. Донес Истину, причем даже не одну.

Может, все же плюнуть?

— Он что, и в женском роде о себе говорит? — хмуро поинтересовался я у Ли.

— Иногда даже в среднем, — подтвердила она, — Чего скучился? Плюнь ты на него... Пошли, одежда высохла уже, думаю. А я есть хочу. И выпить.

Я, кстати, тоже. Особенное второе.

Как говаривал старик Хайям еще в XI-м веке: «Запрет вина — закон, считающийся с тем, с кем пьется, и много ли, и с кем...». Вот именно. «Когда же соблюдены все эти оговорки, пить — признак мудрости, а не порок совсем».

Обращали внимание на то, что каждый напиток подразумевает соответствующую обстановку, я бы даже сказал — концепт?

Скажем, пиво подразумевает неспешную беседу с друзьями о жизни. Понятно, конечно, что смысла жизнь никакого не имеет — как давно подметили дзен-буддисты, флаг просто колышется. А живущий просто живет, а так называемые «смыслы жизни» — иллюзии, порождаемые химерами идеологий и религий. Но просто «за жизнь» поговорить приятно. Как в общем, так и в частных проявлениях. Можно в пивной, можно на ходу, прогуливаясь по улице...

А вот коньяк подразумевает именно что комфортабельные посиделки. Мне, впрочем, приходилось пить коньяк — и весьма неплохой — на улице из пластиковых стаканчиков, но это так, форс-мажор и прочие радости жизни. К коньяку нужен хороший кофе, сигара или хотя бы сигариллы, и философская беседа.

Виски — аналогично коньяку, но философии — меньше, а баек — больше. Арманьяк и бренди — сюда же.

Водка, если вы не знаете, не предназначена для распития «на троих» на улице. У нее два предназначения — праздник и действительно хорошее застолье. Причем первый вариант — утилитарный. А вот второй вариант... Но тут надо еще уметь готовить, а не просто предлагать соленые огурцы. Которые, кстати говоря, тоже надо уметь солить — они не должны быть дряблыми, да и маринованные — вкусно, но не то. После произнесения тоста надо выпить все, что налито. Желательно — залпом. Не знаю, почему так, но именно этот вариант — естественен. По крайней мере, с моей точки зрения.

Вино — это понятно. Романтика, девушки и все такое. Конечно, в некоторых культурах принято пить именно вино, а не пиво — но я-то к этим культурам не отношусь. Что не может не радовать.

Ликеры — с кофе, и только так. Айриш Мист, Франжелико, Бенедектин и так далее.

Ну а если говорить о всяких там настойках всевозможных аборигенов — текила или еще какая самбука, то не вижу никакого проку в импорте самогона.

Кстати говоря, самое мерзкое зрелище на тему «как не надо пить» я узрел, когда при мне некая девушка закусила соленым огурцом кремовый ликер «Бейлис». При этом честно считая себя интеллигенткой, которая практически не пьет и все такое. Аж передернуло... Каждый раз, как вспоминаю, передергивает. До сих пор. «Бейлис» — соленым огурцом! Кошмар...

— Ты меня слушаешь или нет? — донесся до меня милый, но раздраженный голосок.

Вляпался.

— Извини, задумался.

— О чем? — кокетливо поинтересовалась Ли.

— О выпивке, — честно признался я.

— Ну, а я про что? Пить-то что будем?

— Джек Дэниэлс, — без долгих раздумий решил я. — Пойдет?

— Конечно.

Через пять минут выяснилось, что его нет, и пришлось взять Чивас Регал. Дороже, а по вкусу не скажу, что лучше.

БАРМАГЛОТ 16

[...]

The lab 16

Пить надо уметь. В частности — знать свою норму, а то можно нечаянно выпить меньше. Вот норму мы и выпили... Бывает, знаете ли, настроение. Нет, не ужраться — это всегда получается спонтанно у всех, кроме профессиональных алкашей. А именно что выпить норму — когда еще порция, и будешь ужратым. А пока еще нет.

И настроение хорошее, и весь мир прекрасен, и еще более прекрасная девушка рядом. Которая очень мелодично напевает⁷:

— Светит мне знакомая звезда,
Все приготовления на месте.
Надо нам на кладбище, туда
Где сильно влиянье Бетельгейзе

Снова будем мертвых вопрошать
И искать полезные могилы.
Будь, Эрескигаль, ты наша мать,
А в отцы попросим Азраила...

Ли ткнула меня локтем в бок, что означало, что надо подхватить припев. Ей почему-то очень нравилась эта песня. Мне, впрочем, тоже, но я честно понимал, что с моим голосом

⁷ © Nicodimus

петь противопоказано. Для того, чтобы я решился, надо было как раз выпить норму. Ладно уж, зато громко и дуэтом:

— Танатос, мой зов неземной,
Дирмагнос — награда за смелость.
А песни довольно одной,
Лишь только б о мертвых в ней пелось...

— Закурить не найдется? — раздался рядом хриплый голос.

Вот так всегда — весь кайф обломают. Рядом стоял небритый тип, дышащий перегаром. Причем явно не от Чивас Регал.

— Нет, извините, — интересно, почему в таких случаях принято извиняться?

— Ну ничего, — не обиделся тип, — тогда бумажник и мобилу гони, я потом курить себе сам куплю.

И гыгыкнул — видимо, счел свою тираду верхом остроумия.

Предсказуемо, хотя я и думал, что такой вот гоп-стоп давно уже не практикуется — сразу по затылку бьют и уже потом шмонают.

— А, может, мирно разойдемся? Всем проще будет.

— Борзый, да? — раздалось сзади.

Понятно, не один. Судя по шуршанию в кустах справа — даже не двое. Прямо у подъезда, что самое обидно. Нет, чтобы нам дойти до дома чуть раньше или позже.

— Ты слюшай, что тэбе говорят, — продолжил первый подошедший уже с отчетливым кавказским акцентом, который я прежде не уловил, а лицо в темноте и не видно было. Разволновался, видимо, болезный...

И ручки протянул. Душить собрался, что ли — обоими за горло?

Это он зря.

Резко обоими ладонями снизу вверх по его локтям, руки легко выворачиваются вверх, соскальзывая с горла, тело с поворотом заваливается вбок, а левая рука отработанно берет шею нахала в захват. Голова набок, зажата левой рукой, выгнулся пузом кверху, ручонками машет — а они ни до чего не достают. Обидно, да?

Никуда не денется, а вот где остальные...

Впереди. Действительно двое. Ли стоит сбоку метрах в трех — странно, но они на нее не обращают внимания. Впрочем, к лучшему.

А вот это плохо — у одного пистолет. Может, муляж или еще что, а, может, и боевой...

— Брось, слышь, да? — голос наглый, не то, что сопение захваченного, который начинает трепыхаться бодрее, но с той же нулевой результативностью.

Третий достает нож. Мда, и умучаешься потом доказывать, что самооборона... Но против троих и красиво — это только в кино. Причем китайском, категории «Бэ».

Что ж...

Если сжать захват и дернуть тело вверх, то вес тушки легко ломает шею. Раньше я знал это только в теории, а теперь — и на практике. А сейчас — вскинуть труп и прикрыться им от пуль для начала...

Китайцы говорят, что надо правильно перераспределять энергию «ци», тогда ката получаются легко и красиво. На самом же деле все гораздо проще: надо лишь вызвать Ненависть в себе к тому, что тебе мешает — и тогда Тьма заполняет тебя, вливается силой в мышцы, укрепляет кожу, подпружинивает связки...

В этот раз пошло особенно хорошо — я физически почувствовал, как раздуваются узлами мышцы, искажается лицо, становясь маской Холодной Ненависти... Труп полетел низко — видимо, к дождю — в сторону грабителя с пистолетом, я прыгнул за ним.

Когда достнешь пистолет, сразу стрелять не обязательно — это кто-то из не очень умных беспредельщиков придумал. Но еще более глупо вытягивать руку с оружием вперед. Пистолет надо держать у пояса, чтобы до него еще добраться надо было издали. Чай, не в тире. А если стоять, тыча стволом вперед, то очень удобно схватить за кисть, а после этого вывернуть оружие уже несложно.

А потом — засунуть в глазницу дулом до упора. Стрелять — это лишнее. Уничтожение предмета Ненависти — это ручная работа.

Где там третий с ножиком? Надо же, обоссался... И тоже ножик впереди себя выставил, глупышка. Ну иди сюда, это не больно — мне сейчас некогда. И люди увидеть могут, и девушка ждет, так что я по-быстрому, раз — и все. Ну, раз не хочешь, я сам подойду...

— Пошли, — Ли дернула меня за рукав, — свидетелей нет, но будут, если будем тут стоять. А так — шли домой, и ничего не видели, в крайнем случае, слышали драку — через деревья ночью не видно, даже на несколько метров.

Я кивнул, быстро протер пистолет там, где могли остаться отпечатки, и мы шмыгнули кустами до подъезда — метров пять дойти оставалось, да. Первый этаж, даже по лестнице идти не надо, удобно — если даже у соседей по подъезду чуткий слух и привычка спать у входной двери, то все равно шагов им слышать и не положено. А света ни у кого не было, насколько мне запомнилось.

— Тихо открываются Врата,
Чую ритм агонии и боли,
Вижу снова мертвых города
И сиянье склепов голубое. — продолжила Ли уже дома страстным шепотом, —

Надо только выучиться ждать
Нужных звезд, и обладать талантом,
И тогда ты тоже сможешь стать
Мрачным и умелым некромантом...

Так... а если собаки? Придется рискнуть.

Кулинарные приправы — вещь полезная, в частности, перец. Который кайенский и молотый. И продается пакетиками. Ага, даже два, очень удобно.

Проскользнуть, высыпать полтора вокруг места инцидента, затем пустой сжечь в пепельнице и слить пепел в унитаз, а полупустой положить на полку обратно. Любому ясно, что перца на улице высыпано больше, чем полпакета, и, значит, перец на улице — не тот, что у меня на кухне. Главное — не клацать замками при выходе/возвращении.

Уф-ф-ф... Вроде, никто не должен заметить. Аккуратно, медленно, чтобы не щелкнул, закрываем замок.

— Мой герой! — с нарочитым пафосом поцеловала меня Ли. — Пойдем-ка в кроватку! Говорят, что после выброса адреналина потенция усиливается, сейчас проверим.

— Пока-пока! — Ли выпорхнула за дверь.

— Аналогично, — ответил я, закрывая замок.

Чем бы заняться-то? Искать работу без документов было глупо, тем более, что деньги были — как ни удивительно, но, когда меня доставили в больницу, в кармане была весьма толстая пачка отнюдь не самых мелких купюр. Еще более удивительно, что их не позаимствовали займы без отдачи — впрочем, вероятно, именно потому, что их было действительно много. А ну как я вспомню все, включая сумму, и окажусь каким-нибудь олигархом в законе? Хотя, наверное, немного отщипнули на память, но мне не жалко.

Дзы-ы-нь!

Ли что-то забыла, похоже. Но все равно надо глянуть в глазок — привычка.

А вот этого мне только не хватало для полного счастья — человека в форме с погонами. Что ж, все равно еще раз придет, если уж звонит, и хорошо, что Ли дома нет — хотя она и отреагировала на происшедшее как на что-то приятно-романтическое, я не уверен, что она не выдала бы себя во время разговора.

— Лейтенант Бр-бр-брин, — представился пришедший неразборчиво, как и все работники МВД, с которыми мне приходилось официально общаться. Профессиональное, как нечитаемый почерк у докторов. — Разрешите войти?

— Конечно, — я посторонился, давая пройти в коридор. — Чем обязан?

— Ночью у вашего подъезда было совершено тройное убийство, — официальным тоном сообщил лейтенант, — Вы ничего не слышали?

— Нет. Я вчера с девушкой до двух ночи был в ресторане, прилично выпили, и, когда пришли домой, сразу легли спать, — все правда, а что заснули далеко не сразу, милиции знать не обязательно. Тем более, что слушать было уже нечего.

— Понятно. У нас есть фоторобот, соседка видела драку, — в лоб начал грузить опер, — Посмотрите, пожалуйста.

Ясенько, ждет реакции «не, это не я! похож только!». А соседка, карга старая, оригиналка — сидеть по ночам у окна без света и смотреть на улицу. Похоже, влип... Хорошо хоть, что Ли не заметила — разговор только про одного преступника.

— Вы вот этого человека случайно не видели рядом вчера или еще когда? — лейтенант протянул распечатку.

И как только они сделали фоторобот так быстро?

— Давайте посмотрю.

Сюрприз! На рисунке был не я. Это не могло не радовать. Но сюрприз этим не

исчерпывался: фоторобот вполне достоверно изображал Мясника собственной хмурой персоной.

— Нет, этого человека я ни вчера, ни раньше поблизости не видел, — совершенно честно ответил я. — Лицо запоминающееся.

— Это уж точно, — кивнул вдруг ставший таким милым и почти родным представитель МВД, — такую рожу не забудешь.

Но откуда тут взялся Мясник и почему соседка видела его? Может, он за мной следит? Если да, то с какой целью? Мало ли что я не помню, кроме своего имени! А вот то, что мог сделать Мясник с человеком — помню прекрасно. Мне и со стороны-то было как-то не по себе наблюдать... Нет, я точно помню, что мы дружили! Ну, насколько это применимо по отношению к Мяснику... Пиво вместе не раз пили, это уж точно.

— А я вас обрадую, — отвлек меня лейтенант, — Вообще-то я новый участковый. И фоторобот меня попросили по дому показать в отделении, раз все равно к вам иду. Мы вас рассекретили. Проверили заявления пропавших, возраст, описание, и вот ваш паспорт. Поздравляю!

Я несколько неуверенно взял протянутый мне документ.

Паспорт. В меру потрепанный. Открываю.

Фото, похоже, мое, да. Как же меня зовут?

Аврелий. Редкое имя... А фамилия? Фамилия странная: «Ка». Сразу вспомнился Август к, но у того «к» — явно не фамилия.

И — что странно — прочерк на месте отчества. А ведь даже сиротам-подкидышам отчество в детском доме дают. Есть, правда, и другие народы, где отчества нет, а имен может быть несколько, но графа «национальность» в паспортах сейчас отсутствует.

— Хотите, домой подвезу? — похоже, искренне за меня радуясь, спросил участковый, — тут на машине недалеко получается, напрямиком. — Жену обрадуете, мы ей уже сообщили.

Жена?!

Судорожно листаю паспорт — так и есть. Штамп. Зарегистрирован брак с Бенвей Е. Тоже без второго инициала, что совсем уж странно.

Резко вспыхнуло в памяти: «Ена». Необычное имя, поэтому, видимо, и вспомнилось. А вот внешность — не помню, амнезия... Надеюсь, Ена не страшная на вид и на ощупь.

Как теперь быть с Ли — ума не приложу.

— Что ж, раз предлагаете, не буду отказываться, — улыбнулся я, — подвезите.

Если неприятности скалятся в лицо — смело идите навстречу. Иногда они просто блефуют и начинают растерянно улыбаться при вашем приближении. Ну а если даже не блефуют — удар в спину куда сложнее отразить, чем тот, который видишь лицом к лицу.

БАРМАГЛОТ 17

[...]

The lab 17

— ...за то, чтобы с нами такого не случилось!

Мы дружно всохотнулись и чокнулись стопками. Я подцепил на вилку маринованный гриб и закусил. Остальные, как обычно, предпочли огурцы. Это всегда выглядело чуть ли не ритуалом — переглянутся, как будто следя друг за другом, картинно и синхронно выдохнут воздух, бодро опрокинут водку в рот, так же синхронно выдохнут воздух и отправят в рот кусочек соленого огурца. Не, все нормально — но как-то напоказ, что ли... Как будто показывают: «вот как хорошо мы знаем церемонию».

— А вот еще было, давно уже. Подхожу вечером к магазину, еще пива купить, говорю скороговоркой: «Мне-бутылку-пива-Черный-козел!», достаю деньги — и только тогда вижу, что за прилавком продавец — кавказец. Я на него смотрю так невозмутимо, а он явно хочет что-то сказать, а придраться и не к чему.

Улыбнуло, разлили.

— Ну, за возможность сказать, что думаешь!

— Давай я колбасу порежу.

— Держи нож... А вообще вы замечали, что либералы — это такие странные люди, которые...

— А при чем тут либералы?

— Не при чем, просто мысль в голову пришла.

— А.

— Так вот, либералы — это такие странные люди, которые запрещают запреты. Помнится, был у меня хороший знакомый, так он со мной перестал общаться потому, что еще один общий знакомый поставил меня перед выбором — либо я с ним общаюсь, либо с третьим общим знакомым, и я его выбрал. А тот бывший хороший знакомый заявил, как я мог согласиться на ультиматум...

— Ничего не понял.

Я кивнул, соглашаясь.

— Короче говоря, некоторые считают, что если некто выдвинул ультиматум «общаться с ним или с другим», то надо немедленно прекращать общение с тем, кто такой ультиматум выдвигает.

— Не понял, почему?

— Ну так это покушение на свободу и все такое. Типа приличные люди ультиматумы не ставят, это делают душители свободы, мерзкие тоталитаристы и так далее.

— Бред какой-то. Это что, автоматом надо выбирать того, кто ультиматума не ставил? Выбора-то все равно тогда нет!

— Ты не понял, — ага, до одного дошло, — это позиция такая: «нельзя заставлять делать жесткий выбор». Люди, они странные: обычно мир видят черно-белым...

— Мир — он как зебра: белая полоса, черная, белая, черная, белая, черная... а потом — жопа! — радостно возвестил Алекс, аккуратно раскладывая порезанную колбасу на тарелку.

— Не перебивай. Так вот, люди мир видят черно-белым, а позиция у них — серенькая,

неразборчивая... Делать выбор «на чьей ты стороне» — неприятно и страшно, это же ответственность. А вот мир — он вертится вокруг, поэтому местами «плохой», местами «хороший».

Я задумчиво кивнул, достал бутылку из холодильника и разлил еще по двадцать грамм.

— На самом же деле, — продолжил Бон, — мир не черно-белый, и даже не серый. Мир — цветной. И по большей части происходящее в нем не имеет отношения к кому-либо конкретному.

— А вот позиция должна быть черно-белой, да? Это ты хотел сказать? — перебил я.

— Именно. Надо всегда четко знать, на чьей ты стороне. Бесхребетный слизняк может протиснуться в щель, в которую не пролезет существо с позвоночником, но даже на колени он никогда не встанет. Для этого надо иметь твердый скелет.

— Ну, за прямохождение! — несколько невпопад произнес тост Алекс, все выпили. Бон налил себе минералки со льдом.

Я невольно покосился на бутылку.

— Что, хочешь проверить?

— Нет уж, — буркнул я.

Пару недель назад, когда я знакомился с ними обоими, я хорошо так траванулся — чем бы вы подумали? — минералкой. Ага, вот этой самой. В смысле — маркой, а не бутылкой. Пили вместе, но всем хоть бы что, а я дня три чесался как блохастый пес. Желания проверять, попалась ли мне неудачная бутылка или же что-то в этом виде воды не устраивает, не возникало.

— А вот и я! — раздался звонкий голос из прихожей. — Вы тут без меня, смотрю, развлекаетесь?

В дверь впорхнула Ена, прижалась ко мне, дружески кивнула Бону с Алексом и юркнула в спальню переодеваться.

Через десять минут она появилась уже в халатике и мило улыбнулась, увидя, что ее ждет фужер и открытая бутылка вина. Ее любимое кресло, понятно, было свободно, и она удобно устроилась в нем с ногами.

— А можно мне штрафной бокал? — кокетливо поинтересовалась моя жена (до сих пор не могу привыкнуть к тому, что я женат).

— Конечно! — заверили мы ее хором, Алекс наполнил фужер.

Кстати говоря, мне очень нравилось в Ене то, что она любила вино охлажденным. Не знаю, кто и когда решил, что красное вино надо пить теплым — 16-18 градусов по Цельсию. Белому повезло больше — его принято пить при 10-12 градусах. Короче говоря, мы с Еной красное не дискриминировали и тоже охлаждали — согреть напиток во рту всегда можно, а вот отхлебывать теплое спиртное — это на любителя.

— Что обсуждаете?

— Да так, всего понемногу... Но начинали с обсуждения «Бойцовского клуба» Паланика.

— И до чего дообсуждались?

— Слово предоставляется Алексу! — торжественно, явно что-то пародируя, произнес

Бон.

Тот пожал плечами и взял предложенное:

— Очень хорошее описание шизофрении изнутри. Хотя обычно люди понимают ее как призыв бить друг другу морду.

Ена улыбнулась, отставила фужер и пару раз сложила ладошки, как бы аплодируя.

— А ты читала? — поинтересовался я.

— Давно.

— И?

— Согласна со сказанным, но у меня в свое время возникла другая мысль: почему по прочтении книги многих тянет подраться, но еще никто — насколько я в курсе — не пытался организовать курсы по варке мыла или хотя бы не начал варить его сам. Из человеческого жира, понятно дело.

— Ну, за то, чтобы нас осенял конструктив, а не желание набить морду! — вылез с тостом Бон, и мы опрокинули еще по одной.

Бутылка — причем вторая — закончилась быстро. «Сколько водки не бери, все равно второй раз бегать придется», — с надеждой процитировал Алекс, но Бон его оборвал, и предложил разойтись. Толсто намекнув, что вообще-то завтра работа, причем ответственная. Алекс погрузился и согласился.

Соседи ушли по своим квартирам (Алекс и Бон жили в одинаковых однокомнатных квартирах на той же площадке; причем у них даже мебель была одинаковая), я закрыл за ними дверь и глянул на Ену. Она отчетливо хотела спать — честно говоря, уже дремала, свернувшись клубочком в просторном кресле.

Я подошел, взял ее на руки — она мурлыкнула — и отнес в спальню. Всегда завидовал тем, кто может засыпать мгновенно.

Ладно, как-то я странно трезвый. Пойду, посижу в кабинете... Может, в таком состоянии будет понятнее, что я в нем должен делать. А то кабинет в квартире есть, а что я в нем делал до потери памяти — не понятно. Книги в шкафах — несколько сотен, даже под тысячу — на самые разнообразные темы. Причем распределение на полках на мой взгляд попросту стохастическое.

На компьютере — куча программ, многие — попросту первый раз видел. При этом ни одного файла данных. Я даже проверял — если файлы и были, то затерты надежно, а не просто кинуты в корзину.

В мейлере — никаких контактов.

Никто не пишет письма, как электронные, так и обычные... Черт подери, даже спам не приходит! Но почта работает нормально — я проверял.

Я плюхнулся в удобное кресло, потянулся к столу и выдвинул ящик стола, где у меня лежал хьюмидор. Достал две сигары, гильотину и зажигалку. Прикурил одну обе сигары и посмотрел на бармаглота. Тот уже нетерпеливо ерзал, ожидая сигару. Мне еще хорошо — мой бармаглот смирный, всегда следит за тем, что на нем стоит, ничего не роняет. Вот у Алекса, помню, бармаглот на сигары кидается, роняя все с себя нафиг. Я бы такую тумбочку... Но Алекс терпит.

— Как сигара?

Бармаглот довольно заурчал и выпустил пару колец дыма.

— Хорошо, как всегда.

— То-то же. Ну, что умного на этот раз скажешь? Только без этого своего «я ничего умного сказать не могу, пока не определено, что есть ум» и так далее.

— Да все равно ничего умного не скажу. Я тут не для того стою, чтобы умное говорить. Умным любой дурак сможет быть, а ты вот попробуй без ума что-нибудь сделать!

— Опять за свое?

— Слушай, ты одно пойми — если все частицы являются и волнами, и корпускулами при разных экспериментальных условиях, то для того, чтобы поймать волну, нужно совершить какое-либо дискретное действие, обычно не совершаемое.

— Ты опять про этот свой квантовый переход через дверь? Надоело уже.

— Повторение — мать учения, болван. Ладно, давай по-другому попробуем. Вот следи за рассуждениями: мысль — она ведь имеет начало и конец, следовательно, дискретна, так?

Я неуверенно кивнул. Бармаглот продолжил:

— Таким образом, воспринимая мир мыслями, мы воспринимаем его дискретно. Общая картинка складывается как бы из мыслей-пикселей, как на мониторе; и, чтобы не завязнуть в шаблонах, тебе остается одно — выйти в межпиксельное пространство...

— Подожди.

Когда мой бармаглот заговорил о мониторе, я невольно бросил на него взгляд. И увидел, что получил почту — первую за все это время.

Клик.

Письмо было кратким: «На охоту соглашайся. Встретимся». И подпись: «Мясник».

БАРМАГЛОТ 18

[...]

The lab 18

Все тело болело, как с жесточайшего похмелья. Ныли кости, еще сильнее «тянуло» мышцы — кажется, даже те, про которые я не знал, что они существуют. Впрочем, анатомия никогда не входила в мои интересы — так, когда-то проходил, но мимо...

Самое обидно — что похмелья-то и не было. Это понятно, уже хорошо. А что было? Как-то надоели провалы в памяти...

Нет, вроде все помню.

Вчера — или позавчера? — выпивали, причем весьма умеренно, с Алексом, Боном и Еной. Ли не было, у нее ночное дежурство у психов как раз. Затем я выкурил по сигаре со своим бармаглотом, получил некий странный емейл... Не ответил, решил обмозговать ситуацию.

Пошел было спать, но тут бесцеремонно ввалился Бенвей с каким-то склизким на вид спутником. Не помню, как именно, но эти два хмыря, похоже, уговорили меня что-то там такое попробовать «для расширения сознания» — видимо, пьян был сильнее, чем

помнится. Или подсыпали что-то предварительно — с Бенвея станется, родственничек хренов.

Чтобы я добровольно какое-то дерьмо наркотическое жрал? Точно подсыпали. Увижу Бенвея — он у меня свое получит.

Помню, Ена говорила про какого-то Удава — видимо, тот самый приятель Бенвея — и какое-то «молочко», что ли. Ага, от бешеной коровки...

Надеюсь, что я сейчас дома. Вот открою глаза и посмотрю...

Так. Потолок. Чистый, навесной, знакомый. Значит, я дома. В том доме, который квартира (уже месяц, да), а не который лаборатория. Ура?

Все, что бы там не было вчера — идти чистить зубы и под душ.

Оглянулся на кровать — обе сопят еще, видимо, часов девять утра — Ли уже пришла с дежурства и легла спать, а Ена еще не проснулась.

Ну и ладушки.

Никогда не понимал контрастный душ — это как-то уж слишком, а вот повертеть ручки то до почти горячей, то до почти холодной воды — совсем другое дело. Занятие полезное, медитативное.

— А ну-ка, подвинься, — раздался знакомый голос Ены. — Помыль спинку.

Такую спинку — чего же не помылить, одно удовольствие, особенно, когда она так прогибается.

— Ли спит еще?

— Конечно, после ночной смены. Завтрак приготовлю — разбужу.

Я похлопал Ену по попке (она мурлыкнула) и пошел вытираться. Странно, однако я более-менее пришел в себя. Пойду кофе сварю... Коньяк, интересно, остался еще?

Кофе на двоих как раз сварился, когда вошла Ена. Свеженькая такая, с мокрыми волосами и в мини-халатике, который мне очень нравился. И сразу полезла в холодильник — разведать тему завтрака, как и обещала.

В коридоре слышались шаги — Ли проснулась. То ли мы заспались, то ли она на работе выспалась.

— Привет! — раздалось через полуоткрытую дверь, после чего зашумела вода в ванной.

Я поставил еще порцию кофе.

Минут через десять вошла Ли, поцеловалась с Еной — причем делали они это явно задерживая действие напоказ, хитро стреляя в меня глазками, и уже потом подошла ко мне и довольно чмокнула меня в губы.

Честно говоря, в этом мне повезло — когда я уже жил с Ли после больницы и вдруг выяснил, что я женат... Но все оказалось куда проще. Скрывать что-то без особо увесистой причины — не в моих правилах, и после бурной радости «Наконец-то ты нашелся!» и моего тихого восторга на тему «жена у меня, оказывается, молодая и красивая, да еще и не дура», на вопрос «а где же ты жил?» ответил честно.

На следующий день Ена пригласила Ли в гости, они как-то сразу сошлись, через пару дней мы оказались в постели втроем, а еще через неделю Ли переехала к нам — места

хватало.

— Ена, а с кем это вчера Бенвей приходил?

Ена наморщила лобик:

— Бенвей? Вчера? Не было его. Алекс с Боном ушли, я спать отправилась, а ты в кабинете еще посидел и через часик тоже спать лег, если я время не путаю.

Та-ак. Значит, про наркотики мне приснилось. Уже радует.

Ладно, одна проблема у меня все же есть... Пойду в кабинет.

Усевшись в кресло, я привычно достал две сигары, прикурил и бросил одну бармаглоту, который радостно ей запыхтел. Вообще интересно — являются ли бармаглоты индивидуальностями? Конечно, различия у них есть, но все же очень, очень похожи... Может, это некая сеть — или единый организм, состоящий из множества тумбочек, которые очень любят курить?

Философский вопрос, однако...

Письмо про охоту от Мяслика было по-прежнему в папке «Inbox». Гм, а какой у нас обратный адрес-то? `butcher@thelab.out`

Что-то не знаю я такого домена... Впрочем, странностью больше, странностью меньше... Уже пофиг.

Я откинулся в кресле и начал задумчиво докуривать сигару. Потом как-то сами собой закрылись глаза, и я задремал.

— Чаю?

Как мне надоел этот сон! Я его НЕНАВИЖУ!

Впрочем, может, этого от меня и добиваются?

Старый хрыч как всегда невозмутимо сидел напротив и протягивал мне пиалу чая. Судя по запаху, даже приличного — а то можно было и пустую пиалу получить для пущего дзена.

Ладно, серия очередная — так серия очередная.

Наставник отхлебнул из своей пиалы и задумчиво произнес:

— Ты смотришь сны не по порядку.

— Непорядок, — согласился я и тоже сделал глоток. Странно, но на этот раз чай был не зеленый, не красный, не белый или еще какой экзотический, а нормальный такой хороший черный чай.

Наставник крякнул в жиденькую седую бороденку и достал из широкого рукава канцелярскую папку. Классическую такую — серого картона, с шнурками-завязочками.

Раскрыл, достал из того же рукава маркер и начал что-то там задумчиво черкать.

— В чем наша сила, не забыл? — не отвлекаясь от делания пометок, буркнул вопрос, явно мне.

— В ненависти, — тоскливо ответил я.

В самом деле — какая уж тут ненависть. Бывает, знаете ли, кого-то (или что-то) ненавидишь, ненавидишь — а потом смотришь в упор, подбравшись поближе: ба, и вот из-за этой мелкой херни я так переживал?

Вот и тут ровно то же самое. Герой моего сна — в смысле я, но во сне — некогда очень

хотел обучаться в этом монастыре великому боевому искусству и так далее. Но если в начале я «смотрел сон» через героя, то чем дальше, тем больше оказывался во сне непосредственно я. А мне это все было мало интересно.

БдыЩЩщщъь!..

Странный звук прервал мои размышления, и я рефлекторно подпрыгнул, причем не расплескав оставшиеся полпиалы чая.

Вместо одного из тренирующихся валялось какое-то неаппетитное месиво, а окружающие его были в мелких красных брызгах.

— Лопнул, — почти весело пояснил наставник, заметив мой интерес.

— Забыл, как выдыхать? — честное слово, обычно мне такие тупые шутки в голову не приходят. Будем считать, что это не я-который-я, а герой сна.

— От ненависти лопнул, — ухмыльнулся наставник и отвлекся от документов в папке, — И ты так же лопнешь, если не прекратишь ненавидеть.

«Ну все, начался дзен...» — подумал я, но вслух высказался более конструктивно:

— А кто меня тут учил именно ненавидеть?

Надеюсь, сарказм у меня получился.

— А если я учил бы тебя водку пить, то ты бы каждый раз напивался бы до полной отключки, а целью обучения считал бы достижения белой горячки?

Я промолчал.

— Вот так с вами, людьми, всегда: если не «А», значит — «Б», и никаких промежуточных состояний. Канючите перед воротами: «пусти-и-и-ите!», а затем лопаются. И все время, что на вас потратишь, — насмарку. Обидно, да?

Я промолчал еще выразительнее. Если уж дурдом решил продолжаться и здесь, то лучше наблюдать сто стороны насколько можно, а не быть активным участником происходящего.

— В общем, так, — направив маркер на меня, заключил наставник. — Больше тебе тут делать нечего.

— Какое облегчение! — почти вслух произнес я.

— Ненависть — это очень точный инструмент. Надо знать, когда ее применять, а когда отключать. Ну и, разумеется — на кого направлять. А у тебя в психике полный раздрай — с самим собой никак не познакомишься, анима то теряется, то двоится... А что у тебя в Ид находится — одному Фрейду ведомо. А он не говорит, только хихикает. Бармаглот обещал у него все узнать, но тот, как его увидит, сразу перестает хихикать, становится удручающе серьезен и очень быстро убегает.

Я упорно молчал.

Наставник одобрительно кивнул — то ли мне, то ли себе — и продолжил:

— Обычно люди не дорастают даже до нигредо. Они теряют свою личность, еще не начав ее развивать — подростковый нонконформизм быстренько мутирует в не менее оголтелый конформизм среднестадного существования. Думаю, ты в курсе — работа-семья-дети-пенсия-внуки, перемежающиеся телевизором и выпивкой по праздникам.

Я кивнул. Молча.

— А некоторые до нигредо дорастают — и начинают отторгать от себя то, что для них

лишнее. Вот только чтобы отторгнуть именно лишнее, надо знать, что именно лишнее — а это означает понимание того, что есть твое.

— Чтобы правильно задать вопрос, надо знать бóльшую часть ответа, — процитировал я.

— Роберт Шекли, — закончил за меня цитату наставник, — Так вот, большинство из тех, у кого все же включилось нигредо, его не преодолевают. Чаще всего происходит «откат» — и тогда имярек рассказывает о том, какой он был молодой и глупый и как он теперь остепенился. Значительно меньшее количество застревает в нигредо — иногда гниют в своем подсознании, иногда взрываются, как ты недавно видел. И мало кто преодолевает нигредо, развиваясь дальше... видишь вот ту дверь?

Я пригляделся — действительно, задней стене виднелась дверь. В нише — видимо, поэтому раньше не видел. Матовая, белая. Не характерный цвет для местной обстановки.

— Ага, видишь, — с удовлетворением заметил наставник. — Значит, еще не все потеряно.

— Ладно, тогда я пошел, — сказал я и встал. Надоело все, честное слово.

— Куда? — лениво поинтересовался наставник.

— В дверь, — обернулся я, — дальше. Куда же еще.

— Специально личностью стать нельзя, — веско заявил наставник, подпрыгнул прямо из положения сидя и пнул меня в то место, где спина резко меняет свое название.

Как любят писать — свет померк в глазах моих и все такое.

БАРМАГЛОТ 19

[...]

The lab 19

Очнулся я от неприятного ощущения: лежал я на чем-то твердом, а что-то или кто-то пихало меня в грудь. Голова гудела, звенела и делала еще что-то, название чему подобрать сложно, но это было очень неприятно.

Глаза открылись неожиданно легко.

На меня в упор смотрел Алекс. Он же ритмично давил мне на грудь руками.

Непрямой массаж сердца, ага.

Краем глаза слева я заметил еще кого-то — и сразу же понял, кого.

Бон на корточках собственной персоной. Вертит в руках платок, а на лице — видимое облегчение. Платок? А-а, искусственное дыхание. Рот в рот. Неохота целоваться, агент? Мне тоже.

И тут меня разобрал смех. Судорожный, как обычно говорят — даже сучил ногами, благо уже лежал, падать на пол не надо.

Агенты были такие же, как всегда — в строгих костюмах, черных очках и пафосе.

Бон молча подал мне руку. Я не стал возражать, ухватился, поднялся на ноги. И начал отряхиваться — запылится. Заодно это давало время на обдумывание. Хотя... А что обдумывать-то?

— Благодарю, что помогли.

Алекс и Бон синхронно кивнули.

— Помощь населению в экстренных случаях — наша обязанность, — ответил один.

— Всегда готовы помочь, — подтвердил другой.

Тьфу ты, опять я их отличить не могу... Точнее, отличить-то их можно, но кто из них Алекс, а кто — Бон? А какая, впрочем, разница...

Между прочим, когда они были моими соседями, то я их прекрасно различал, да и разговаривали они куда более разнообразно.

— Вот, держите, — стоящий слева протянул мне небольшой пакет.

Я машинально взял и вопросительно посмотрел на обоих по очереди.

— Информация о Большом Сафари и приглашение на билет.

— В пятницу сбор у фонтана на центральной площади. В тринадцать часов утра.

— Оружие и патроны, а также другое оборудование — свое.

— Выспитесь хорошенько накануне.

Алекс и Бон синхронно повернулись и пошли к лифту. На котором и уехали.

Кстати, а откуда они вообще тут взялись?!

Я оглянулся на дверь — рискнуть открыть еще раз? Нет, не стоит; и пошел домой.

Скринсейвер мигнул и исчез, открытый файл со стихотворением оставался той же загадкой. «Беззащитно жрет», ага. Все мозги уже сожрал...

Пакет был обычный, рекламный, который чаще всего выкидывают в мусор, не читая. Ну-с, что у нас внутри...

Пластиковая карточка. Мое фото. Отпечаток пальца вместо подписи. Гм? А фиг его знает, вроде похож... Условный номер вместо имени. Магнитная полоска с одной стороны и какая-то хитрая перфорация с другой.

Рекламный буклетик. Посмотрим....

Только у нас! Только один раз! Только для вас!

Объединенный Комитет Туристических Агентств Толеро представляет Вам уникальный шанс — охоту на человека!

В связи с тем, что такой вид отдыха нигде не считается законным, участники не будут знать имен друг друга, место проведения Сафари, а также...

Далее следовала обычная рекламная дребедень.

Забавно.

Что ж, стоит принять участие. Что ж, как раз сейчас — да, ровно восемь утра — должен зайти Стрелок.

Через полтора часа я брякнул в угол туго набитый полевой ранец и поставил в шкаф автомат. Пистолет и нож отправились висеть на спинке стула.

А сейчас хорошо бы пойти прогуляться. Как ни странно, сегодня, считай, выходной. На удивление нет никаких заданий — я проверил в компе. Да и на завтра тоже — как будто специально время освободилось. И пятница свободна...

Что ж, пойдём наверх.

Вот только сегодня мне что-то совсем не хочется маскироваться. Даже не знаю, почему. Может быть, надоело, что меня не замечают — пленка Лаймарта именно для этого и служит. Полезно, но как-то неприятно, когда всегда по тебе все вокруг скользят равнодушным взглядом. Скрываться мне незачем, а если будет зачем — то как раз тогда и использую маску. Возьму с собой.

Редко получается просто гулять, честно говоря.

Толеро же, между тем, — действительно красивый остров. Что не удивительно, учитывая, сколько денег уходит на поддержку этой красоты. Везде рекламируемой, как естественная, как вы понимаете...

БАРМАГЛОТ 20; The lab 20; БАРМАГЛОТ 21

[...]

The lab 21

Руки свело судорогой, и я смог разжать их только через несколько минут после того, как я перестал хрипеть и пытаться оторвать мои руки от горла. Никогда не пытались задушить себя? Где-то читал, что это невозможно: когда начинается кислородное голодание, то руки сами разжимаются, и в горло начинает проходить живительный кислород.

Оказывается, можно — если ты душишь себя в другом теле. Только сложно очень — оно, сцуко, сопротивляется. При этом очень неприятно выяснить, что по какой-то причине ты его не можешь ранить оружием, а вот он тебя — вполне. Хорошо, что я, который я, тренировался в Лабе и стрелять, и драться, а вот я, который не я, по-видимому, всему в жизни предпочитал пыхнуть косячок. За этим занятием я его и застал, удобно рассевшегося под деревом.

Сначала я удивился, потом — очень удивился... А он, сволочь, сразу выстрелил, даже не здороваясь. Моя же пуля прошла сквозь него, глубоко войдя в дерево за спиной. Хорошо, что наткнулся я на него буквально в упор, и, упав, почувствовал, что пуля — дура, а вот голыми руками я его пальпирую прекрасно. Нож тоже дураком оказался, пришлось душить. Себя можно убить лишь собственными руками — какой голимый пафос!

А ногу больно-то как... Но кость, насколько я понимаю в анатомии, не задета.

Но откуда здесь взялся мой двойник? Я не удивляюсь его наличию — в Лабе и не такое сделают, а на острове есть еще много мне непонятного, но что бы это значило здесь и сейчас? Ведь я его и раньше встречал эпизодически, просто не общались... А если бы он меня убил, что что бы тогда было?

С одной стороны, все равно бы в живых остался бы я; но этот я был бы не я...

Ладно, философия — потом, а сейчас надо снять с труба бирку участника, вставить в выданный коммуникатор и тем подать сигнал, что я свою охоту на сегодня закончил со счетом 1:0 в мою пользу. Продолжать не хотелось — и ранение, и вдруг третьего себя встречу...

Я наклонился к труп и протянул руку к запястью трупа, чтобы снять браслет с биркой.

Неожиданно я-труп схватил меня за руку как клещами, рывком притянул к себе и с какой-то ласковой интонацией прохрипел (голосовые связки я ему повредил) в ухо:

— Ты видел, в тёмной-тёмной чаше⁸...

Я изо всех сил дернулся, сумел распрямиться, но труп цепко держался за мою руку и, похоже, даже вцепился другой, так что я-то встал, а он меня обнимал спереди, склонив голову на плечо.

— Стоит пенек кровоточащий? — раздался сбоку узнаваемый голос доктора Менгеле.

— Он жарче газовой горелки, — сзади меня обняла Ли, прижавшись к спине приятными округлостями, и я прекратил понимать вообще хоть что-нибудь.

— Балуюсь, скачут рядом белки, — бодро отрапортовал доктор Джекил с другой стороны.

— Досуг их прост: тот жар унять, — рывкнул так, что я вздрогнул, Мясник.

— Кровь досуха с пенька слизать, — Ена лизнула меня в щеку и обнимающий меня труп показался совсем уж неуместным в этой ситуации.

— И снова прыгать там и тут, — сухо добавил Стрелок.

— Они так истари живут. — доброжелательно пояснил ситуацию еще один знакомый голос. — Чаю хочешь? Брось ты эту гадость...

Я вздрогнул, мой труп неожиданно легко от меня отцепился и шлепнулся вниз. Вокруг стояли, как говорится, знакомые все лица — фу, ну и рифма — и мой наставник-из-сна протягивал мне пиалу с чаем. Я отхлебнул — в ней оказался кофе с коньяком. Самое то в данной ситуации.

Очень хотелось спросить: «А что это вы все тут делаете?» — но это было крайне глупо, а ничего умнее в голову не приходило.

— А ты не думай, — ласково улыбнулся Менгеле.

— Думать надо до и после, а *во время* — надо чувствовать, — шепнули мне в уши Ена и Ли, как-то особо выделив «по время», как будто было сказано «во время чего именно», но я просто не расслышал.

— Эк ты его, — одобрительно крякнул Мясник.

Я опустил взгляд вниз: я, который не я, как-то растекся, будто бы у него пропали все кости, начиная с позвоночника, и лежал эдаким слизняком.

— Это что, я из себя раба выдавил одной большой каплей? — натужно пошутил я.

— Нет, — серьезным тоном ответил Менгеле, — ты просто не позволил ему себя убить.

— Что-то я ничего не понял, — признался я, — А как я это сделал и вообще что это все было?

— Толеро — испытание свободой, — не менее серьезно пояснил доктор Джекил. — в условиях свободы ты выбрал развитие, а вот у него, — он кивнул в сторону уже начавшей разлагаться бесформенной массы, — интересы закончились «расширением сознания» без какой-либо цели. Зарабатывать деньги, тратить деньги, ловить кайф — и все. Он так ничего и не понял.

— Можно подумать, я понял, — хмыкнул я.

⁸ Стих Т. Борцовой, написан в качестве помощи школьникам для запоминания ударений в словах.

— Тебя интересовало «что тут вообще происходит», ты пытался понять систему, — отчеканил Стрелок, — а его — лишь «что происходило лично со мной». Разница принципиальнейшая.

— Все равно плохо понимаю, — сознался я, отдавая пустую пиалу.

— Это понятно, — томно протянула Ли.

— Глупенький, — проворковала Ена с другой стороны.

— Сколько глав во всей этой истории? — хитро прищурился Менгеле.

— Двадцать одна, — растерянно заметил я.

— Ну вот. Это — ровно половина ответа на самый главный вопрос, — улыбнулся доктор Джекил. — Половина понимания — еще впереди.

Я совсем растерялся.

— Послушайте, а кто вы такие, и что здесь происходило на самом деле?

— А какое это имеет значение? — плечами пожали все синхронно, но ответил наставник-из-сна. — Хочешь — считай нас субличностями из твоего бессознательного, хочешь — считай все экспериментом инопланетян над представителем рода homo с целью проверки, насколько он sapiens.

— Но у тебя осталось еще одно, последнее испытание, — мрачно прервал философствования Мясник, и у меня засосало под ложечкой.

— А вот и мы! — раздались слева бодрые голоса, и из кустов появились неразлучники Алекс и Бон, которые тащили какой-то большой плоский предмет, завернутый в картон.

Упаковку споро сдернули, и передо мной оказалась новенькая дверь. Хорошо хоть, не сейфовая, а обычная деревянная, для внутренних помещений. Алекс и Бон держали ее с двух сторон и радостно лыбились.

— Пора! — с радостным энтузиазмом воскликнул то ли Алекс, то ли Бон.

— Потом может быть поздно! — нахмурился то ли Бон, то ли Алекс.

— И что я должен делать? — с подозрением поинтересовался я.

— Как что? — возмутился доктор Джекил, а закончили уже все хором:

— Совершить квантовый проход через закрытую дверь!

— Правда? — разозлился я.

И со всей дури вмазал берцем по двери. Надоели уже загадки, надо получать ответы. Даже если для этого приходится бить ногами.

Дверь издала звук «хрусссть» и сломалась напополам, затем упав вперед, внутрь косяка. Алекс и Бог отпрыгнули от двери, но рама осталась стоять на месте.

— Ну и что дальше? — раздался голос Менгеле сзади.

Я оглянулся — все стояли и улыбались, рассматривая меня как подопытного крысака в лабиринте: куда повернет?

Широко улыбнувшись в ответ, я сгреб одной рукой Ли, другой — Ену (чтобы точно не потерялись), неожиданно легко поднял их, расхохотался и с криком «За мной!» шагнул вперед, сквозь сломанную дверь.

КОНЕЦ

Приложение

Когда мы писали эту повесть, мне приходили в голову отдельные сюжеты, которые я хотел вставить внутрь (а что добру пропадать), но было решено не халтурить. Я их оформил в виде отдельных рассказов, но приведу здесь, чтобы все было в одном файле.

Дудочник не из Гаммельна

*Посвящается Иннокентию Пасюковичу Тихвинскому,
первому дикому крысу, который жил с нами
(сентябрь 2009 — 12/10/2011).*



Дверь трактира распахнулась, и порыв ветра ворвался в зал. Посетители за столами не обратили на это никакого внимания, но трактирщик привычно оглянулся и не ошибся: в дверях стоял незнакомец, который, судя по его виду, не отказался бы поест. И выпить — дождь на улице шел уже долго, и фигура в дверях представляла собой жалкое зрелище. И очень мокрое.

Грязная тряпка смахнула со стола большую часть крошек и размазала лужу пива, сделав ее мельче, но обширнее. Старый Пауль подавал неплохое пиво, но чистотой не увлекался. Завсегдатаи не возражали.

Незнакомец, увидев приглашающий жест хозяина, подошел к столу, снял короткий насквозь мокрый плащ и сел на лавку.

— Выпить и закусить?

— Лучше сначала закусить, а потом выпить, — слегка улыбнулся незнакомец, — долго шел, есть хочется.

— Сейчас принесу, — хозяин сделал шагок в сторону кухни, но не спеша, явно чего-то ожидая. Положенные на стол несколько монет его успокоили, и уже через несколько минут на столе оказалась большая деревянная тарелка, на которой дымилась жареная свинина с гарниром из тушеной капусты. Рядом основался большой глиняный кувшин и две деревянные пивные кружки.

— Ты, как я понимаю, издалека? — разливая пиво, поинтересовался Пауль.

Незнакомец произнес что-то вроде «угумф-ф», вгрызаясь в мясо.

— Тогда предлагаю сделку, — улыбнулся трактирщик, — Город у нас маленький, новостей немного, а я человек любознательный... Новости с тебя, скидка на еду — с меня. Тебе же, наверное, еще и ночлег нужен?

— Нужен. Умеешь ты уговаривать, я погляжу...

— А как же! — довольный хозяин плюхнулся на лавку напротив и взял свою кружку, — дело у меня такое — с поставщиками договорись, с посетителями договорись... Тебя как зовут-то?

— Шварц.

— Это, наверное, фамилия, а...

— Просто Шварц.

— Ну... А меня — Пауль. Старый Пауль, так меня все здесь зовут. Смотрю, ты действительно голоден...

— Вот зараза! — раздался вскрик из-за соседнего столика, и кто-то резко кинул кость в угол.

— ...значит, издалека шел, говоришь, — продолжил трактирщик, достал кисет и принялся набивать трубку. Хорошее пиво, хороший табак и хоть кто-то, с кем можно поболтать о чем-то ином, кроме «как паршиво живется в нашем славном городе».

— Угу, — немногословно отозвался собеседник, на этот раз прожевывая мясо уже медленнее.

— И как там? Что нового?

— Где? — Шварц оторвался от мяса и сделал большой глоток пива. На узком лице отразилось одобрение с некоторым удивлением, — Хорошее пиво.

— А то! Сам варю, — с гордостью ответил трактирщик, — Ну как где... там.

— А, там, — легкое пожатие плечами, — как везде.

— Ну, везде оно, конечно, везде, но не везде как везде... — Пауль попытался сказать что-то умное, но несколько запутался, — А к нам ты из какого города пришел?

— Из ... — ответ был. Явно был, причем произнесен четко и ясно. Тем не менее, Пауль забыл название города чуть ли не раньше, чем дослушал до конца. Переспрашивать было неудобно: Пауль был старый, но отнюдь не глухой.

— Ну и как там? — вопрос прозвучал неуверенно. Обычно путешественники радовались возможности потрепать языком и вывалить кучу небылиц.

— Да так... Живут. Как все. Рождаются, умирают. В промежутке — работают.

Некоторые — воруют. Ничего интересного, трактирщик. Более того, могу честно сказать: какой город не возьми — а обошел их я немало — ни в одном ничего интересного. Так, отдельные события... А вот чтобы город был интересным, его жители в целом, — такого мне не попадалось.

— Ну как это ничего интересного! — надеясь склонить собеседника к разговору, уверенно ответил Пауль. — Вот у нас, например... Ну... Два месяца назад у Иммерманов на ферме двухголовый теленок родился! Прожил, правда, всего несколько часов... Или вот: у Ральфа фон Банхельма в замке приведение есть. Настоящее! Говорят, что это его прадед, Альбрехт фон Банхельм, не может упокоиться — спаси господь его душу! — после того, как его заколола кинжалом очередная любовница в порыве ревности, а сама улетела на метле через дымоход, так что ее не нашли.

— Думаешь, это интересно? — покончив с мясом, гость не спеша смаковал пиво.

— Ну... да. А если нет, то что, по-твоему, интересно?

— Пауль, ты умеешь задавать истинно философские вопросы! — наносной пафос звучал явно, но трактирщик, судя по выражению его лица, не знал даже слова «сарказм», — Вот попробуй для начала рассказать о том, что есть действительно интересного в твоём городе... А табачку не найдется?

— А как же! Обязательно найдется! — трактирщик щедро протянул личный кисет, а не тот, который он носил для клиентов, которые еще платили за пиво, но не имели с собой табака, — Что интересного... Вот, скажем, у нас в городе — самые лучшие хлеба растут... По реке — Везер называется — их и на север везут, и в порты, что на море... Мельницы видел, как к городу подходил? На каждом шагу, еле справляются! Ты, думаю, не в курсе, но у нас даже на городских печатях жернова изображены. Что еще? А, это ты точно не знаешь — семь лет назад мы получили статус вольного города!

— Интересно, говоришь? — собеседник воспользовался паузой, — Ладно... Хочешь, расскажу историю — из тех, что интересны для меня?

Трактирщик радостно закивал, плеснул себе еще пива и глубоко затынулся — эх, хорош табачок! — наконец-то посетитель выпил пива столько, чтобы начать травить байки.

Несколько посетителей кабака с соседних столиков также повернулись, чтобы лучше слышать. Они, конечно, не подслушивали чужие разговоры, но кто же откажется услышать что-то новое от путешественника?

Клубы дыма появлялись из трубок почти синхронно, в каждой руке была большая кружка знаменитого пива старого Пауля, несколько пар глаз смотрели на незнакомца, предвкушая его рассказ. С год назад один из путешественников долго рассказывал, как он служил ранее оруженосцем и помогал рыцарю побеждать драконов. Врал, конечно, но забавно было. Ему с собой полный мешок еды дали. А весной кто-то начал проповедовать какую-то богомерзкую ересь. Никто, впрочем, не понял, чем он отличается от истинного христианства, но навалили еретику — будь здоров! Еле удрал. А этот что скажет?

— Geficktes Arschloch! Verpisst euch alle! — раздался крик из угла. Посетитель за дальним столиком вскочил с места и явно пытался что-то пнуть под лавкой. Зашибив ногу о стену, он прошипел ругательство сквозь зубы и уселся, потирая ступню.

Незнакомец пыхнул трубкой, отхлебнул глоток пива, и начал⁹:

Правитель одной далекой восточной страны был чрезвычайно изобретательным человеком — к счастью для наложниц из своего гарема и к несчастью для преступников, которые попадали ему в руки. «Для преступников», говорю я, а не «для своих врагов», поскольку в тех краях власть не блюдет, но олицетворяет закон, и враг власти, соответственно... Впрочем, я отвлекаюсь.

Однажды два человека — по одним сведениям закадычные друзья, по другим просто сообщники, — эти два человека были присуждены упомянутым правителем к некоей весьма занимательной казни.

Через толстую каменную стену была перекинута длинная и прочная цепь. К каждому из ее концов было прикреплено нечто вроде железного пояса, коим палачи рано утром подпоясали каждого из осужденных, предусмотрительно закрепив обновку с помощью надежного замка. По окончании всех приготовлений, описывать подробности которых я считаю скучным, несчастные остались висеть по двум сторонам стены примерно на равной высоте — ибо железный пояс более легкого из них был тяжелее ровно настолько, дабы уравнивать вес тел. (Как можно рассудить, упомянутый мною правитель был не только изобретательным, но и расчетливым человеком. К тому же он не чуждался точных наук).

А затем под каждым из преступников разожгли огромный костер...

Казнимые довольно-таки долго веселили толпу, отчаянно карабкаясь вверх по неровностям стены, срываясь, снова карабкаясь... Только после начала пытки зрители заметили, что цепь не просто перекинута через стену, а проложена по металлическому желобу, который делал скольжение легким и непринужденным.

Неизвестно, знал ли каждый из этих двоих достоверно, что краткий миг его облегчения, когда натяжение вдруг переставало быть мучительно слабым и цепь словно бы сама немножко влекла его вверх, — что этот миг кажется его соседу тысячелетием страданий. Известно лишь, что правитель, задумывая казнь, не отдал никаких распоряжений насчет того, объяснять ли обреченным на смерть детали экзекуции. Он, как опытный в делах такого рода человек, справедливо рассудил, что, будет или не будет знание о страданиях ближнего донесено до осужденного перед казнью, в самый момент казни в его голове в любом случае не станут удерживаться такие мелочи.

Долго ли, коротко ли, но случилось то, что должно было случиться: один из казнимых ослаб и оставил попытки карабкаться по стене, заменив минуты отдыха от жара, достигаемые за счет мучительных усилий, душераздирающими криками, которые он мог безо всяких забот исторгать в неограниченном количестве. Второй же сумел воспользоваться полученным преимуществом и, когда его сосед уже корчился в предсмертных муках на раскаленных углях, обнял обеими руками и даже обеими ногами прохладный каменный гребень... На его изжеванных в кровь губах застыла блаженная улыбка.

Этому человеку действительно повезло: он умер не медленной мучительной смертью

⁹ вставная история © Т. Борцова

от ожогов, а легкой и почти мгновенной, от падения с высоты.

Да что там — он мог бы и вообще не умереть. Даже самый суровый правитель наверняка помиловал бы счастливец... Если бы его умирающий товарищ по несчастью, ни то вспомнив, ни то поняв детали казни, не напряг свое израненное тело и в последнем предсмертном усилии не дернул соединявшую два тела цепь.

Шварц сделал большой глоток из кружки и умолк.

Слушатели также молчали. Через пару минут Дитер Гиршман, завсегдагай, недовольно поинтересовался:

— А что дальше?

Рассказчик недоуменно приподнял бровь.

— Чего смотришь? Орал-то второй громко?

— А, может, он сразу разбился — повезло? — пьяный голос раздался откуда-то справа, — Интересно же!

— А еще такие казни там были?

Шварц молчал, слегка улыбаясь.

— Пауль! Hopfenblütentee!!! — крик из дальнего угла выразил все презрение честного бюргера к какой-то зауми, которую ему подсунули под видом интересного рассказа. Трактирщик поднялся из-за стола и пошел выполнять заказ.

— Вообще-то, все, — слегка ухмыльнувшись, ответил никому и всем рассказчик, демонстративно погрузившись в допивание пива.

— Flachwischer, — недовольно буркнул бородач за соседним столом.

— Ist doch alles Käse, — последовало согласие с другой стороны, и все вернулись к своим занятиям: у кого пиво не допито, у кого свиная рулька не доедена...

Пауль вернулся и сел за столик.

— Знаешь, я тоже как-то не понял, что ты рассказал, — неуверенно начал он, — не мне все равно твой рассказ понравился... Не пойму, чем. Ты не беспокойся, и скидка и комната — будут. Но... А что за рассказ? Я даже не понял, в каком городе это было. Ты, кажется, вообще об этом не сказал...

Шварц фыркнул, и пена из свеженалитой кружки живописно расположилась на столе.

— А какая разница, в каком городе?

— Ну как! Города-то разные.

— А-а, ну если так... Короче, наши победили. Устраивает?

— Э-э...

— Именно, — сказал, как припечатал, Шварц, и вылил остатки пива из кувшина в кружку, — Серость. Поговорить не с кем.

Был бы трактирщик потрезвее, возможно — хотя и крайне маловероятно — он бы почувствовал разницу в тоне, которым были сказаны слова... Но шансов у него не было.

— Серость! — с возмущением начал он, неожиданно для самого себя переключившись на тему «как паршиво живется в нашем славном городе», — Drecksack! Да они уже достали! Они поедают все наше зерно! Да откуда их столько взялось, господи! Никогда такого не было! Я вчера вообще увидел, как они хлебали мое пиво, сгрызли пробку в

одной из бочек!

— Вы, собственно говоря, про что? — вежливо перебил гневную тираду Шварц.

— Как про что! — трактирщик продолжил в том же темпе, — Про крыс! Заполонили! Все! Жрут! Прохода нет! Средь бела дня бегают!

— Я несколько не понял, — нарочитая вежливость до трактирщика не доходила, что весьма забавляло, — а чем, собственно говоря, вам крысы мешают? Они везде есть. Вот на мой взгляд, мыши куда вреднее...

Трактирщик запнулся посередине тирады, попытался налить себе пива, обнаружил, что кружки пуст, поднялся, сходил за новым, из которого и налил в обе кружки.

— Мыши, — рассудительно заметил он, — были вреднее несколько месяцев назад. Грызли, засоряли... Срач в отборном солоде — это вам как? А потом мы всем городом отслужили молебен, чтобы мышей у нас в городе не стало. С первого раза не помогло, но, когда мы привезли в кирху мощи святого Кристофера, сработало. Вот только мыши исчезли от того, что пришли крысы... Drecksack!

— Ну, вы же просили, чтобы мыши исчезли — они исчезли... — с легкой, но очень ехидной усмешкой отозвался собеседник и достал из кармана небольшую серебряную дудочку, которую тут же начал вертеть в пальцах.

— Ну да... но крысы!

— А что крысы? — дудочка вращалась, невольно привлекая внимание трактирщика.

— Зерно жрут! И бегают везде! Даже у меня!

— Ну и что?

— Как это что?

— Вы хотели избавиться от мышей. Избавились. Вы считаете, что крысы вреднее мышей?

Трактирщик даже задумался.

— Нет, не считаю... Но, с другой стороны...

— Не все сразу, — ухмыльнулся его собеседник, — давайте эту сторону обсудим. Вы кого предпочитаете иметь в кладовой?

— Никого! — выпалил Пауль, — Но, конечно, крысы предпочтительнее. Они, можно сказать, даже жрут аккуратнее как-то... но ведь жрут, Drecksack! — начал заводиться он опять.

— А вы их подкармливать не пробовали? — перебил тираду Шварц.

— Это как, простите? — опешил трактирщик.

— Просто. Ну, съедают они у вас кружку типа этой, — для наглядности кружка была продемонстрирована, — зерна в день. Ну и насыпьте им эту кружку... Зато в закромах мало кто будет рыться — и так еда есть.

Пауль попытался задуматься, но попытка не удалась:

— Так они же зерно жрут! Вредителей надо уничтожать!

— Ну так мыши были вреднее?

— Конечно! Они мельче, везде пролезут, и срали где ни попадя, и жрали по все мешкам, крысы хоть как-то соображают, можно даже сказать — вред меньше приносят...

— Ну и?

— Так мыши ушли, а крысы появились! Вот если бы крысы тоже куда-нибудь делись! — трактирщик весь разговор не могу оторвать взгляд от дудочки. Она так забавно и красиво вертелась в ловких пальцах...

— Знаете, — лицо Шварца расплылось в широкой улыбке, — пожалуй, я могу вам помочь. Вы, думаю, не в курсе, как меня называли в других городах?

— Нет, — как-то сонно прозвучал ответ.

— Крысолов, знаете ли... Вас интересует только проблема крыс. Вы слышите сейчас только меня; с утра вы пойдете в администрацию города и добьетесь приема у бургомистра или у кого-либо из его заместителей. Что вы сделаете с утра?

— Я пойду в ратушу и добьюсь приема у бургомистра или у кого-либо из его заместителей.

— Правильно. Вы слышите только меня и воспринимаете только мои инструкции. Вы убедительно объясните, что я могу решить проблему вашего города — вывести крыс....

Фон Виртшафт поудобнее устроил свой зад на кресле. Пожалуй, стоило заказать другое, повместительнее, но, с другой стороны, это было традиционным и стояло в ратуше уже более ста лет... Скоро должен прийти какой-то подозрительный иностранец. Рекомендация старого Пауля, конечно, что-то стоила — эх, хорошее пиво у старикана, нельзя его обижать, — но выглядело все это как-то подозрительно. Ладно, выставить из города шарлатана всегда успеется. А вот и он...

— Да, я утверждаю, что могу избавить от крыс весь ваш город. За один вечер. Плата — вся после. Понимаю, что кажется много. Но если вы хотите, чтобы у вас были крысы — то зачем я к вам пришел?

— Ну ладно. Значит, вы завтра наглядно и доказательно избавляете город от крыс, и после этого город платит вам золотом?

— Все верно. Только вы забыли еще про лодку, она мне нужна заранее. Не новая, лишь бы плавала.

— А, ну да, ну да... Это не проблема. Что ж, если завтра у вас все получится, то заходите послезавтра за деньгами...

Посетитель кивнул головой — даже не поклонился, невежа! — и ушел. Что ж, завтра будет развлечение... Понятно, что ничего не выйдет, но все же... Ах да, лодка. Где там секретарь?

Вечером следующего дня Шварц стоял на улице вблизи трактира старого Пауля. вокруг была толпа — необычный слух обжегал весь город.

— Пауль, пива! — негромко, но четко произнес путешественник, и тут же получил желаемое. Трактирщик был рядом — если вдруг что получится из безумной затеи, то трактир приобретет еще большую популярность.

Пиво залпом проскользнуло в глотку, кружка вернулась к трактирщику, и в руке как-то незаметно оказалась серебряная дудочка.

Дудочник ухмыльнулся и начал играть...

Буквально через минуту из близлежащих подвалов начали выскакивать крысы и

собираться у его ног.

— Не мешать, отойти на несколько шагов, — на пару секунд мелодия прервалась, и толпа молчаливо отхлынула.

Дудочник шел по улице. За ним шла процессия — другим словом не назовешь — крыс. Которые, казалось, готовы были идти за ним куда угодно. Старых, спотыкающихся, с боков поддерживали молодые крысаки; совсем еще младенцев несли в зубах крыски; молодежь весело скакала по спинам матерых животных... но вся волна шла строго за ним, растянувшись уже на несколько кварталов.

Удивительно, но горожане, сопровождавшие процессию, не предпринимали попыток затоптать или еще как-либо повредить участником шествия. Возможно, их захватила та же мелодия, возможно, они не видели в этом смысла — все новые хвостатые, выскакивая из домов, присоединялись к шествию...

На берегу реки стояла заранее пришвартованная лодка. Дудочник изменил мелодию и все увидели зрелище, в которое зрители никогда бы не поверили, если бы не видели собственными глазами: широкая лента крыс с ходу прыгала в воду и плыла от берега. Те, кто несли молодых крысят, аккуратно клали их в лодку, а сами кидались в воду.

Мелодия звучала, пока последняя крыса не скрылась в тумане, нависшем над рекой.

— До завтра, — весело подмигнул толпе музыкант и выдал на дудочке какую-то особенно заковыристую трель, услышав которую, все сразу поняли: «до завтра». Толпа начала рассасываться, дудочник разделся до нижнего белья, кинул одежду в лодку и оттолкнул ее от берега.

Утром, когда Шварц спустился в обеденный зал из своей комнаты, посетители таверны встретили его восторженными криками. Наперебой рассказывая, что с вечера не видели ни одной крысы, хлопали по плечу, от чего дудочник недовольно морщился, и пытались заказать ему пива, на что Пауль орал на все свое заведение, что честь угощать пивом принадлежит ему лично. Нормально позавтракать в таких условиях, конечно, было затруднительно, но кое-как перекусить удалось.

К ратуше он пошел не один — пошли почти все посетители, да и по пути добавилась не одна дюжина. Народ восторженно орал и время от времени пытался понести героя на руках.

— Гм... Господин Шварц... А вам не кажется, что все же «сколько унесу» — это очень уж большое вознаграждение за часовую игру на дудочке? — пытаюсь изобразить на лице смущение, начал разговор Кристофер фон Виртшафт.

— Вообще-то именно так мы вчера и договаривались, — ухмыльнулся Шварц.

— Да, но... понимаете ли...

— Понимаю, как не понимать. Вам платить не хочется. Что тут непонятного-то?

— Нет-нет, вы меня не так поняли! Мне как представителю нашего славного города очень хочется вам заплатить. Но не столько же!

— Но ведь договаривались же? — еще раз ухмыльнулся посетитель.

— Честно говоря, я во все это не верил... Старый Пауль мне хоть дальний, но

родственник. Да и пиво у него... Вы сами пили, не так ли? Он мне на рождество всегда бочонок приносит, и на именины тоже. Решил уважить старика, понимаете...

— Так договаривались же? — улыбка все ширилась.

— Нельзя же понимать все так категорично! Я готов заплатить полста... Нет, даже сотню золотых! И мы можем поднять вопрос о том, чтобы сделать вас почетным гражданином нашего города...

— Я никогда не задерживаюсь надолго в одном городе. Вы просто скажите, платить будете или нет?

— Сотня устраивает?

— А разве мы договаривались на сотню?

Отдуловатое лицо фон Виртшафта в процессе разговора все более краснело. Больше всего раздражало то, что проклятый дудочник не просто вел себя нагло с благородным дворянином, а, казалось, его не заботят щедро предлагаемые золотые. Целая сотня! Большие деньги, а он тут комедию ломает.

— Вот что, уважаемый! При всех ваших заслугах я вынужден сказать, что делаю вам последнее предложение — сотня золотых! Иначе вы вообще ничего не получите! — на последней фразе голос как-то сорвался на фальцет, и пришлось закашляться.

— Понятно, благодарю вас. Прощайте, — Шварц развернулся и неспешно отправился к двери.

— А... деньги? — неуверенно произнес вслед бургомистр.

— Ну сами же сказали «или вообще ничего», — обернувшись, ответил Крыслов, продолжая улыбаться.

Толпа на улице встретила его торжественными криками.

— Помочь нести? — дружески улыбнулся Пауль.

— Что?

— Деньги... — растерянно произнес трактирщик, только заметив, что ожидаемого увесистого мешка как-то не наблюдается.

— Деньги? Деньги, знаешь ли, ваш бургомистр решил не платить, — весело и громко произнес Крыслов. По толпе пробежал шепоток.

— Как так? — еще более растерянно пробормотал Пауль.

— А вот так. Мол, пошутил он вчера. А сегодня согласен только на сотню от щедрот.

— Так хорошая сумма же...

— Договаривались на большее. Что, дружище трактирщик, посоветуешь?

— Ну... взять, что дают... А что еще делать-то?

— Понимаешь ли, я как-то привык брать то, что могу и считаю необходимым брать. А не «что дают». Нет, вижу, что не понимаешь.

— Ну... — трактирщик замолчал.

Толпа вокруг потихоньку начала разбредаться: если незнакомец вдруг начнет устраивать беспорядки, то бургомистр может и стражу позвать. Доказывай потом, что не виноват и что случайно тут оказался.

— Так что, жители города? Ваш бургомистр не держит свое слово, — громко и четко

раздался голос над площадью, — Сказать вам, кто он после этого? — толпа редела все быстрее, — Кто готов пойти к нему вместе со мной и потребовать выполнения обещания?

Оставшиеся на площади потеряли остатки приличия и быстрым шагом удалялись в переулки. Через пару минут городская площадь была пустыня. Остался только один трактирщик — и то, видимо, потому, что с самого начала неосторожно подошел близко, и, когда дудочник шагнул вперед, то загородил выход из арки.

— Пауль, ты...

— Я, наверное, пойду... Таверна без присмотра... — смущаясь, пролепетал как-то резко постаревший трактирщик.

— Пойдем! Я у тебя до вечера еще пива попью, ладно?

— Конечно. Вы только на меня не обижайтесь, ну что я могу сделать? Бургомистр...

— Не волнуйся, старик, — серьезно, без улыбки, ответил Шварц, — мне не впервой. Я даже, можно сказать, привык. Надо просто посидеть, подумать...

В этот вечер зал таверна была практически пуста. Как только дудочник зашел, народ быстро допивал и уходил. Многие боялись появления стражи (а вдруг?), некоторым действительно было стыдно. Пауль за стойкой чувствовал себя явно не в своей тарелке, часто вздыхал, а его усы как-то обвисли и часто попадали в кружку при глотке. Лишь в дальнем углу тихо бражничала небольшая компания из тех, что уже не представляют себе вечер без выпивки, но еще не способны пить все подряд, почему и предпочитали сидеть именно здесь.

Шварц сидел за столиком и думал о чем-то своем. Пива пил мало, почти не ел. Однако нельзя было сказать, что он переживает — лицо его было спокойно, иногда он улыбался чему-то своему. Когда начало смеркаться, он встал из-за стола и направился в стороны выхода.

— Прощай, Пауль, — обернулся он на пороге, — у тебя действительно отличное пиво.

— Заходите еще, — рефлекторно отозвался трактирщик, — а...

Но дудочник уже скрылся за дверью.

Вечер был как на заказ: тихая погода, на небе — редкие облака, с реки тянет прохладой... В такой вечер хорошо заниматься чем угодно, в особенности — любимым делом.

Дудочник заиграл.

Мелодия была простая, успокаивающая, но при этом зовущая за собой. После многие говорили, что слышали «дьявольские ноты» и даже «звон колоколов Ада» — это в дудочке-то! — но сейчас люди выходили на улицы, замороженные мелодией, и останавливались послушать чарующие звуки.

Все население, от мала до велика, вышло на улицы. Дудочник не спеша шел по направлению к реке, и толпа шла за ним. Все повторялось: немощных вели под руки или даже несли, младенцы были на руках матерей... Только настроение было иным: все шли молча, движения были как бы рваными, скованными. На лицах не отображалось никаких эмоций. Толпа просто шагала за дудочкой.

А вот и река — на берегу привязана та же лодка.

Мелодия слегка изменилась.

Большая часть толпы осталась на месте, к реке продолжили идти только дети. Старшие взяли младенцев на руки.

Медленно они подходили к реке. Не раздеваясь, заходили в воду; пройдя вперед, начинали плыть. Те, которые не умели плавать, тонули тут же, у берега. Умеющие же плыли вперед — в туман. Младенцев кидали в воду и даже придерживали некоторое время под водой — для надежности.

Толпа стояла в оцеплении и смотрела на все это.

Стороннего наблюдателя больше всего поразило бы то, что никаких звуков, кроме флейты, слышно не было. Конечно, слегка плескалась река, но никто не кричал, не стонал...

Город был не такой уж и большой, и ждать пришлось недолго.

Дудочник завершил игру, сел в лодку и отчалил.

Толпа продолжала стоять.

Туман мешал видеть противоположный берег, но определенного места не требовалось — гребки вперед, и все. Через некоторое время Шварц увидел впереди вполне удобное место для высадки.

Подплыв вплотную к берегу, он легко выпрыгнул на него и оглянулся — где тут можно присесть? Вопрос был не простым: как и планировалось, не все дети бесполезно потонули в реке — некоторые доплыли сюда. Чему весьма радовались полчища крыс, ожидавших еду с прошлого вечера. Пиршество было в самом разгаре — и найти не забрызганное кровью место было нелегко. Хотя вот этот пенек подойдет...

Дудочник смахнул с пня труху, на которой все же виднелось несколько капель крови, и сел. Хотя он сам был причиной, тем не менее сюрреалистичность происходящего впечатляла его каждый раз. Дети сами выходили на берег, где мгновенно скрывались под шевелящимся бурым ковром крыс. Самые нетерпеливые — обычно молодые — животные ждали кормежку в воде, вспрыгивая на головы плывущих, так что многие добирались до берега уже с порядком обгрызенными ушами и половиной скальпа. Конечно, многие крысы шлепались обратно в воду — а вы сами попробуйте удержаться на голове пловца, одновременно пытаясь его погрызть! — но для молодежи вполне нормально проявлять нетерпение и показывать свою ловкость. Хотя, конечно, с точки зрения умудренных жизнью взрослых крысаков, бросаться в воду за едой, когда она сама сюда плывет и вылезает на берег — лишняя трата сил. Спешить некуда, всем достанется.

Стоит ли напоминать, что заживо пожираемые издавали звуков не больше, чем оставшиеся на том берегу?

Плечо дудочника покачнулось под тяжестью матерого крысака — весил он явно больше килограмма.

— Привет! Как тебе?

— Здравствуй, — хотя крысак и не говорил вслух, но каким-то образом дудочник легко понимал шевеление усов возле уха, — да как всегда. Молодые, вкусные.

— На здоровье, — ухмыльнулся дудочник, — Интересно, будет ли когда-либо хоть один раз, когда вы останетесь без ужина?

— Самому интересно, — крысак ткнулся холодным носом в ухо, — но до сих пор люди действуют строго одинаково... Хочешь, стих расскажу?

— Ну давай.

— Музыкант, согласитесь, что этот город
Населяют не люди, а сонные мухи,
Которым можно вместо ребёнка
Подкинуть любую большую крысу —

Какая им разница? Всего одна крыса —

Разве много она съедает?
А если так, Музыкант, зачем же
Следить за морем, мешая встрече

Детей и крыс? —

Пусть они пляшут вместе
Под звуки флейты. Вечерний танец
Призраков над водой — согласитесь, Дудочник, —
Лучший подарок жителям Гаммельна.

— Это что? — после паузы спросил дудочник, — Сам придумал?

— Не смейся. Где ты слышал, чтобы крысы стихи сочиняли? Некая Ольга Зондберг.

— Бред какой-то. Как сказал бы один мой знакомый: дегенеративное еврейское искусство.

— А я что, хороший стих обещал? — крыс демонстративно взъерошился.

— Уел! — расхохотался дудочник, — Действительно, не обещал!

— То-то же, — довольно зацокал зубами крыс, — а то я уже подумал, что ты чувства юмора лишился.

— Где вычитал-то?

— Да в городе у кого-то книга была...

— Знаешь, — после паузы задумчиво сказал дудочник, — мне все это уже как-то надоело. Ну хоть какое-то разнообразие нужно!

— А где его взять? Для этого нужны разнообразные люди, — философски заметил крыс, — А они все больше становятся одинаковыми. То-то еще будет лет через двести-триста...

— Да хотя бы память о происшедшем оставалась бы надолго! Может, так обучились бы... А то уже через месяц все считают, что чума была или какой-нибудь «детский крестовый поход». Может, им память оставлять?

— Нельзя, — строго фыркнул собеседник, — нарушит чистоту эксперимента.
Оба помолчали. Крыс почесал задней лапой ухо и попросил:
— Сыграй, а? Вечер хороший... Из Эриха Занна что-нибудь?
Дудочник улыбнулся и потянулся за инструментом.

Толпа стояла до утра. И только с восходом Солнца сошло оцепенение, и над рекой раздался многоголосый крик...

Разговор о морали и мотивациях

Прим.: с благодарностью DoctoR'у за обсуждение темы в 2004 году.

— Так вот, — небрежно развалясь в кресле, продолжил мой визави, — Вот, к примеру, такая ситуация. Пляж, никого, кроме какого-то хилого подростка с кока-колой и тебя, пить хочется, а нечего. Спрашиваешь глоток — отказывает. Вот почему ты просто не отберешь у него эту баночку? Мораль удерживает?

Я фыркнул. Причем неудачно — точнехонько в пену на пиве. Пришлось протереть стол салфеткой.

— Не, ты не фырчи тут презрительно, — занудствовал собеседник, — ты аргументированно объясни. Как будто это не я тут сижу, а какой-нибудь болван, который всерьез заявил, что тебя от такого поступка удерживает лишь мораль.

— А «в лоб дам» за ответ засчитывается?

— Нет, не катит. Он это, — губы растянулись в ехидной улыбке, — сочтет не за обучение дзенским методом, а за то, что у тебя аргументов нет.

Я легко согласился:

— Для таких идиотов — действительно нет.

— Ну а если он идиот, так сказать, лишь в области морали? А так — умный, эрудированный...

— Достал, — прервал я тираду, — я тоже могу быть занудным. Так что закажи еще по пиву — вон официант идет — это надолго.... Итак, тут все довольно прозрачно — вопрос относится не к мотивационной, а к личностной психологии. Она, конечно, на этапе общения личности с окружающим миром реализуется через мотивации: просто нет иных путей реализации, кроме мотиваций, приобретенных рефлексов и инстинктов. Но первичен именно феномен личности. Перевод на мотивации — мол, отобрать или нет, вот в чем вопрос — означает либо намеренную ловушку от демагога, либо то, что спрашивающий не понимает феномена личности в принципе.

— Ага...

— Нарвался, теперь слушай целиком, не перебивай. Так вот, этот феномен неотделим от самооценки личности. А самооценка, как не трудно догадаться, связана с наличием критериев — без них слово «оценка» вообще бессмысленно. Эта самая функция самооценки возможна в двух реализациях. Во-первых, критерии внешние, в частности — социальные. Та самая мораль, в наличии которой ты меня типа обвинил. А во-вторых, есть

критерии внутренние. Они, разумеется, обязательно рационализированы — для того, чтобы нечто выступило в роли критерия, требуется рациональное обоснование этому. Это — уже не мораль, а внутренние принципы. Так вот — такой феномен, как совесть — это сравнение «самооцененного Я» с существующими внешними критериями и нормами. Таким образом, совесть как феномен возможна только при наличии признаваемых моральных критериев.

— То есть совести у тебя нет?

— Есть. Чистая, незапятнанная, так как ни разу не пользовался. Если я эти моральные критерии знаю — это же не значит, что я ими мотивируюсь? Я как раз про это и говорю: если в результате самооценки делается заключение о конфликте между реальным поведением и внутренними принципами, то речь идет в легком случае о неудовлетворенности собой, т.е. о глубинном, нерационализированном чувстве — неудовлетворенность, а это, в конце концов, говоря психологическими терминами, тревожность, требует решения внутреннего конфликта еще до осознания такового. А вот в случае конфликта с базовыми внутренними принципами имеем снижение самоуважения. Это, конечно, та же тревожность, но куда более сильная, вплоть до депрессии, эксцессов и срывов. Ни о какой совести, то есть самооценки по внешней, моральной, шкале и речи не идет. Совесть может «угрызать» годами, а тревожность требует немедленного разрешения. Ведь налицо «истинный» внутренний конфликт, приводящий к нарушению целостности «Я». Именно поэтому в случае «угрызений совести» каются и комплексуют, а в случае потери самоуважения — стреляются.

— Мощно задвинул. А что там с кока-колой?

Я недоуменно посмотрел на наши бокалы с пивом. Ах да — баночка у кого-то там на пляже....

— Ну что ж, распишу твой конкретный пример «по полочкам». Постулат: имярек расценивает разумность, как один из наивысших критериев оценки личности. Иначе и разговор начинать не стоит. Соответственно, имярек давно «высчитал», что ряд внешних, а именно моральных, критериев оценки личности предназначен «для всех», т.е. эти критерии абсолютно плюют на разумность. Ни одна моральная норма никак не выделяет «более разумных», мораль универсальна по определению, она предназначена для бесконфликтного сосуществования «всех и вся» в социуме. Поэтому для такого человека в оценке собственной личности значимыми становятся не моральные, а внутренние критерии, которые целиком и полностью рассчитаны и просчитаны им самостоятельно. Если имярек достаточно разумен, то его оценка по внутренним критериям будет «не самой низкой». В противном случае его разумность будет заставлять его совершенствоваться, поднимая самооценку. Но, если уж человек достиг приличной самооценки, значит, он имеет четко сформулированные внутренние принципы (критерии), на которых эта самооценка основана. Назовем это состояние действительным самоуважением, не будем отвлекаться на обширную тему мнимого самоуважения — тщеславия.

Отхлебнув пива, я продолжил:

— Из реального состояния самоуважения вытекает внутреннее спокойствие,

«цельность» субъекта, то самое отсутствие тревожности. Любая попытка нарушить внутренние принципы будет чревата снижением самооценки, и, в конце концов — самоуважения. А это, как уже говорил, нарушение внутреннего спокойствия и повышение тревожности, дискомфорта. Субъективно — «неуютно», «жмет», «нарастает общая неудовлетворенность», «что-то не то» и прочее... Такие ситуации при достаточном опыте жизни обязательно встречались и ранее, и субъект знает, что все это было в лучшем случае «неприятно», в худшем — приводило к различным эксцессам. Психика — холистична, и личность всегда стремится сохранять внутреннюю цельность, «уверенность в себе». Это вытекает из стремления «разрешить» любую тревогу как можно быстрее. Ведь тревога — это отрицательные эмоциональные переживания, обусловленные ожиданием «чего-то опасного», она имеет диффузный характер, связана не с конкретными событиями, а с «возможной опасностью».

Еще глоток.

— Ну и поскольку я не враг себе, то личность не допустит (в том числе и активно не допустит) нарушения внутренних принципов, снижения самоуважения. Ведь, как минимум, из прошлого опыта известно, что за этим последует нарушение ее цельности, нарастание тревожности и стремление как-то разрешить сложившуюся ситуацию, чтобы восстановить «пошатнувшееся Я». А если ситуация настолько трудна, что является в чем-то необратимой, внутренние принципы могут быть «сломлены навсегда». И такая перспектива нахрен не нужна, поэтому разумная личность всегда старается следить за соблюдением внутренних принципов, т.е. старается сохранять самоуважение. Именно поэтому разумный уважающий себя субъект не будет «пинать убогого» просто так. И именно поэтому он вполне сможет пнуть того же убогого, если тому есть убедительная причина; оценку причины выносим за скобки, но ее корректность вытекает из разумности субъекта. И так — «все внутри», никаких внешних моральных причин к самообоснованию любой линии поведения для разумного субъекта не требуется. И «банка Колы» не отбирается, дабы не утратить самоуважения, обидев слабого «на ровном месте», не более того. И можешь не сомневаться, что если я буду помирать от жажды или, скажем, эта кола потребуется для чего-то нужного, скажем, запить лекарство — то банка будет отобрана без каких-либо моральных угрызений. А если форс-мажора нет, то любое поведение разумного субъекта будет вытекать из особенностей его личности — тех или иных внутренних принципов, которые «держат» гораздо лучше морали» Ведь они прямо связаны с цельностью личности, с ее внутренним спокойствием. Кстати говоря, точно также я крайне не люблю врать. По той же причине. Как говаривал один знакомый доктор: «Лучше стать врагом кому-то, сказав правду, чем врагом себе, мелочно солгав».

Уф-ф, кажется, все четко сформулировал. И немедленно выпил, так сказать...

— Нормально. А вот тебе возражение: а чего себя не переделать так, чтобы «отнятие конфеты у младенца» не вызывало потери самоуважения? Зачем навешивать на себя какие-то там ограничения?

— Идиотское возражение.

— Согласен. Но — отвечай.

Я пожал плечами.

— Внутренние принципы не придумываются на заказ. Они формируются в процессе жизни индивида. И обусловлены именно поведением, сопровождающимся наименьшей тревожностью. А развитый разум потом вербализует такие состояния, формализирует, выделяет и кристаллизует суть. С какой целью? Элементарно — чтобы научиться сознательно и желательно безошибочно разбираться в любых жизненных коллизиях. Чтобы не допустить такого ответа на ситуацию, который приведет к снижению самоуважения. Собственно говоря, у личности не может не быть самостоятельно выработанной этики. То, из чего проистекают принципы, лежит не «где-то снаружи» — моральные нормы, «вытренировывающие» из человека социально послушную обезьяну, оно находится «внутри личности». Подходит то, что снижает тревожность и обуславливает цельность. Поэтому невозможно корректно переделать себя «по внешнему запросу», если такая переделка будет вступать в конфликт с ранее существующими принципами. Ведь они формировались «только для меня», а не для любого дяди Васи, как мораль, общественные нормы и прочее. Вот как раз «моральная личность» легко и внутренне безболезненно изменится, если изменятся моральные границы ситуации или моральные нормы. Строить свои принципы по внешним вводным — процесс для него привычный и естественный. Классический вариант: выход из-под социального контроля — например, группа затерялась в тайге. Если принципы не позволяли брать чужое, то субъект решится на это, только действительно умирая с голоду. А моралисту пофиг, ведь он прекрасно осознает, что «милиции здесь нет, и я физически сильнее».

— Думаешь?

— Уверен. Мне как-то в подобном разговоре вообще заявили, что, ежели не мораль, то все — обрати внимание: именно что все — будут убивать, насиловать, грабить. Ну и так далее, по вкусу. Вообще, если по отношению к себе вместо вопроса «Кем я буду в своих глазах после этого?» всплывает «Что мне за это будет от общества?», значит, разумное «Я» отсутствует в принципе. Человеческое, слишком человеческое...

— Ну и что такого неразумного в том, чтобы чморить слабых?

Я вздохнул, сделал паузу и отхлебнул еще пива. Даже не нагрелось.

— Рационализируются только базовые компоненты личности. И в этом случае рационализация каждой мелочевки просто не нужна. А базовая рациональная мысль всех подобных ситуаций одна: «нанесение вреда без причины — не рационально». И этот тезис прямо вытекает из более общего тезиса, уже претендующего на внутренний принцип, — «любое действие субъекта, способное вызвать значимые последствия, должно быть осознанным». Так — понятно?!

— То есть, ты не считаешь значимым вариант «а если они объединятся и в обратную дадут»?

Захотелось сплюнуть. Конечно, издевательство надо мной было осознанным, но вопросы действительно были дебильными...

— Знакомо. Мол, боишься, значит, а вот если бы ничего не было — то отбирал бы и насиловал!. Как вариант: «ну и на фига мне это надо?» подается как «ага, это в тебе мораль говорит! А если бы не она...» А по шее?!

— Не аргумент. Как и «а в лоб».

— Ладно. Подобные рассуждения — следствие непонимания сути явления. А суть проста, как два байта переслать: если личность способна сформировать четкие внутренние принципы, то она будет следовать им не по принуждению, а потому, что ей так комфортней. И все. Поэтому всякие «а если...» без учета этого — сплошные спекуляции. Этим приемом, например, пользуется любая церковная идеология — она не учитывает биологической природы естественного поведения человеческой особи, поэтому она плюет на суть, каркас личности — ее внутренние принципы.

— Про церковь пока отложим в сторону. Давай лучше переформулирую вопрос: «а это в тебе мораль с детства — маленьких бить нехорошо!»

— А это вообще уровень ниже плитуса. У ребенка нет морали. Ни у какого. Но у него вполне могут быть пусть полудетские и несовершеннолетние, но вполне однозначные внутренние принципы; но это уже другой вопрос, и он тесно связан с «ролевыми» понятиями.

— А...

— Почему нет морали? А исходя из особенностей детской психологии. Детский эгоцентризм делает ребенка аморальным. Для него собственные желания — самая сильная мотивация, они всегда превыше желаний других. Кстати, интересный побочный вывод: большинство программ социального научения только тем и занимаются, что приучают ребенка сдерживать или подавлять собственные желания в угоду обществу. Ладно, вернемся к теме... Из детского эгоцентризма вытекает не только детская внеморальность, но и «детская жестокость». Ребенок, причиняя другому так называемое зло, никогда не оценивает последствий, особенно для «кого-то». Поэтому все, что для взрослого можно оценить по критерию «морально/аморально», у ребенка будет изначально «внеморальным». Ввиду неприменимости к нему внешних общественных критериев, разработанных для осознающих последствия взрослых. Аналогия: вряд ли существует «мораль для идиотов». Именно поэтому дети недееспособны в любом обществе — они еще не созрели для того, чтобы предвидеть исходы и отвечать за свои действия. Поступать аморально — знать, что «это плохо», но делать. Ребенок — не знает. И большинство детей отберут игрушку у слабого, если эта игрушка им нравится. Их может сдерживать боязнь получить по заднице от воспитателя, но их никогда не сдержат никакие отвлеченные рассуждения. У детей еще нет морали, т.к. мораль ограничивает рамки социальной ответственности перед другими «сожителями общества», а ребенок еще социально недееспособен. Исходя из этого, фраза «моральные нормы закладываются с детства» — попросту бессмысленна. Эгоцентризм ребенка всегда будет против любых уступок. Моральные нормы фиксируются опытным путем по мере взросления индивида и эмоционально раскрашиваются (стыдно, нехорошо, почетно и пр.) в той мере, в какой они защищаются от рационализации, то есть чем более индивид избегает «разбирать по косточкам» ту или иную моральную норму, тем больше однозначных эмоций связано с ней. «Грубить старшему плохо! Просто плохо, и все!» Именно так — не рационализируя. И часто, что характерно, даже избегая рационализации. А если рационализация имеет место, то качественно-эмоциональные

категории оценок (хорошо, стыдно и прочие) сменяются категориями рассудочными (выгодно, перспективно, «себе дороже»), и таким путем выводятся из-под моральной самооценки. Аргумент «детская привычка переросла в моральную норму» не катит, так как это — совершенно различные явления. Привычки, по мере их закрепления, становятся безмотивными, они отрабатываются без участия коры и без эмоций, наподобие условных рефлексов. Мораль же подразумевает постоянный самоконтроль, примеривание любой ситуации на текущий моральный шаблон. При реализованной привычке давно забыты исходные послышки, о чем мораль заставляет помнить постоянно. Любую привычку можно сознательно преодолеть, и это не будет сопровождаться угрызениями совести, как при выходе за моральные границы. Возможна, к слову, обратная ситуация — соблюдение моральных догм может перерасти в привычку. Но никак не наоборот. Ведь моральный самоконтроль еще сопряжен с анализом текущей ситуации, а привычка — уже нет.

— Я имел ввиду такое: «Вот ты считаешь, что пинать малышей в песочнице — это тебя не достойно, ну так это из-за того, что тебя воспитали именно таким образом!»

— Тоже интересно и патологично. По мере становления личности навязанные в процессе воспитания социо-поведенческие стереотипы переделываются. А эти стереотипы целиком и полностью основаны на актуальных в пространстве/времени моральных нормах. И чем выше у субъекта уровень «лидерства», тем больше подобных стереотипов ему хочется сломать, ведь стереотипы нужны именно для того, чтобы не принимать решений. И если ему хватает на это воли — которая является проявлением сложившихся внутренних принципов, — то он преодолевает хотя бы основные стереотипы. А если не хватает — становится кухонным брюзгой и социальным нытиком. Это — удел большинства интеллигентов.

— Нормально. И последнее — а что ты ответишь на тезис о том, что в любом разе все сводится исключительно к «я хочу, и все»?

— Поясни.

— Сказку про белого бычка помнишь? Вот то же самое — оппонент будет сводит к «все говорят про мотивации и все такое, а ты просто так хочешь, и все».

— И все равно не понял.

— Вот ты сейчас пива хочешь?

Я покосился на половину пива, оставшуюся во второй кружке. Маловато будет.

— Хочу.

— А зачем?

— Ну, приятно мне. Люблю повеселиться, особенно пожрать, как говорил один мой товарищ детства. Не доктор, но зубной техник.

— Вот видишь, «просто хочется». А зачем ты хочешь, чтобы тебе было приятно? Что ты тут ответишь, кроме как «Хочу, и все»?

— Понял. Сведение всех мотиваций к удовольствию?

— Или избеганию не-удовольствия.

— Мда, что-то буддизм напомнило с его «как все хреново и поэтому надо самоубиться, причем мучительно долго, через перерождения». Что ж, надеюсь, ты не будешь требовать, чтобы я доказывал, что не у всех мотивации сводятся исключительно

гедонистическим причинам?

— ОК, примем как факт. В конце концов, даже сам Маслоу сказал, что про пирамиду был не прав, так как есть исключения.

— Как раз прав — но для общестадного большинства. Гуманист, вот и тормознул перед тезисом «люди не равны». Ладно, перейдем к заданному вопросу. Для начала: если в оппонентах — нечто среднестадное, то даже не вспоминай слово «удовольствие».

Мой визави с нарочитым смаком отхлебнул пива и ехидно посмотрел. Я тоже отхлебнул (теплеет, быстрее пить надо) и продолжил:

— Естественно, суть любого желания как субъективного выражения мотиваций — это именно достижение состояния удовольствия. Вот только «средний человек» понимает удовольствие, в отличие о интеллектуала всегда как-то, условно говоря, с опошлением до «плотского» оттенка. Суть желания — конкретная целеориентированность, не будем сейчас отвлекаться на более «размазанные» «стремления». Цель же достигается через действие, всегда связанное с какими-то затратами. А как реагирует субъект, когда цель достигнута? Чем он компенсирует затраты? А удовольствием от того, что затраты были не бесцельны (цель-то достигнута). Есть еще «удовольствие положения» — проявление положительных эмоций, вызванных тем, что положение субъекта стало в чем-то лучше, чем «до того». Формулирую тезис: «любое действие всегда связано с удовольствием, если это действие привело к достижению цели». Применим к любым успешным, действиям, и к очень многим безуспешным, по принципу «не догоню, так хоть согреюсь».

— Еще по пиву, пожалуйста.

Это правильно, кончилось. Заодно и пепельницу сменили. Ладно, дозанудствую до конца:

— Вот смотри, все строго. Во-первых, осознанное действие целеориентировано, не так ли? Во-вторых, смыслом, то есть целью действия выступает мотив. Мматериальный или идеальный — не суть важно.

Я дождался кивка — мол, понятно, — и продолжил:

— Мотив может быть представлен эмоционально только двумя способами: положительными эмоциями от ожидания его достижения, либо же отрицательными эмоциями, связанными с неполнотой настоящего положения. В случае успешной деятельности, то есть (достижения цели, эти ситуации разрешаются. Либо происходит усиление положительных эмоций за счет исчезновения тревоги, связанной с неопределенностью исхода, а именно ожиданием возможной неудачи — она же оставалась вплоть до самого достижения цели, либо исчезновением отрицательных эмоций, так как неполнота положения разрешилась. В общем случае оба этих процесса ведут к смещению эмоциональной планки субъективного настроения вверх. То есть — возникает удовольствие.

— Эк ты загнул.

— Причем — не выходя за рамки мотивационной психологии. Важно, кстати, понимать, что если даже цель не имеет особого субъективного «веса», удовольствие вызвано хотя бы тем, что цель четко определена, действия правильно спланированы, успешно реализованы, желание достигнуто. Мол, «правильно живу».

— И что?

— Да ничего. Просто толсто намекаю, что из того, что выполнение поставленной задачи, — что-то я совсем на канцелярщину перешел, — неизбежно вызывает удовольствие, а часто — и сам процесс выполнения, из этого не следует, что все делается именно что ради удовольствия. Конечно, возможен и примитивный гедонизм, но у разумного индивида нет привычки выставлять побочку достижения цели как саму цель.

— Умно́.

— Зато отвечает на вопрос «а согласился бы ты вставить электроды в центр удовольствия и жать на кнопку, а если нет — то почему?».

— Думаю, что те, кто задает такие вопросы, все равно не поймут такого ответа. Но в целом — нормально.

Отхлебнули по большому глотку.

— Можно вопрос?

— Смотря какой.

— Думаю, сам знаешь.

— Тогда нельзя.

— Вот я тут распинаюсь, обосновываю, лекции читаю, а ты...

— И опять ты не понял. Вовсе не «не могу». И даже не «не хочу». Просто есть вопросы, на которые надо отвечать исключительно самому — иначе ответ не будет засчитан...
Официант, счет!

Sapienti sat.
Satanas vobiscum!

warrax@warrax.net
2005-2012